ВЕК НЫНЕШНИЙ И ВЕК МИНУВШИЙ

РАССКАЗЫ РАБОЧИХ ФАБРИКИ ИМЕНИ ПЕТРА АЛЕКСЕЕВА

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

РАССКАЗЫ РАБОЧИХ
СУКОННОЙ ФАБРИКИ
ИМЕНИ
ПЕТРА АЛЕКСЕЕВА

Запись Ю. П. Злыгостева

МОСКВА · 1937

ВЕК НЫНЕШНИЙ
и
ВЕК МИНУВШИЙ

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

Рабочие и работницы

фабрики имени

ПЕТРА АЛЕКСЕЕВА,

рассказы которых помещены в этой книге

Александрова-Крынкина Клавдия Васильевна	— предцехкома аппаратно-прядильного цеха.
Артемьева Елизавета Алексеевна	— прядильщица-стахановка.
Афанасьев Михаил Алексеевич	— инструктор ткацкого цеха.
Байков Александр Васильевич	— пенсионер, кассир клуба.
Байков Михаил Александрович	— диспетчер ткацкого цеха.
Башкиров Карп Михайлович	— пенсионер.
Белкина Евдокия Михайловна	— ткачиха-стахановка.
Вдовина Екатерина Васильевна	— пенсионерка.
Воробьев Александр Александрович	— начальник охр. фабрики.
Гаврилова Варвара Акимовна	— пенсионерка.
Гурихина Елизавета Дмитриевна	— ткачиха-стахановка.
Гусарова Елизавета Евдокимовна	— пенсионерка.
Данюкова Аграфена Петровна	— пенсионерка.
Данюков Терентий Иванович	— стрелок охраны фабрики.
Ефимов Николай Сергеевич	— техрук фабрики в годы 1932 — 1935.
Жукова Аграфена Павловна	— пред. цехкома ткацк. цеха.
Калинина Наталия Сергеевна	— домохозяйка.
Калюганова Мария Степановна	— работница суконного отд.
Копейкин Михаил Евстигнеевич	— пенсионер.
Краснощеков Иван Алексеевич	— мастер ткацкого цеха.
Крынкин Василий Петрович	— моторист водокачки.
Крынкина Пелагея Николаевна	— пенсионерка.
Кудрящева Елена Агафоновна	— оператор диспетчерской ткацкого цеха.
Кудряшев Иван Алексеевич	— начполитотдела совхоза.

Лейтес Лев Григорьевич	— технорук фабрики в годы 1935 — 1936.
Лукьянов Иван Васильевич	— заведующий клубом.
Любимов Иван Алексеевич	— редактор фабр. многотиражки в годы 1931—1936.
Миронов Василий Максимович	— слесарь - изобретатель.
Митькина Мария Ивановна	— инструктор ткацкого цеха, член ВЦИК.
Парашина Степанида Федоровна	— пенсионерка.
Петрова Марфа Петровна	— ткачиха-выдвиженка, заведующая райсобесом.
Пулина Анна Павлиновна	— пенсионерка.
Пулина Матрена Ивановна	— председатель фабкома.
Рыжова Мария Ивановна	— секретарь парткома фабрики в годы 1934 — 1935.
Софронкина Анна Филипповна	— ткачиха-стахановка.
Силкин Виктор Сергеевич	— заместитель редактора многотиражки.
Смелякова Татьяна Матвеевна	— директор фабрики.
Смирнов (ДЮК) Василий Степанович	— начальник спецотдела Главного управления льняной промышленности.
Смирнова Ольга Ионовна	— пенсионерка.
Титова Татьяна Степановна	— ткачиха-выдвиженка, заместитель председателя райсовета.
Тришкина Мария Степановна	— инструктор ткацкого цеха.
Цедилина Александра Андреевна	— секретарь комсомольского комитета фабрики.
Чепелев Константин Мартьянович	— стрелок охраны фабрики.
Яковлева Елена Васильевна	— пенсионерка.

Оглавление

Предисловие

Смелякова Татьяна Матвеевна

Петр Алексеев был первый в России ткач, который понял, что рабочие должны своими руками построить себе лучшее будущее. Мы, пролетарии СССР, построили теперь это будущее под руководством ленинской партии во главе с любимым учеником товарища Ленина — великим вождем нашим товарищем Сталиным. Вот почему наша фабрика носит имя ткача Петра Алексеева.

На старом снимке нашей фабрики ясно видны над воротами три пышных царских орла. И под орлами вывеска: «Товарищество суконной мануфактуры Iокишъ». Так и написано через «и» десятеричное, а на конце твердый знак.

Да, именно здесь сто лет назад на берегу Михалков-

Смелякова Татьяна Матвеевна

ского прудка пронырливый саксонский делец и мастер основал свою красильную мастерскую[1].

Медный котел подтапливали дровами и торфом. Двое рабочих вертели руками деревянный «баран», в то время как двое других крючьями расправляли сукно. Промывная барка и вальня работали от конного привода. Весной и летом товар при помощи рам для сушки растягивали на солнышке, зимой и осенью сукно просушивалось в варварской «сушне».

Двадцать лет Иокиш красил и отделывал только «давальческое» сукно с других фабрик, пока, наконец, не собрал капиталов, чтобы в 1855 году поставить свою деревянную ткацкую мастерскую.

Вместо конных приводов мастерская стала обслуживаться паровой двадцатисильной машиной. Из сорока ткацких станков девять были механическими. На фабрике работало 290 рабочих, и производили они тысячу кусков сукна в год.

Прибыль этого предприятия от эксплоатации 290 рабочих была настолько велика, что в 1859 году Иокиш смог уже возвести четырехэтажный кирпичный корпус с

---

[1] Фактические данные, приводимые в предисловии, взяты из материалов, собранных т. Евгеньевым.

высокой трубой и коромысловой сорокасильной машиной. Старую мастерскую превратили в казармы.

В 1861 году Иокиш перевел отбельную и красильню в село Гаврилково. Там он поставил на пруду плотину, завертел водяное тринадцатисильное колесо.

В 1865 году в Москве, на выставке, Иокишем за цветные сукна был получен первый орел — высшая награда для предприятия — право изображать на своих изделиях государственный герб Российской империи К тому времени на фабрике Иокиша было 84 ткацких станка при 600 рабочих.

В 1872 году Иокиш имел уже 147 ткацких станков, из них 40 механических. Он имел три паровых машины общей мощностью в 75 лошадиных сил, имел четыре паровых котла. На фабрике тогда работало 697 рабочих.

К 1878 году предприятие разрослось настолько, что Иокиш образовал «Товарищество суконной мануфактуры Иокиш» с капиталом в восемьсот тысяч рублей, поделенным на восемьсот паев.

Через год, в 1879 году, фабрика насчитывала 155 ткацких станков и 916 рабочих, а в 1881 году она получила право изображать на своих изделиях и второго орла. Это было результатом представления фабричной продукции на московскую выставку на Ходынке.

Третий орел был получен фабрикой в 1896 году на нижегородской выставке. К этому году с фабрики совершенно исчезли деревянные станки. Вместо старой коромысловой была установлена трехсотсильная паровая машина.

Из года в год Иокиши продолжали совершенствовать свое оборудование, устанавливать ткацкие станки новых, лучших систем, заменяя ими прежние устарелые и сокращая тем количество станков при увеличении выработки.

Партии новых станков приобретались и в 1896, и в 1902, и в 1908, и в 1916 году. В 1902 году красильня и отбельная были переведены из Гаврилкова обратно в Михалково и рационализированы.

В 1906 году на фабрике установили шестисотсильную паровую машину и новые паровые котлы, надстроили трубу, провели электроосвещение.

В 1908 году пристроили новый отсек корпуса и приобрели восьмидесятисильный дизель.

К 1910 году фабрика была механизирована полностью и при тысяче рабочих давала два миллиона рублей оборота в год.

К 1917 году рабочих стало 1500 человек, ткацких станков — 133.

Иокиш непрерывно обновлял на своей фабрике не только ткацкое, но и прядильно-аппаратное оборудование.

От грубых тяжелых «мюлей», которых в 1865 году у него было семь, а в 1872 году — десять, он переходит в 1876 году к первым трем сельфакторам «Куртис».

В 1881 году Иокиш приобретает еще семь сельфакторов, по триста веретен каждый, а в 1887 году еще три сельфактора. «Мюли» навсегда исчезают с фабрики.

К 1917 году фабрика обладала уже двадцатью двумя сельфакторами и 6 600 веретенами.

Чесальных машин в 1865 году Иокиш имел двадцать восемь.

В 1872 году он приобрел одиннадцать чесальных аппаратов, в 1879 году на фабрике было двенадцать аппаратов.

В 1890 году Иокиш заменил деревянные чесальные машины и аппараты бельгийского и французского заводов новыми металлическими двух-и трехпрочесными полуторной ширины аппаратами австрийского завода Иозефи. К 1917 году на фабрике было двенадцать таких аппаратов.

Вот вкратце дооктябрьская техническая история нашей фабрики, созданной за счет жесточайшей эксплоатации, угнетения и темноты рабочих тех времен.

Какова же история ее кадров?

Василий Иванович Иокиш, умный хищник, искусный красильный мастер, нашел золотое дно в деревне Михалково под Москвой. Он не был помещиком, но сумел организовать дело так, что крепостнические порядки на его фабрике сохранились едва не до Октября.

Беспощадный эксплоататор с мертвой хваткой, Василий Иокиш сумел прослыть «добрым дедушкой» своих ра-

бочих. Руководимый простым расчетом («оседлый рабочий в моих руках, он ко мне прикреплён»), Василий Иокиш строил казармы для семейных рабочих, отводил им каморки-стойла. К нему шли ткачи из села Брыни Калужской губернии от разорившейся графини Толстой, шли из Михнева под Москвой с Шорыгинской фабрики, переходили с фабрики староверов Носовых и со многих других фабрик. Он старался воспитать кадры покорных, терпеливых рабов, которые воспринимали бы угнетение как должное. И выходило, со стороны глядя, что и хозяин «добрый» и рабочие «покорные». Вот почему и прозвали нашу фабрику «божьей». На этой «божьей» фабрике шла беззастенчивая эксплоатация, мастера смотрели на рабочих, как на людей низшей расы. Особенно тяжко приходилось работницам. Их эксплоатировали не только на фабрике, но и на дому у начальства. Слово «барщина» держалось на фабрике Иокиша десятки лет после отмены крепостного права в России.

Старый Иокиш умер в 1883 году, но порядки, заведенные им, остались. Те же патриархальщина и крепостническое отношение к рабочему, те же забитость, темнота самих рабочих царили на фабрике и при Василии Васильевиче Иокише, умершем в 1897 году, и при Александре Васильевиче Иокише, умершем в 1913 году, и при Юлии Ивановиче Беренгофе, директоре фабрики с 1897 по 1916 год, владевшем значительным количеством акций фабрики.

Попытка одного из молодых управляющих фабрикой, некоего Ципсера, родственника Иокишей, изменить формы эксплоатации, переведя их на более культурные, европейские рельсы, успехом не увенчалась.

Иокиши были капиталистами своеобразного склада, и рабочих они довольно ловко воспитывали в своем вкусе. Непрерывно обновляя, совершенствуя, рационализируя оборудование фабрики, Иокиши также старательно «оберегали» своих рабочих от проникновения нового, революционного духа. В 1905 году, во время первой забастовки на фабрике, отсталая часть рабочих не желала бросать работу, видя в этом преступление перед «благодетелями»-хозяевами.

В 1913 году те же хозяйские холуи сорвали организованную подпольной революционной группой вторую стачку на фабрике.

В 1916 году стихийная забастовка экономического протеста также не имела последствий. Однако, несмотря на все это, революционные силы росли. Подпольная работа велась даже и на фабрике Иокиша. Василий Петрович Крынкин распространял среди рабочих листовки. Александр Васильевич Байков участвовал в нелегальных собраниях. Константин Мартьянович Чепелев был зачинщиком первой стачки. Елена Кудряшева верховодила в забастовке 1916 года. Муж и жена Титовы сколачивали крепкую подпольную революционную группу.

Эти люди и десятки других, работая под руководством профессиональных революционеров-ленинцев, которых посылала на фабрику партия большевиков, разрушали легенду о «добром дедушке» Иокише, разъясняли рабочим суровую правду классовой действительности и подготовляли рабочих фабрики к Октябрю.

Великую пролетарскую революцию рабочая масса фабрики Иокиша встретила с радостью. Политическая сознательность и активность еще дремали, только единичные товарищи с нашей фабрики принимали непосредственное участие в революции. Но классовое чутье рабочих Иокиша указывало им, где пролетарская правда. На выборах в городскую думу рабочие нашей фабрики уже почти поголовно голосовали за пятый список. Единодушно вышли они на первые послеоктябрьские демонстрации приветствовать свое рабоче-крестьянское правительство.

Многих отважных бойцов гражданской войны, самоотверженных продотрядников, активных борцов с разрухой дала наша фабрика за 1918—1921 годы.

Эти годы были особенно тяжелы для самой фабрики. Бывшие администраторы фабрики Иокиша (проданной в 1916 году капиталистам Второву и Каштанову), засевшие в Главтекстиле ВСНХ, всячески тормозили работу. Рабочее правление было неопытно. Весь 1919 год фабрика простояла из-за отсутствия топлива. Перебои в работе по той же причине были также и в 1920 и 1921 годах. Но ра-

бочие собственными силами принялись за заготовку дров согрели и пустили в ход фабрику.

Ежемесячная выработка 1920—1921 годов не превышала тридцати тысяч метров сукна. В 1923 году ежемесячная выработка достигла сорока тысяч метров сукна, в 1924 году составила сорок три тысячи семьсот метров. В 1926 и в 1927 годах фабрика ежемесячно вырабатывала до ста тысяч метров продукции, дав за хозяйственный год 100 тысяч метров ткани, против 79,9 тысячи метров рекордного для прежних ее капиталистических хозяев 1915 года.

В 1931 году ежемесячная выработка стала равняться 196 тысячам метров. За этот год фабрика выпустила 2 250 тысяч метров продукции, превысив наметки пятилетнего плана на 36,9 процента.

В 1935 года мы дали 2 102 тысячи метров.

Но реконструкция фабрики шла медленно. В настоящее время мы имеем из общего количества 257 ткацких станков не менее 75 станков советского производства. Имеем 24 сельфактора с 6 900 веретенами. Из наших 18 аппаратов четыре совершенно новых, советского производства, прибыли на фабрику только в 1935 году.

Запоздание реконструкции нашей фабрики в значительной мере объясняется частой сменой трестов — хозяев фабрики.

В 1928 году начало работ по реконструкции фабрики было сорвано передачей ее из Вигоневого треста в трест «Мосшерстьсукно». В 1929 году был выстроен новый корпус, а в 1932 году перестроены и надстроены жилые дома. Надстройка позволила дать квартиры 268 семьям рабочих. 85 процентов рабочих фабрики живут в фабричных квартирах. В 1926 году РЖСКТ построил два дома. В 1928 году закончен постройкой новый железобетонный клуб фабрики.

Бывший дом молодых Иокишей отдан под детский сад и ясли. С 1932 года фабрика имеет свой огород, свинарник, крольчатник.

Этот год особенно знаменателен в пооктябрьской истории нашей фабрики.

Переход на суррогатированное сырье, неподготовленный треугольником фабрики, дал катастрофический рост брака. До 90 процентов всей продукции было браком. Партийное, хозяйственное и техническое руководство фабрики оказалось неспособным возглавить производственную активность кадровиков. В первой половине 1932 года фабрика имени Петра Алексеева по своим производственным показателям была худшей среди суконных фабрик Союза.

Ей на помощь пришел Октябрьский райком партии, укрепивший фабричное руководство. Опираясь на массу рабочих-кадровиков, новые руководители в течение нескольких месяцев вывели фабрику на одно из первых мест среди предприятий суконной промышленности Союза.

В 1933 году наша фабрика получила первую премию на всесоюзном конкурсе ткачей-шерстяников. Годовая программа 1933 года в 2 340 тысяч метров ткани была нашей фабрикой выполнена досрочно к 16 декабря 1933 года. Брак в декабре 1933 года был сведен к 0,61 процента. С тех пор и по настоящее время наша фабрика считается одним из лучших, передовых предприятий Октябрьского района Москвы и нашего треста «Моссукно».

На фабрике находят живой отклик все важнейшие общественно-политические и производственные начинания. Первые стахановцы в районе и среди московских шерстяников появились на фабрике имени Петра Алексеева. В августе 1935 года фабрика праздновала столетие своего существования.

Открыв стахановским движением второй век работы фабрики, ее кадровики, все ее рабочие и работницы под руководством великой большевистской ленинской партии и вождя мирового пролетариата товарища Сталина придут к невиданным для капиталистов производственным достижениям.

☆ ☆ ☆

ГЛАВА 1

ФАБРИКА

1953 г.

КРЫНКИН Василий Петрович

Корпус-то какой у нас стал. О-о-о! Заглядение, а не корпус. И вверх и вширь пораздался, стеклами весь блестит, окна большие, ясные, просто прелесть.

А зайдешь в него — внутри воздух свежий, места много, чисто, светло.

Каждый раз, как иду, любуюсь нашим красавцем. Ишь, глазастый, на солнышке разблестелся. За этими-то стеклами какие дела делаются? Мне уж отсюда стариковскими глазами не рассмотреть, я так знаю. Вон у того окна кто работает? Лиза Гурихина, Нюра Софронкина, Дуся Белкина. А чего они делают? С двух станков на шестерку перешли. Вот заварили кашу! Каждая в смену по восемьдесят метров сукна дает. Аккурат, постелить от угла до моей квартиры. Все так начнем работать — это сколько

П. Н. и В. П. Крынкины.

же добра-то прибудет? И все в один народный сундук, в нашу общую советскую укладку.

Как хозяин прихожу во двор фабрики.

И все-то мне тут знакомо и понятно на всей фабрике, что к чему. Нутром чую, в каком цехе, в каком отделе что делается. Знаю весь фабричный обычай. Сам-то я на водокачке теперь работаю, на берегу пруда. Воду подаем в корпус. Хоть мне семьдесят шестой год пошел, а за мотором глядеть могу. Машина качает воду, а я присматриваю.

Работаем мы на беспрерывке, в три смены. Ведь фабрику нельзя без воды оставить.

А табельщица наша находится в главном корпусе.

Люблю я в главный корпус ходить. Век свой прожил красильщиком — на водокачке под старость и скучновато.

Вот придешь в корпус, да прежде чем к табельщице явиться, сперва заглянешь в цеха. Одному дашь совет хороший, другого отчитаешь за беспорядок, — всюду досмотр нужен, хозяйский глаз...

Походишь по фабрике, повидаешь свою табельщицу, а там зайдешь и в контору, спросишь секретаря:

— Директор-то в браковку ушла?

— Ушла.

— А технорук уж, небось, в смеске?

— В смеске, дядя Василий.

— Ну, и я к себе на водокачку пойду...

И возвращаешься к товарищам на работу.

☆ ☆ ☆

ЕФИМОВ Николай Сергеевич

Как превращаются разрозненные шерстинки в прочную красивую ткань?

Пройдите со мной по цехам фабрики от сырьевого отдела до готовой продукции, как я делаю это каждое утро.

Наша фабрика имеет три основных цеха: красильно-аппретурный, ткацкий и аппаратно-прядильный. Каждый цех разделяется на отделы. Прежде всего я спускаюсь в самый нижний этаж фабрики — в подготовительный отдел аппаратно-прядильного цеха. Отсюда у нас начинается процесс производства. Сюда поступает наше сырье.—

шерсть, лоскут, обраты. Лоскут — это старые тряпки, обраты — бракованные остатки собственного нашего производства.

Раньше чем что-нибудь делать с сырьем, его надо правильно подготовить, облагородить. Его рассортировывают, моют, протрепывают, обеспыливают, обесцвечивают и красят. Тюки грязной шерсти и засаленных пропотелых лохмотьев становятся холмами пушистого одноцветного волокна. Тут синеватый холм, там — зеленоватый, здесь — рыжий.

Я хожу от холма к холму сырья и просматриваю качество каждого сорта. Соответствует ли он установленным для нашего предприятия кондициям, то есть условиям? Может быть, нужно изменить тот рецепт смешиванья сортов сырья, который я назначил на сегодняшний день вчера?

Нет, сорта хороши. Можно разрешить делать смеску.

Смеска — это фундамент всего нашего производства. Что испорчено в смеске, того уж не исправить потом.

Смеску делают тщательно. Сорта сырья — компоненты — раскладывают по полу друг на друга слоями, чередуя один с другим. Получается как бы слоеный пирог, который мы называем постелью. Потом слои постели перемешивают и вручную и на машине. Вся смеска становится однородной пушистой массой.

Я иду в аппаратный отдел, где эта масса замасливается и прочесывается. В чесальном аппарате на рабочих его частях в разных направлениях, с разной скоростью движется кардолента, усаженная стальными иголками.

Эти иголки растаскивают, прочесывают и распределяют параллельно друг другу все отдельные волоски, отдельные шерстяные волокна. Смеска входит в аппарат бесформенной массой, а выходит оттуда узким рыхлым жгутиком — ровницей. Ровница бесконечно наматывается на деревянные скалки аппарата — бобины.

Чтобы получить из этой ровницы пряжу, надо ровницу немного вытянуть и скрутить.

Это делают машины прядильного отдела — сельфакторы.

Они работают по способу обыкновенной ручной прялки, но только механизированной. Ровница, намотанная на скалку-бобину, кладется на цилиндр, который вращается и постепенно разматывает ровницу. Конец ровницы прикреплен к веретену. Веретено вертится вокруг своей оси, приближается к ровнице, чтобы намотать ее на себя, отходит, чтобы натянуть и скрутить ровницу.

Получается крученая крепкая нить — пряжа, намотанная в виде тела нужной формы — початка, который вставляется в ткацкий челнок.

В каждом сельфакторе триста шестьдесят веретен. Работу их регулируют работницы-винтовщицы, а порванные нити скрепляют, по нашему присучивают, присучальщицы.

Из аппаратно-прядильного цеха пряжа направляется в ткацкий, расположенный этажом выше.

Пряжа бывает двух основных видов, потому что одни нити в ткани тянутся, как известно, поперек, а другие вдоль. Продольную нить мы называем «основой», поперечную нить — «утком».

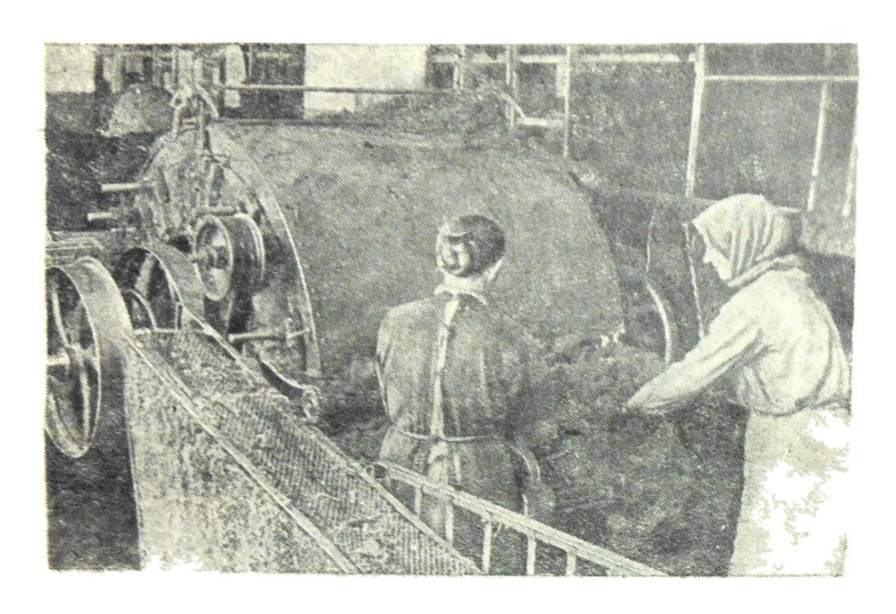
Бумажная основа на ткацком станке имеет длину от шестисот до восьмисот метров, шерстяная — от двухсот до пятисот метров. Основу перематывают, навивают на вал — навой — в приготовительном отделе ткацкого цеха. Вес навоя с основой — сто — сто пятьдесят килограммов.

Уток же остается в початках.

В собственно ткацком отделе того же цеха из утка и основы делают полотно — суровье.

Все нити основы расположены на ткацком станке параллельно в одной плоскости. Число их колеблется от полутора до трех тысяч в зависимости от сорта товара.

Для того чтобы уточная нить могла переплетаться с нитью основы, необходимо, скажем, четные нити основы поднять вверх, нечетные опустить вниз и получить между ними, таким образом, угол, который называется зевом. В этот зев и проскальзывает уточная нить на початке, заключенном в челнок. Тканье состоит в приподнимании и опускании нитей основы для прокидки между ними в различных переплетах утка. С каждым прокидыванием ткацкого челнока ткань вырастает на толщину уточной нити.

Смеска.

Устройство ткацкого станка имеет целью облегчить и ускорить эти действия.

Вот станок системы «Шенгер пружинный», который обслуживается нашими стахановками. Каковы его главнейшие части? Во-первых, металлические рамы станка — боковые, верхняя, нижняя, поперечная, к которым прилажены все остальные части. В заднем конце станка горизонтально вставлен вал — навой; от него вперед тянутся многочисленные нити основы.

Во-вторых, подвижная часть — батан, поперечный деревянный брусок. Он может двигаться вперед и назад. По краю батана скользит челнок. В батан же вделан длинный железный гребень — бердо. Между зубьями гребня проходят нити основы. При движении батана вперед бердо ударяет по краю ткани и плотно прибивает вновь продернутые нити утка.

В-третьих, у станка есть так называемый боевой механизм для прокидывания челнока.

В-четвертых, станок имеет пусковой механизм, состоящий из мотора и приспособлений для пуска станка в ход.

Наконец, у станка есть зевообразовательный механизм с главной его частью — ремизом. Ремиз — это ряд деревянных рамок с вертикальными металлическими прутками. В колечки на этих прутках продеты нити основы. Если, скажем, поднимается одна рамка, то зев образует каждая третья нить, если другая рамка, то каждая пятая. Той или иной работой ремиза можно достичь любого рисунка ткани.

При этом играет роль и количество челноков на станке.

Станок системы «Шенгер пружинный» имеет один челнок и производит одноцветную ткань. Это старый станок, но за время революции его столько раз подновляли, столько раз подкрепляли деталями нашей советской выделки, что из старого в нем остались, пожалуй, одни рамы.

А вот станок системы «Шенгер эксцентриковый» может работать семью челноками сразу и давать разноцветные ткани. Чем больше у станка челноков, тем разнообразнее могут быть оттенки утка.

Есть у нас легкие станки типа «Швабе», советского производства. Эти работают двумя челноками.

Станки «Добровых-Набгольц» могут работать сразу восемью челноками и производить многоцветные драпы. Эта система имеет много общего с «Шенгером эксцентриковым».

Наконец, быстроходные станки «Готтерслей» имеют один челнок, как и «Шенгер пружинный». Расцветку ткани на этих станках можно производить лишь с помощью ремизов.

Таковы основные типы станков ткацкого цеха нашей фабрики.

Ткань, получаемая на ткацком станке, потому называется суровьем, что это ткань суровая, не отделанная.

У суровья бывают всяческие пороки — оборванные нити по основе и по утку, жгушки — непрокрученная пряжа, узелки, нарушения переплетений. Все эти недостатки обнаруживаются и удаляются в сукночистильном отделе ткацкого цеха.

Аппаратный отдел фабрики имени Петра Алексеева.

Особые работницы-суровщицы прощупывают каждый кусок руками, просматривают его на столах, на просвет. Все дырки заштопывают, недостающие нитки вставляют, чтобы восстановить рисунок.

Из ткацкого цеха суровье поступает в цех красильно-аппретурный, отделочный. В сукновальном отделе этого цеха суровье превращают в сукно.

Сначала его уплотняют, усаживают, пропуская под сильным давлением между валами. Суровье, пропитанное мыльным раствором, садится в ширину и в длину. Вес ткани от этого увеличивается.

Чтобы ткань стала сукном, недостаточно только переплести между собою ее волокна. Надо, чтобы эти волокна сцепились одно с другим.

На поверхности каждого шерстяного волоска есть чешуйки-зубчики. Это дает шерсти свойство свойлачивания, плотного сцепления ее волокон друг с другом.

Шерстяные волокна, переплетенные в суровье, надо вызвать на поверхность ткани и распушить. Сукновальная машина «вскрывает» в суровье волоски, сближает их между собою, сцепляет. Они становятся не только механически

переплетенными, но и свойлоченными, становятся прочной пушистой тканью — сукном.

Товар этот моют, сушат, красят, ворсуют, облагораживают.

В стригальном отделе волос сукна снимают выше или ниже, как это требуется по сорту товара. После стрижки товар проходит через паровой утюг-самопресс и получает глянец.

Товар готов к выпуску. Однако, он пропускается еще через отпарочный стол, через пропаривание, чтобы приобрести окончательную усадку.

Наконец, каждый кусок просматривают на свет в браковочном аппарате, пороки отмечают сигнальными нитками, на товар кладется штамп, наклеивается ярлык с маркой фабрики, товар убирается в кладовые, отправляется на базу и в Москвошвей.

Так из шерстинок на нашей фабрике делается сукно.

☆ ☆ ☆

СМЕЛЯКОВА Татьяна Матвеевна

Старые кадровые работницы — доподлинные хозяева нашей фабрики. Каждая кадровичка сознает себя хозяйкой всей фабрики. И особенно это чувствуешь при обходе цехов.

Обязанность свою — вникать в оперативную обстановку производственного процесса на месте — я выполняю с огромным удовлетворением. Обход цехов всегда вливает в меня новые силы для исполнения обязанностей директора фабрики.

Обход цехов я начинаю с готовой продукции, то есть против направления производственного процесса. Это нужно, чтобы недостатки в работе цехов, найденные при просмотре товара, можно было дальше обнаружить и устранить.

Мое дело — организовать работу людей, а людям надо

показывать их ошибки обязательно на конкретных примерах. Вот я и запасаюсь такими примерами, начиная с отдела перекатки готового товара.

Мне показывают там результаты работы за весь предыдущий день и за начало сегодняшнего. Знакомишься с данными разбраковки. Браковщица готового товара рассказывает, какой товар идет чаще сегодня и какой шел вчера, сколько выпущено товара, какого сорта.

Приказываешь перекатить при себе два-три пробных куска, чтобы знать, как идут у нас наши важные, решающие сорта — фасонные драпы. Работницы-стригальщицы говорят мне, как идет стрижка, в исправности ли машины. Я тут же подзываю начальника отдела или сменного мастера и даю ему указания, как устранить замеченные неполадки в работе.

Из красильно-аппретурного цеха направляюсь в ткацкий. На прокатке суровья я смотрю, какая бригада, какой станок и какая работница виноваты в тех недочетах, которые я обнаружила в готовом товаре.

Надо тщательно выверить все детали общефабричного механизма. Надо практически проследить, все ли звенья производственного процесса достаточно снабжены полуфабрикатами и сырьем, отремонтированы ли машины, не работается ли где-нибудь брак. А если брак есть, то надо выяснить его корни и устранить их, чтобы какая-нибудь мелочь не смяла результатов всей работы.

Перекатчица Фирсова, опытная старая кадровичка, проверяет куски суровья на просвет. Она выкрикивает недостатки ткани другой работнице, которая их записывает:

— Две двойных нитки и две прометки. Не годится в «отлично».

— А теперь пошли жгушки. На пять сантиметров три жгушки.

Я подхожу, спрашиваю:

— Ну, как у тебя идет сегодня?

— Плоховато. Не сказать, чтобы брачный шел, а все-таки отличного нет товара. Жгушки эти замучили...

Кусок прокатывается дальше, и Фирсова снова кричит учетчице:

— Мелкие близны. Кромка недоработана.

В ее голосе я слышу досаду и возмущение. Оглядываюсь на других перекатчиц. Те же чувства сквозят в их жестах и выкриках. С качеством суровья неблагополучно. В перекатке нарастает тревога. Надо принять меры, чтобы подтянуть товар с «хорошего» до «отличного».

Виновато, повидимому, прядильное отделение. Оно поставляет ткацкому цеху плохой полуфабрикат — уток со жгушками.

Ко мне приближается начальник отдела перекатки суровья, пререкаясь на ходу с инспектором по качеству пряжи, комсомольцем Отрубянниковым. Отрубянников вяло и безразлично оправдывается:

— Аппараты плохо работают...

Начальнику отдела я говорю:

— У тебя уже третий день идут жгушки и близны, а что ты делаешь для их устранения?

— Я думал...

— Мало думать, надо действовать. Немедленно после смены собери летучку в бригадах и добейся, чтобы они выправили показатели. Нужно взять стахановок и ударниц с третьего и пятого этажей и пойти вместе с ними в прядильный. Из своих людей пошли туда Фирсову, пошли Налимиху, пошли Романову. Пусть они там хорошенько объяснят и покажут причину ухудшения качества суровья. Если ты хочешь, чтобы ваш цех был ведущим, все время держи прядильный цех в напряжении...

Затем из перекатного отдела я перехожу в ткацкий.

Вот наша гордость — первый стахановский угол фабрики. Тут на шенгеровских пружинных станках работают в три смены шевиот Гурихина, Софронкина, Иноземцева, Белкина, Егорова, Лизгунова. Каждая обслуживает по шесть станков вместо прежних традиционных двух.

Лиза Гурихина, инициатор уплотненной работы, первая стахановка нашей фабрики, ровно, без торопливости обходит свои станки. Молодая, сосредоточенная работница, она сохраняет строгий ритм и мерную последовательность действий.

Вот вставила початок и пустила челнок на первом с краю станке, перешла ко второму, остановила его, заправила нитку, осмотрела третий, четвертый, подходит к пятому...

Я обнимаю ее за плечи и, стараясь перекричать шум станков, спрашиваю на ухо:

— Как уток? Как основа? Не было ли простоев?

— Уток неважный, а в общем благополучно! — кричит Гурихина.

Приготовленные для заряжения челноков початки аккуратно разложены на станках. Я беру наудачу один початок. Уток действительно плох.

В этот момент на последнем станке обрывается сразу с десяток нитей основы. Лиза подбегает к стене и кричит в микрофон диспетчерской установки:

— Станок семьдесят третий. Обрыв основы!

Через две-три минуты к этому станку подходит подсобная работница-заводчица и связывает — «заводит» порвавшиеся нити основы. Я вспоминаю, что надо проверить и работу диспетчерской.

Направляюсь туда и сталкиваюсь в проходе между станками с Марией Митькиной, ткачихой-инструктором, дочерью одного из старейших кадровиков Ивана Алексеевича Краснощекова.

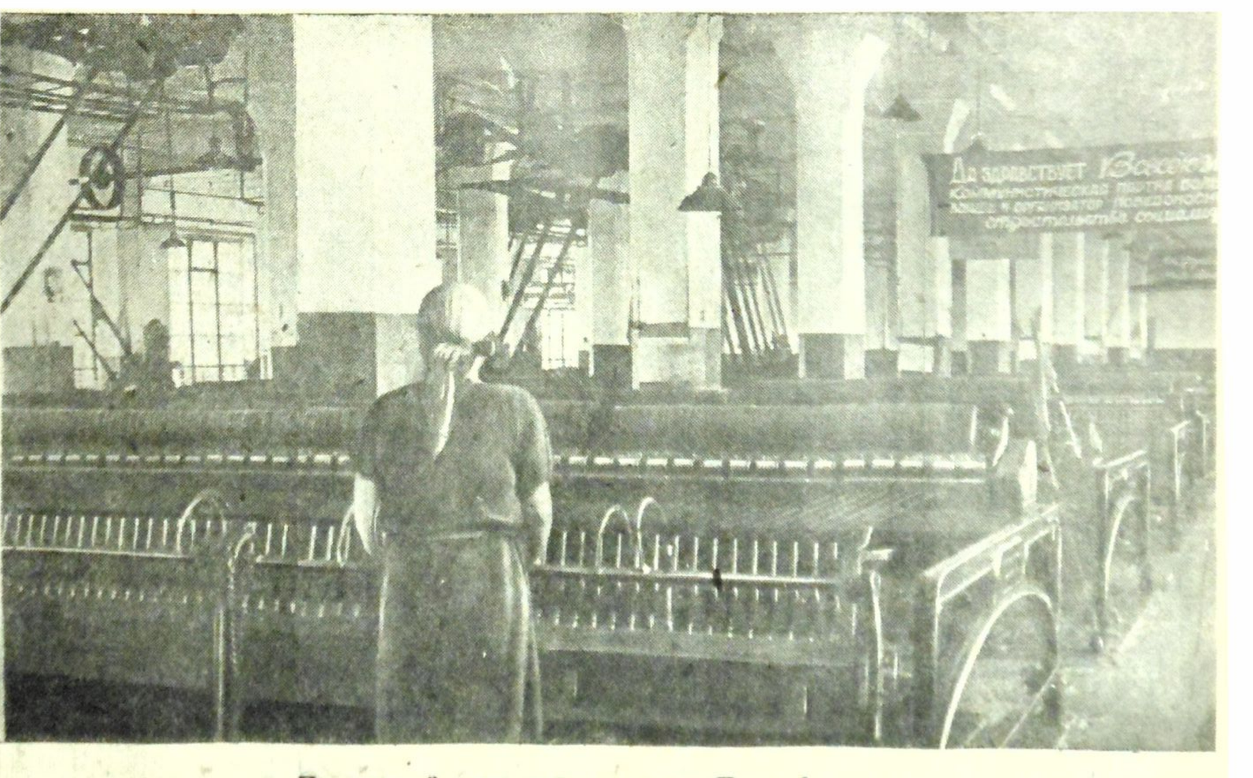
Шестая бригада ткацкого цеха, давшая нам лучших первых стахановок,— детище подмастера Краснощекова. Это он воспитал в молодых ткачихах социалистическое отношение к труду. Теперь Иван Алексеевич ввиду преклонного возраста переведен на другую, менее напряженную и ответственную работу. Но дочь его Мария Ивановна добровольно приняла на себя как инструктор шефство над стахановками, заботу о них. Я спрашиваю ее:

— Ты, Митькина, почему тут? Ведь тебе сегодня в третьей смене работать?

— Да вот к Лизе зашла подсобить наладить маршрут...

— Как, Митькина, не засыплемся с качеством суровья?

— Поаккуратнее подготовимся — не засыплемся.

Прядильный отдел фабрики имени Петра Алексеева.

Мы расходимся. Митькина направляется консультировать работу Гурихиной, а я захожу в диспетчерскую. Меня встречает оператор диспетчерского поста Елена Агафоновна Кудряшева.

— Здравствуй, Кудряшева,— говорю я.— Как работается?

— Работа очень интересная, Татьяна Матвеевна. Я к ней так привыкла, будто век тут работаю. И рабочие тоже диспетчеризацию полюбили. А ведь сначала-то были и такие кадровики, которых на это дело с трудом обламывать приходилось. Помнишь, как Иван Алексеевич Краснощеков первое время аппаратом отказывался пользоваться. «Как это, говорит, я буду орать на склад в трубку? Я так скорее дойду!» А, дело-то все в том было, что ему микрофон высоко повесили и девчата стали посмеиваться над его невысоким ростом: «Мы, мол, тебе скамеечку будем ставить». Ну, старик и рассердился на микрофон.

Мы смеемся. Потом я спрашиваю:

— Шутки шутками, а вот поспеваете ли вы за стахановцами?

— Ушки на макушке, Татьяна Матвеевна! За нами никакой задержки не будет. Диспетчерская уже пересмотрела свои наметки и обслуживает стахановцев по-стахановски.

— То-то, смотрите же хорошенько! Главное — за качеством утка наблюдайте.

И я выхожу в аппаратно-прядильный цех.

В прядильном отделе рядами стоят сельфакторы. Лучшая стахановка прядильного отдела Артемьева выполняет на своем сельфакторе № 17 работу и присучалки и винтовщицы.

— Артемьева! — окликаю я ее.— Почему плохой уток пошел последнее время?

— Потому что нам стали давать ровницу не с определенных аппаратов, как раньше, а кому с какого придется. Ответственности у аппаратов не стало. А нам все больше и больше перезаправок делать приходится. Да и

Ткацкий отдел фабрики имени Петра Алексеева

аппараты стали хуже сырье прочесывать. Вот жгушки и попадаются. Мы сами видим, что уток много хуже. И у нас выработка понизилась.

— Вот что, Артемьева! Сейчас после смены сюда придут стахановки ткацкого цеха показывать вам, что получается из плохого утка. Так ты вместе с ними сначала тут, в прядильном отделе, общественное мнение всколыхни, а потом спуститесь в аппаратный и устройте им чувствительную головомойку. Да вот, кстати, и Александрова!

К нам подходит Клавдия Александрова, председатель цехкома аппаратно-прядильного цеха, дочь старого Василия Петровича Крынкина.

— Слушай, Александрова, когда же ты по-настоящему возьмешься за аппаратный отдел? Вся фабрика к стахановской пятидневке готовится, а вы не только подготовку, а и простую-то нормальную работу срываете. Что это значит, когда в утке полно жгушек? Значит, что в аппаратах грязь. Давай, используй сегодняшнюю летучку, чтобы начать борьбу за стахановскую работу секретчиц. Натрави лучших стахановок на тех, кто разводит грязь. А я по административной линии поднажму. Передай начальнику цеха Бушканцу, чтобы утром ко мне зашел.

Уже два часа дня. Я возвращаюсь из цехов к себе в кабинет. По дороге даю указания техноруку и начальникам цехов о подготовке к стахановской пятидневке и вообще по фабрике. Параллелизма в работе с техноруком у меня нет. Мои указания на производстве носят организационный характер, а технорук регулирует технологию производства.

От двух до трех с половиной часов — время для приема рабочих. Тут кончается одна смена и начинается другая. Работницы имеют минут тридцать свободных. Они заходят ко мне для разговоров по всем вопросам.

В беседах этих мне помогает большой опыт женотдельской работы.

Отец мой рабочий-пекарь, мать — работница кирпичного завода.

Родилась я в Спасске, Рязанской губернии, в 1902 году. Проучилась четыре года в женской приходской школе.

В 1917 году разносила на выборах в городскую думу список большевиков № 5. Отец был красногвардейцем.

В 1918 году — я одна из организаторов комсомола в нашем городе Спасске.

С марта 1920 года — член партии и заведующая женотделом.

Потом инструктор губженотдела и заведующая губженотделом, кандидат губкома РКП(б).

В 1921—1923 годах — заведующая Рогожско-симоновским райженотделом и член райкома партии.

В 1923—1925 годах — заведующая Владимирским губженотделом и член губкома.

В 1925—1930 годах — учеба. Я окончила рабфак и Плехановский институт по специальности инженера-экономиста текстильной промышленности.

Проработала два года в Оргтекстиле, потом полтора года на фабрике «Пролетарский труд» заместителем директора и директором, а с июня 1934 года работаю директором фабрики имени Петра Алексеева.

Звонит телефон. Это Титова — заместитель председателя райсовета. Кончив разговор, я прошу ее:

— Зайди, пожалуйста, завтра утречком. Нужно насчет ремонта ясель поговорить.

— Ладно, часов в девять зайду.

Титова — старейшая большевичка фабрики имени Петра Алексеева. В райсовет ее выдвинули недавно, до того она была секретарем нашей ячейки.

Дверь кабинета приоткрывается. Высокий сутуловатый старик спрашивает:

— Можно войти?

Это пенсионер Михаил Евстигнеевич Копейкин. Его отец и он сам всю жизнь проработали здесь на фабрике. Сейчас Михаил Евстигнеевич по инвалидности находится на покое. Но он все мечтает вылечиться от ревматизма и опять работать на фабрике. Он просит меня похлопо-

тать об устройстве его на лечение в специальный институт. Я обещаю.

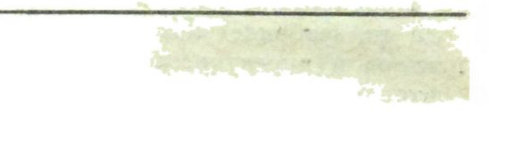
Снова приотворяется дверь и в кабинет заглядывает Лиза Гурихина. Я смотрю на часы и вспоминаю, что мне надо ехать в райком и что к Лизе Гурихиной, Нюре Софронкиной и Марии Ивановне Митькиной сейчас придут преподаватели. Фабрика отпустила средства на подготовку лучших стахановок к поступлению во втуз. Занимаются они без отрыва от производства по программам факультета особого назначения. Мы хотим сделать из лучших стахановок фабрики инженеров-текстильщиков.

Стахановки располагаются за столом в моем кабинете, а я еду в райком.

Так проходит один из рабочих дней директора фабрики.

☆ ☆ ☆

БАЙКОВ Михаил Александрович

Часов с двенадцати дня начинается для меня жаркое время. Директор и техрук, возвратившись с обхода цехов в свои кабинеты, то и дело передают мне распоряже-

ния. Начальники цехов требуют разъяснений по различным бумажкам, запросам треста. Трезвонят два телефона.

Прибегает председатель фабкома Пулина и грозится задать мне жару, если я не помогу наладить делопроизводство в фабкоме.

— Матрена Ивановна, да у тебя же есть свой управделами.

— Мишка! Мишка! Не доводи меня до скандала, лучше делай, что говорят тебе.

Пулина скрывается в кабинете директора. Потом она высовывает оттуда голову и кричит:

— Позови-ка сюда Рыжову. Да живо!

Я звоню в партийный комитет фабрики.

Отвечает мой отец Александр Васильевич Байков, большевик, пенсионер, который частенько сидит в партшколе, помогает чем может. Отец передает секретарю парткома Рыжовой, что ее просят зайти к директору.

А в это время на меня сваливается куча мелких дел. Чтобы не потеряться и чего-нибудь не забыть, я записываю их в очередь на листах настольного календаря.

Обработать протоколы техсовещания.

Передать механику вызов в прокуратуру.

Напомнить директору о переводе работницы Ивановой из аппаратного цеха в ткацкий.

Мне очень помогает в моей работе то, что я здешний, вырос на фабрике, всех знаю. Это дает возможность вникать в каждое дело по-существу, подходить к каждому человеку по-особому. Я чувствую себя здесь винтиком, от действия которого зависит слаженность частей механизма. Я — вроде стрелочника на железной дороге.

Вот подошел мой тезка, старый мастер ткацкого цеха Копейкин Михаил Евстигнеевич, дядя Миша. Я знаю, что он сейчас по временной инвалидности перешел на социальное обеспечение. Скоро его должны положить в больницу. Он интересуется, не прибыло ли извещение о приеме. Завидя его, я сразу же сообщаю:

— Нет, дядя Миша, извещения еще не получено.

В это время звонит директор. Я вхожу в кабинет.

Директор приказывает:

— Соедините меня с Титовой.

Я кручу автоматическую вертушку:

— Райсовет? Тетя Таня? С тобой будет говорить наш директор.

Так протекает работа секретаря фабрики.

☆ ☆ ☆

ГЛАВА II

СТАРОЕ

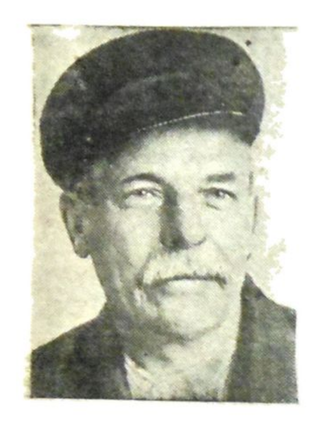
КРЫНКИН Василий Петрович

Говорят, что Василий Иваныч Иокиш, когда приехал из-за границы, сначала иголками торговал. Расторговался иголками — стал в карты играть. Выиграл шелковую мастерскую в том доме, где теперь ЗРК. Стояло у него там станочков несколько. Только это дело у него не пошло, и тогда он открыл красильную. Тут у него по-новому колесо завертелось, стал красить сукна для других фабрикантов и скоро разбогател.

Перевел свою красильню в Гаврилково, построил в Михалкове новый корпус, купил имение здешнее.

Будто бы это было имение Михаила Федорыча Романова, потом перешло оно к графу Панину, после Панина в руки господ Грачевых, а у них купил имение Василий Иваныч Иокиш.

☆ ☆ ☆

КОПЕЙКИН Михаил Евстигнеевич

Здесь все на лесе стояло. Лес был строевой, сосновый, ужас какой густой. Попадешь в него и заблудишься. Ходить в этот лес боялись. Имение в лесу было скрыто. Только башни из-за деревьев торчали. Башен этих тоже люди боялись. Рассказывали, что в башнях подземные ходы были вплоть до самой Москвы. Будто бы люди натыкались в этих башнях на два хода, запертые заржавленными дверями. Замки на дверях болтались в полпуда весом. Будто бы эти ходы сделал еще Петр Первый, когда проживал в имении Петровское-Разумовское.

Иокиш купил башни в совсем разваленном виде и отделал их по старинному образцу. Все-таки рабочие боялись по вечерам ходить мимо башен. Особенно боялись той башни, что стоит в темной аллее.

Когда имение принадлежало Грачеву, то у Грачева служил в дворниках один парень — Гриша Чудачок по прозванию. Он был однажды вытащен мертвым из пруда, который тогда находился у этой башни. Убили ли Гришу, или сам он бросился в воду, но только вытащили утопленника на берег как раз возле этой башни.

Башню вскоре заколотили, а пруд засыпали, но люди боялись проходить по вечерам мимо башни, думали, что Гриша там бродит.

Народ тогда темный был, суеверный, жили в лесу. Лес рос такой дикий, что даже лоси недалеко от фабрики пробегали. И хоть и называлась эта фабрика «божьей», но порядки на ней были совсем не «божьи».

Мой отец Евстигней Абрамыч Копейкин работал в Михалкове с самого основания фабрики. Работал ткачом у Иокиша. Жил там же, где работал. Над станами полати были сделаны, на полатях помещалась семья рабочего — жена, дети, а ночью и он сам. Как гнезда над станами себе свивали. Отец работает, а ребятишки, точно галчата в гнезде, пищат. Отец приехал сначала из деревни один. Потом он выписал к себе меня, жену и дочь. В это время при фабрике построили общежитие. В общежитии были сделаны нары, люди ложились на них под ряд, клопы кучами бегали. Потом отстроили деревянные номера и стали давать одну каморку двум семьям.

Отец работал ручным ткачом с четырех часов утра до одиннадцати-двенадцати часов ночи, а то и дольше. Работали ткачи день и ночь, сколько хватало сил. Время рабочее необуздано было. Уж глаза не глядят у ткача, а он все махает. Вся техника была в силе, в выносливости рабочего. Рабочие тогда были темные и неграмотные.

☆ ☆ ☆

КРЫНКИН Василий Петрович

Два года мы с Пелагеей не могли получить койку. Как поженились, так и спали на нарах. Тут же восемь мужиков холостых, тут же и мы, Крынкины. Отгородились маленько к окошечку, занавеску повесили. Две дощечки повыше поставили, чтобы к Пелагее мужики не подкатывались. А бывало, что и подкатывались, когда одна оставалась.

Так прожили два года на нарах. Против нар в той же комнате стояла койка отдельная. На ней спала другая семья — муж, жена и ребенок. Когда их уволили, мы пе-

решли на их койку. И все же жили в одной комнате с мужиками. Наше место на нарах заняли еще двое мужчин. Тогда полагалось на одного человека три четверти аршина нар в ширину.

☆ ☆ ☆

КРЫНКИНА Пелагея Николаевна

Семейных с холостыми нарочно ставили в одну комнату. Для уборки, чтобы баба чистоту соблюдала. Уж это ее обязанность. Как, бывало, вымою пол, мужики в грязных сапогах придут, все затопчут, запакостят. Жили раз с нами рязанцы, то и дело пьяные приходили. Наблюют по всей комнате, а Пелагея Крынкина — убирай.

Бабам отдыха не было и в праздник. Мастера уедут гулять куда-нибудь, а работницы извольте отправляться к ним на дом — печку топить, прибирать квартиру, ухаживать за коровой. Бабам отдыху не было никогда.

Мы с Василием жили в селе Гаврилкове с 1876 по 1902 год. Он работал в красильной, а я на промывке шерсти, оба были фабричными. Мойка помещалась за стеной красильной. Работали на мойке три бабы. Посреди небольшой избы стояла барка — продолговатый чан. В барке вертелся вал с граблями, которыми шерсть поддеплялась и прополаскивалась в воде. А когда надо было выкидывать шерсть из барки, то приводной ремень переводился на другой шкив, грабли захватывали всю шерсть и выбрасывали ее в решетчатый ящик.

Я, Крынкина, и другие работницы закладывали шерсть в барку, следили, чтобы шерсть лучше мылась, отваливали промытую шерсть с граблей в ящик. Вода в барке была холодная, ледяная. Бывало, руки закоченеют у нас. Хоть и одетые работали, а все мокрые — от воды разве спасешься? В помещении мойки стоял холод. Мы очень ревматизмом болели. До сих пор я им мучаюсь.

Воду из барки спускали вниз через клапан. Бывало,

клапан засорялся, и прочищать его лезли в барку. Надевали мужские сапоги, по колено входили в воду. Шаришь-шаришь в грязи по дну барки, нащупаешь клапан, вытащишь. Вода спустится, а грязь останется. Грязь эту вычерпывали ковшиками в ведро и вываливали в корзину. Корзинки по три, по четыре выносили. Насилу поднимали вдвоем корзину. Идешь, согнешься бог знает как.

Хворали от этого. Три денька пролежит работница, да и ладно, опять на работу гонять. Бюллетеней тогда не было. Ужас какая трудная работа была.

Вымытую шерсть корзинками таскали в сушилку. Там жара стояла невыносимая. Выйдешь оттуда — едва выползешь, опять мокрая вся. В мойке мокрая снаружи от воды ледяной, а в сушилке — изнутри, от пота горячего. Так работали и работали.

Хорошо еще, когда втроем на мойке работали, а то и вдвоем случалось. Прикажет мастер третьей работнице итти к себе домой на услуги, в мойке две остаются.

У мастера Густава Михайлыча семейство было в одиннадцать человек. Вот мойщица да бабы из корпуса дня два стирают, потом гладят, потом моют полы — вся неделя, бывало, на мастера и уйдет.

Когда меня из мойки перевели наверх, к суконовальному мастеру Герасиму Павловичу, пришлось мне и за его коровой ходить — поить, кормить, доить, чистить. Бежишь, бывало, обедать, а мастерова жена кричит:

— Помои-то поди возьми из артели!

Пока с помоями ковыряешься, свисток, перерыв кончился, — без обеда на работу иди. В суконовальной мы вместе с Грушей Данюковой работали.

☆ ☆ ☆

ДАНЮКОВА Аграфена Петровна

Мы тоже в Гаврилкове жили. Я схоронила там одиннадцать человек детей. То корь нападет, то понос кровавый — ребята и умирают, а новые все рождаются.

Данюкова Аграфена Петровна

У другой работницы — Фадеевой Тани умирало даже по два ребенка сразу. Так по два гробика в комнате и стояло...

Мы с Полей Крынкиной работали в сукновальне. Всего там было шесть баб. День на руках сшивали товар иголками, другой день складывали его на машине, третий день на машине сшивали, четвертый день мололи кноп — очесок с товара, пятый день кноп руками перебирали. Так и чередовались все на разных работах.

Я, бывало, что ни год, то и тяжелая, то и ребенок у меня. Вот однажды родить мне приходит время, а меня посылают к мастеру мыть полы. Голова у меня сильно болела, я и говорю:

— Не могу...

А мастер мне:

— Совестно тебе, молодая!

Ну, и пошла к нему мыть полы. Только размылась — чувствую, сил нет дальше. Что делать? Бросила мочалку — бегу домой. Прибежала, кричу куме:

— Беги за бабушкой Талаулихой!

Это вместо больницы была там бабушка-повитуха. За ней и посылали, кому понадобится. Крикнула я, а сама стащила с сундука на пол подушку, постилку-мешковину, кое-как на них повалилась...

Бабушка идет — ребенок уже тут. А мастер бежит, кричит издалека:

— Ах, ты такая — разэтакая! Жрать, небось, убежала?

Ругается, всех собак всполошил. Отворяет дверь, увидел, в чем дело и замолчал.

После говорит как-то мне:

— Что же ты за дура такая? Сказала бы, — можно бы другую было послать мыть полы.

А я ему:

— Я ведь говорила вам, Герасим Павлович, что я тяжелая, что голова у меня сильно болит...

...Тогда работницы старались потрафлять жене мастера, чтобы барыня не нервничала, не сердилась на них, мужу своему плохого не наговаривала.

Всего родилось у меня девятнадцать детей — семнадцать девочек и два мальчика. Одиннадцать девочек в Гаврилкове померло, шесть — на фабрике, а мальчики оба выжили: Терентий Иванович и Дмитрий Иванович.

Мы с Крынкиной ходили из сукновальни в красильню сшивать товар. Разорвется там где-нибудь на машине кусок, прибегают к нам:

— Идите, зашивайте скорей!

Мы шли, зашивали. А бывало и так, что всех шестерых женщин из сукновальной заставляли обшивать товар кромкой.

☆ ☆ ☆

КРЫНКИН Василий Петрович

Суконщиц часто требовали в красильню сшивать разорванные куски. Бывали там и моя старуха и Данюкова.

В красильне стояло шесть медных котлов глубиною аршина в четыре, каждый с пузом аршин в пять, схожие с большими горшками. Донья у них были узкие, и сверху они тоже сужались.

В котлах кипела шерсть, ее выкидывало к потолку.

Кто не успевал отскочить, того обваривало краской и кислотой. Так фонтанами и била краска с кипящей шерстью. Многие тут шпарились. Я тоже не раз шпарился, да по малости.

Наказанье было работать в этой красильной, ох, наказанье!

Такой жар, такой пар там стоял,— друг друга не видели. Пробирались, пригнувшись к полу:

— Эй! Ты там, что ли? Иди товар-то принимать!

И от котлов кипятком брызгает и с потолка кипяток каплет. Красильщики там без штанов, в одних рубашках работали. Бывало, придут к нам женщины из сукновальни товар сшивать, а мы полуголые ходим, рубахи выше пупов подвернуты. Тогда не удивлялись на это.

В красильной стояли длинные барки с краской. Над каждой баркой был укреплен баран — деревянный валок, который можно было крутить за ручку. Через этот баран спускали в краску и вытягивали обратно сукно. Один красильщик вертит баран за ручку, двое других расправляют сукно палками, чтобы шло оно не жгутами, а полотном.

Если в черный цвет красили, то потихоньку вертели, а в оранжевый, желтый, алый, малиновый, то пошибче. Ведь надо было этот баран повертеть тринадцать часов! Плечи у рабочих так болели, что не дотронешься.

Сколько ни накрашивали товару, все таскали в промывную на своих же плечах. Того и гляди плечо переломится.

В красильной стоял такой козел деревянный, на котором висели куски мокрого драпа. Драп суховьем пуда три на кусок потянет, а мокрый и все шесть. Несешь его, ноги трясутся, вот-вот упадешь. И падали. Парень один молодой рязанский ногу сломал так. Он стал у козла, нагнулся, на него навалили кусок драпа. Только хотел нести — нога у него в ступне-то и лопнула.

— Ай! — кричит и под козел упал. Драп на него свалился. Он заблажил, как маленький. Те ребята, что наваливали, подскочили тут же к нему. Подняли его, заложили лошадь и в больницу в Химки его отправили.

Очень трудная работа в красильной тогда была. Не

работа, а наказанье. Получал я за такую свою работу 9 рублей в месяц.

Жена моя Пелагея и Аграфена Данюкова получали за работу в сукновальном отделе по 6 рублей в месяц.

У нас в Гаврилкове отделывали и красили сукна для фабрик Носова, Бахрушина, Фиргана и самого Иокиша. В Гаврилково привозили товар суровьем, там его красили, валяли и промывали, отправляли назад отделанным.

Товар из Гаврилкова на фабрику Иокиша возил Иван Павлович Данюков, муж суконщицы Аграфены.

Однажды возчики ехали из Гаврилкова через Никольское и потеряли кусок драпа, мокрый еще. Мужик никольский поднял его и приволок на фабрику Иокиша. И как только он допер его!.. Пудов в шесть, наверное, был кусок. Вот принес он этот кусок в контору, спрашивает хозяина. Вышел сам Василий Иванович:

— Ну! Тё ты? (потешно он так сюсюкал).

— Ваш драп, должно быть, нашел...

— Ну, тё за дурак ты этакий! У тебя дети-то есть?

— Как же, много.

— Ты бы нашил одежу им из него, себе бы халат сшил и ходил бы, ходил...— чудачит над ним хозяин.

— Я побоялся...

— Пойдем, пойдем, пойдем со мной!

Мужик испугался сначала: куда его хозяин ведет? А тот повел его прямо к кучам товара.

— Гляди, гляди, сколько их у меня лежит! А ты принес еще этот. У-у, дурак, дурак.

Дал рубль ему серебряный да цыгарину, а кусок себе все-таки приберег. Ведь, кусок-то не рубль стоил, а по 5—6 рублей аршин. В таком куске аршин сорок было.

Хозяин Василий Иванович Иокиш и во всем был такой же. Рабочему давал заработать рубль, а сам на нем наживал двести, да еще «доброту» показывал и чудачил.

Приехал сын его Василий Васильич из-за границы. Учился он там, да, видно, плохо. Глядит — ребятишки по шерсти бегают: шерсть во дворе лежала, не выстроили еще сараев тогда. Он говорит:

— Папа!

— Тё?
— Семейных бы уволить, а холостых бы набрать?
— Тё ты говоришь? Да я капитал на семейных нажил! Работать у меня трудно, заработок плохой. Холостой расчелся завтра и до свиданья, а семейный куда пойдет? Иди, иди, ты плохо учился. Кати опять за границу!

Так и прогнал его. Вот какой чорт Василий Иваныч был! Он очень хорошо понимал, где польза, где вред его карману.

Когда турецкая кампания кончилась, хватил кризис. Все фабрики кругом закрываются, а наша работает. Мастера говорят хозяину:
— Давайте, уволимте рабочих, остановимте фабрику?

А он им:
— Тё вы? Вас надо уволить, а не рабочих. Рабочие все так же на меня за девять рублей в месяц работают, а вы по сто получаете. Я вас бы на время уволил, а не рабочих. Рабочих нельзя увольнять — убыток мне от этого будет. У-у, дураки вы! Служащие, а дураки!..

Вот фабрика все работает и работает, товару полно всюду. Везде, везде навалено, все кладовые заполнены, негде уж класть товар. Сбыту все нет, а Йокиш дальше работает. Приезжают к нему трое купцов:
— Василий Иванович! Давай, мы часть товару у вас возьмем. Сбавьте по пятаку с аршина.
— И по копейке не сбавлю. Вы мне по пятаку набавите, придет время.

Время это и пришло. Со всех сторон купцы на фабрику наезжают.
— Вам чего?
— Товарцу вот у вас, говорят, много?
— Много товару, очень много. По пять копеек на аршин набавляйте, если хотите взять...

Сладились, и пошло. Везут и везут от нас товар. Все кладовые как есть очистили. Денег навалили хозяину — по конторе пройти нельзя. Мешками деньги стоят.

Вот он сгребет кого-нибудь из рабочих, кто попадется под руку, и к себе в контору:
— Гляди, гляди, гляди, сколько денег у меня!

— Ну, и слава богу, Василий Иваныч, слава богу...
— Ну, ступай, ступай, работай!

Были тогда среди нас даже и такие рабочие, которые радовались на хозяйские капиталы, рассчитывали, что заработок их от этого будет больше. Только расчет этот у них был неверный. Разве поступится хозяин барышом для рабочего? Подурачиться да подачку грошовую показать — это хозяин еще мог, а сократить рабочее время или добровольно заработок прибавить — этого от него не дождешься.

Прошел как-то слух, что должен выйти закон о сокращении рабочего времени для красильщиков. Директор хозяину говорит:

— Надо бы сбавить часы работы в красильной. Трудно работать там...

— А ты почем знаешь? Ты там работал? А сколько полагается им?

— Не знаю.

— Ну, так чего же ты болтаешь, выскакиваешь? Работали — пусть и дальше работают так же.

☆ ☆ ☆

КОПЕЙКИН Михаил Евстигнеевич

Не в одной красильной было трудно работать. И в аппаратно-прядильном цехе, и в ткацком цехе было несладко.

На работу вставали в пять часов, до восьми работали, потом полчаса завтракали, опять работали до половины первого, один час на обед, работали с половины второго до четырех, полчаса пили чай, и опять работали до восьми часов вечера. Всего в день работали тринадцать часов полных.

А ткачи, так те без счета работали. Они получали сдельно с аршина. Этим заставляли их нагнать побольше аршин. Бывало, другой ткач отработается в восемь вечера, поужинает, опять за станок идет, часа два потрудит-

ся, залезет на станок, подремлет на тюфячке и в четыре часа утра уж опять намахивает. Некоторые ткачи так работали по семнадцать-восемнадцать часов.

☆ ☆ ☆

КРАСНОЩЕКОВ Иван Алексеевич

Разница между старыми и теперешними станками огромная.

Вот, скажем, наши стахановки работают теперь на шенгеровском станке. Шенгеровский станок двигается машиною, он через ремень от мотора силу для работы берет.

А старый ручной станок питался человеческой силой.

Ткач стоял на подножках, которыми поднимались ремизы. Две подножки, по одной на каждую ногу. Если силы в ногах мало, привязывает чугунины к подножкам.

А батан двигал руками.

Ремиз ногою подымает, батан движет руками и руками же прокидывает челнок. Берет рукою за погонялку и дергает ее за веревочку. Погонялка была деревянная, на ремне.

Как дернет ее — челнок летит в другой ящик.

С левой стороны левой рукой дергали, с правой — правой. И все таким же манером.

Потом веревочки от погонялок бросает и снова двигает рукою батан, прибивает уточину.

От такой работы напаришься. Какой сильный ни будь, все равно пот прошибет. Левой рукой челнок прокинул, правой батан прибил, ногу нажал — ремиз поднялся. В это время прокидывай челнок правой рукой, а левой батан прибей. Если плотный товар — двумя руками прибей. Легкий товар прибивали легко, а плотный товар прибивали батаном шибко.

Бильярдное сукно, такую тонкую и капризную ткань, попробуй-ка соткать на таком станке. Небось намаешься!

Ткач так и работал: правой ногой и правой рукой. Потом левой ногой и левой рукой! И так часов до двадцати.

Отчего и грыжа-то у многих была. Понатужится — готово дело.

Тут ведь приходилось всему работать. Все члены работают: и руки, и ноги, и туловище, и голова. Голова тебе дадена смотреть, чтобы ремизка не оборвалась.

Работа сложная была и очень тяжелая. Самая ломовая работа — на ручном станке. Стоя работали.

Как пришел, встал на подножки и наворачивай. А сел — и станок сел. Сам себе и мотор и двигатель. Тишина в цехе была. Не до разговоров. Только и слышно — челночки ударяют: коп-коп-коп-коп...

Ткач такой был тут — Кузьмич, маленький ростом. Он неделю пьет, а потом работает подряд день и ночь, из корпуса не выходит.

Мюль тоже была машина ручная, трудная. Колесо вертел мюльщик. Все дело заключалось в приладке, в смекалке мюльщика.

Он должен был знать, где как колесо вертеть. И сила и способность нужны тут были.

Ведь надо мах такой сделать, чтобы каретка назад пошла и вытянула и покрутила пряжу. И чтобы крутку и вытяжку сделала хорошо.

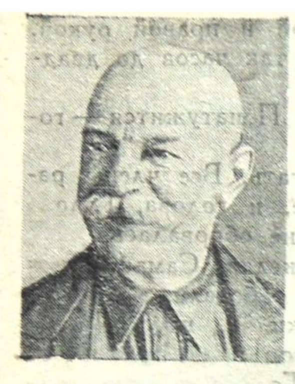
Сейчас вот ходят у сельфакторов взад-вперед, поглядывают. А тогда, бывало, не походишь так. А станешь ходить, так ничего и не получишь.

Недаром у нас на фабрике в старину говорилось: хороший прядильщик — хороший уток.

☆ ☆ ☆

БАЙКОВ Александр Васильевич

Я поступил в аппаратно-прядильный цех десятилетним мальчиком на присучку. Возьмешь, бывало, с собой в ноч-

Байков Александр Васильевич

ную смену кофейник с чаем, кусок хлеба черного, кое-как между работой позавтракаешь. Сидишь на ящике у машины, глядишь, чтобы машина исправно ходила, прислон правильный был. Как нитки обрываются, присучаешь их. Если ровница плохая, побегать приходилось, сон забудешь. А пойдешь за шпулями или за ящиками в ткацкий цех, и, бывало, уснешь где-нибудь на дороге. Мюльщик найдет, отстегает веревкой и приведет назад.

Мюльщикам самим не до шуток было. На каждой машине — мюле был занят один взрослый рабочий-мюльщик и двое мальчиков-присучальщиков. Машину двигали ручной силой. Вперед-то она сама идет от привода, а назад ее откатывает мюльщик маховиком. В мюль клали ровницу, из которой она делала початки, уток и основу.

Я проработал на мюле два с половиной года. Потом мюль заменили сельфактором. Всего я проработал в аппаратно-прядильном цехе шесть лет. В 1885 году меня взяли мальчиком в контору ткацкого цеха, и я проработал на разных должностях в ткацком цехе ровно сорок пять лет.

☆ ☆ ☆

КОПЕЙКИН Михаил Евстигнеевич

Я тоже поступил на работу с десяти лет. Год мотал шпули, год на присучке был, года на два брали меня на трепальную, потом поступил в подручные к отцу на станок. Годов пять работал с отцом «из третьей копейки». После этого работал на сновальной год и на самоклейке почти столько же. Опять поступил за станок, работал с матерью ужо пополам. Потом женился и работал с женой.

Станок был у нас ручной. Ткач держит руками две «погонялки» — одну справа, другую слева,— которые бросают челнок. Ногами ткач упирается о подножку. Челнок подбежит, потянет за собой нитку, тут нужно ударить батаном по полотну и потом челнок бросить обратно.

Вся техника заключалась в руках, в силе. У кого было больше силы, тот мог работать больше часов и больше зарабатывал. И ногами при этом тоже работали, и всем телом ворочали. Так и вваливали и руками, и ногами, и туловищем, чтобы зев проворней ходил. Это называлось «ручной стан».

Ткач так уставал за день, что ночью уснешь — как умрешь. Только и во сне вздрагиваешь, всего передергивает, плечьми и грудью ворочаешь, будто все еще ткешь. Так, бывало, и «работали» во сне, как и днем.

☆ ☆ ☆

КУДРЯШЕВА Елена Агафоновна

Рядом с Копейкиным работал мой отец Агафон Шатыгин. Сначала он мотал шпули вместе с Михаилом Евстигнеевичем. Михаилу тогда было годов тринадцать, отцу — шестнадцать. Отец был способный мотать шпули, мотал их на полицейский драп, зарабатывал лучше многих товарищей. Он всякую работу любил. Вскоре стал за стан самоткацкий.

Отслужил четыре года на действительной службе в армии, возвратился на фабрику и опять работал ткачем.

☆ ☆ ☆

КОПЕЙКИН Михаил Евстигнеевич

Агафон Евстигнеевич Шатыгин очень трудолюбивый был человек. Он почти никогда не уходил с фабрики. И работал и спал там же.

Даже когда горела фабрика, все вышли оттуда, а он остался. Все бегут из корпусов, а Агафона нет. Его уж стали оплакивать.

Глядим — идет, весь закопченный.

— Все равно,— говорит,— нельзя бежать, хоть пожар. Машины надо убрать, сукно, масленки.

Идет — нас пробирает...

Этот пожар был на фабрике в 1910 году. Очень сильный был пожар, фабрика ужас как горела. Начался он от самосушилки. Загорелся там кноп. Приехали пожарные, а в водопроводе воды нет. И свету нигде нет. Свет тогда был газовый.

Рабочие кричат на механика:

— Сволочь ты! В огонь тебя надо бросить!

— Почему везде закрыта вода?

Механик Гралевский и правда был виноват. Если бы он тут же не скрылся, рабочие бы его в огонь бросили.

Из людей в том пожаре никто не погиб, но суконное отделение сгорело полностью. Сукна сгорело много.

Фабрику удалось залить водой, которую качали из пруда.

☆ ☆ ☆

КУДРЯШЕВА Елена Агафоновна

Отец-то ничего не получил за тушение. Другие рабочие тоже не получили. Ну, а хозяева за пожар получили — страховую премию отребли. Сколько, не могу сказать, но порядочно.

Хозяев-то во время пожара тут и в помине не было. Администрации тоже никакой не было. Прибежал механик Гралевский, так рабочие на него загалдели:

— В огонь мерзавца!

Он сразу скрылся, и рабочие уж одни управлялись.

А почему рабочие так были на начальство сердиты — пошел слух, что пожар нарочно подстроен администрацией.

Пожарные приехали с опозданием часа на четыре. Все уже горело пламенем необъятным. Приехали, а у нас нет ни воды, ни света. По чьему-то распоряжению как раз и вода и свет были выключены. Везде темь. Дело было глубокой ночью.

Пожарные кое-как отстояли остатки фабрики. Очень много и суровья и готового товара пожгло. Видно, хозяевам было выгоднее сжечь товар и получить страховку, чем его продавать.

Если бы рабочие сами сразу не взялись за тушение.

то пожарные и остатков бы не спасли. У рабочих было свое рассуждение: фабрика погорит — останемся без работы.

☆ ☆ ☆

ЛУКЬЯНОВ *Иван Васильевич*

Возчик Иван Павлович Данюков принимал у кладовщика Александра Байкова суровье для отправки в гавриловскую красильню. Но перед тем как пуститься в обратный путь, Данюков осматривал, хорошо ли подкованы кони. Если в том бывала надобность, он тут же отводил лошадь к фабричному кузнецу, моему отцу Василию Лукьяновичу Лукьянову.

Кузница находилась здесь же, во дворе фабрики. Один кузнец Лукьянов с молотобойцем обслуживал всю фабрику. Он делал и коленчатые валы, и «ноги» для станков, и оси для валов, и весь текущий ремонт. Вся работа для токарных станков выходила из-под рук моего отца. И он же подковывал все двадцать шесть лошадей фабрики.

Отец работал двенадцать часов в сутки. Много потов-то за день с него сходило. Мокрый всегда весь, черный, не разберешь лица. Работал он в кожаном замасленном

фартуке, то меха раздувают с молотобойцем вдвоем, то по наковальне стучат.

В кузнице у отца всегда стояла четверть вина. Все мастеровые к нему туда забегали. У них там был винный склад, «погребица». Вместе с другими мастеровыми забегал к отцу в кузницу и Степан Николаевич Пулин, слесарь, отец Тришкиной.

☆ ☆ ☆

ПУЛИНА Анна Павлиновна

Степан Николаевич Пулин родился здесь. И отец его здесь рожденный. Отец работал ткачом, а сын слесарем. Отец-то приходился мне свекором, а сын — мужем.

Свекровь моя Елизавета Дмитриевна Пулина как-то на поминки в крещенье блины пекла. Была выпивши. Стала переносить керосинку со стола на табуретку и облилась керосином. Все на ней сразу вспыхнуло. Она выскочила из комнаты и по коридору бегает вся в огне. Тот боится подойти к ней, другой боится. Она горит, прямо как свечка. Руки держит кверху, кричит...

Выскочила на улицу. Кто-то из мужчин догадался ее

свалить в снег. Мимо шла женщина с ведром горячей воды да со страху и окатила ее. Думала огонь на ней потушить, а сама кипятком ее обварила.

Свекровь тут же и померла. Три четверти тела у нее было обожжено.

Так померла мать Степана Николаевича Пулина.

А сам он чуть было в котле не сварился.

Как окончил он четыре класса училища, отдали его родители в Москву в мастерскую учиться слесарному мастерству. Пять лет проучился — поступил на завод Керкина. В 1905 году там была забастовка. Муж жил у меня, я работала здесь на фабрике. Хожалый выгнал нас из квартиры за то, что муж был у Керкина забастовщиком. Мужа от Керкина уволили. В конце концов он поступил слесарем к нам же на фабрику. Тогда нас с ним обратно на квартиру пустили.

Здесь он проработал до тех пор, пока не сварили в котле четверых рабочих. Степан был бригадиром над теми, которых послали чистить котлы. Но как раз перед тем как кочегар пустил пар, Степан уходил в мастерскую за инструментом.

Благодаря этому он спасся.

Рабочие в котлах начали кричать.

Но не сразу поняли, откуда крик. Побежали за Пулиным в мастерскую, он пришел, видит кран отвернут. Он на механика, тот на него. Пулина потом два месяца в тюрьме держали.

☆ ☆ ☆

ЛУКЬЯНОВ Иван Васильевич

Я помню, отец мне рассказывал, как сварило живьем в котле четверых рабочих.

Это было в 1914 году перед пасхой.

Отец Василий Лукьянович работал в своей кузнице. Днем под пасху девять чернорабочих были посланы на

чистку котлов. Среди них оказался брат мой Петр, ученик токаря, другой ученик, Никитин, и еще семь человек.

Котельная помещалась от кузницы недалеко. Как забежишь направо от кузницы, тут тебе и котельная.

Рабочих на две партии разделили. Четверых послали в один котел, троих — в другой котел. Котлы находились в каменном домике с железной дверцей. Котлы были большие, каждый с целую комнату. Внутри них проходили дымогарные трубы. Эти трубы и надо было прочистить.

Сейчас для этого есть особая электрическая машинка, а тогда их прочищали вручную.

Вот рабочие спустились через верхний люк под кожух котла и принялись за дело. Не больше чем полчаса проработали. Помощник механика Зайцев каким-то образом не знал, что в котлах люди, и приказал кочегару открыть вентиль. Кочегар тоже не знал о людях, открыл. Вентиль большой, широкий. Пар ворвался и ошпарил рабочих в обоих котлах сразу.

В правом котле рабочие находились в этот момент возле люка. Когда пошел пар, они выскочили в люк друг за другом и отделались небольшими ожогами. Среди них мой братишка.

Рабочие же в левом котле были от люка дальше. Они тоже сразу бросились к люку, но передний не успел выскочить, застрял в люке, и всех четверых сварило заживо. Они кричали отчаянно. Но пока услыхали крик, пока закрывали вентиль, люди погибли. Даже сапоги не могли с них потом снять — все мясо ползло.

Когда начались крики, народ сбежался к котельной. Отец выскочил из своей кузницы, видит — в котельной несчастье. Вбегает, смотрит — сына Петра нет. Очень разволновался. Хотел механика стукнуть ломом по пузу. Но отца удержали рабочие. Говорят ему:

— Сын твой жив. Его немножко ошпарило, он в больнице.

Отец все равно бы ударил механика, если бы не держали. Не за сына, так за других рабочих. Ведь это механик был во всем виноват.

После он этого механика больше и в кузницу не пускал. Как тот в дверь, он за молот:

— Уйди отсюда!

Рабочие этим происшествием были очень возмущены. Разговоры пошли об администраторах:

— Кровожадные, такие-сякие, звери!

Но забастовки по этому поводу не было.

Ни механик, ни помощник механика, сварившие четверых человек, ничем не пострадали. За их вину посадили в тюрьму слесаря Степана Николаевича Пулина, который руководил прочисткой котлов и сам едва не был сварен вместе с рабочими. А семьям сваренных в котле тоже никакой помощи не дали. Они приехали на похороны родных из деревни — серые такие, крестьяне степные.

Сколько было крику да плачу! Все ведь семейные в котле-то погибли. По трое, по четверо ребятишек у каждой вдовы осталось.

Дали им денег на обратную дорогу, чтобы только тут не кричали, и выпроводили их во-свояси.

☆ ☆ ☆

ТИТОВА Татьяна Степановна.

Мастера и подмастерья тут были очень привилегированная публика.

Если жена подмастерья идет в прачечную и ставит

свое корыто, то рядовая ткачиха не посмеет к ней подойти ни под каким видом.

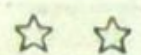
Бывало, как передние, лучшие места займут Шелапутиха Ариша и Горбунова Наташа,—не подходи к ним.

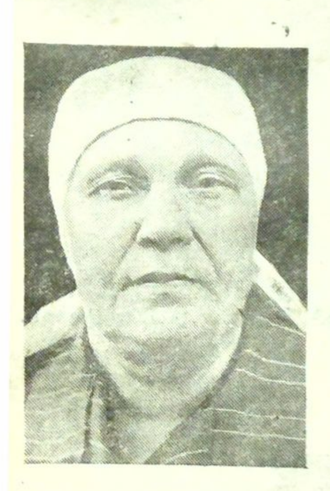
Подмастерья свою голову высоко держали. Может, ткач и больше подмастерья понимает в станках, а попробуй-ка, поковыряйся в своем станке — завтра же тебе будет гонка:

— Какое право имеешь?

Это только подмастерья имели право разбираться в станках. Считалось, что они знают станок, а простые ткачи не знают.

Подмастерья ходили по цеху нарядные, ручки чистенькие. Под станки не любили лазить.

ЯКОВЛЕВА Елена Васильевна.

Мой отец был ткач на чужих станках, а мать — прядильщица. Мать кроме того ходила стирать на дом к мастеру. Детей у матери было много, а няньки не было.

Тогда все матери-работницы приносили с собой детей

в корпус. Пока женщины работают, дети их на суконных кучах лежат.

Моя сестренка в детстве упала с такой кучи и нос разбила. Я узнала обо всем этом случайно. Спрашиваю как-то потом, когда мы уже были большие:

— Мама! Почему у нашей Груши пятно на носу такое?

Мать мне отвечает:

— Когда мы работали, нянек не было, получали мы дешево. Нам разрешали брать детей с собой на работу. Мы их клали спать на товар. Вот Грунька с кучи свалилась, нос разбила себе, у нее и пятно с тех пор.

☆ ☆ ☆

ПАРАШИНА Степанида Федоровна.

Муж мой погиб во время коронации на Ходынке.

Тогда все рабочие очень хотели туда попасть. Слух пущен был, что там подарки приготовлены каждому — по корове на человека.

Мать, отец и муж пошли на Ходынку рано-рано, часа в два, в три, только еще светать начало.

В пять часов вечера отец возвращается, спрашивает меня:

— Как, Стешка, нет Николая-то?

Я отвечаю:

— Нет. Ты что же, его не видел?

— Нет,— говорит.— Сначала мы вместе шли, а потом я его потерял...

Мать вскорости после отца вернулась, а мужа все нет и нет.

Отец учил моего мужа пошире раздвигать локти, чтобы не раздавили его. Да, видно, тут локтями уж не помочь было, раз народу многие тысячи подавили.

Проходы были очень узкие, народ стенкой стоял. Ну, где-нибудь и свалили моего Колю, пришибли, затоптали, он и задохся...

На другой день приходит деверь и спрашивает:

— Николай дома?

— Нет,— говорю.

— Тогда идите ищите его прямо на Ваганьковском кладбище.

А у мужа моего был кум — швейцар в Екатерининской больнице. Муж перед уходом мне говорил:

— Я, может, домой не вернусь, останусь у кума в больнице смотреть иллюминацию...

Я потому и не беспокоилась.

Пошли мы на другой день в больницу его искать. Его там не было. Мы на кладбище. А там уж задавленных всяких лежит видимо-невидимо. Какие в гробах, а какие просто в колодах. Многие избитые, растоптанные просто на земле были уложены. И женщины и мужчины вместе. Около покойников родственники ходили, узнавали своих, плакали, брали их хоронить. Поп тут же отпевал их, и сейчас же их хоронили.

Я тоже стала искать своего мужа. Узнала его по рубашке и сапогам. С лица его узнать было трудно. Лица у всех были темные, бордовые, непохожие...

Очень тяжко мне тогда сделалось, как я мужа мертвым увидела...

☆ ☆ ☆

КРЫНКИН Василий Петрович

Бани на фабрике не было до 1880 года. Целые пятьдесят лет рабочие мылись вместо бани в канаве.

От паровой машины к пруду была проложена канава с деревянными стенками. Просто жолоб досчатый шириной аршина в два и глубиной в полтора аршина. По жолобу бежала водица теплая, отработанная. Нижний конец жолоба загораживали, запруживали. Вода была не чистая, а отработанная, которой промывали товар. Она была зеленая, как стекло, вонючая, с примесями красителей.

Эта вода сходила по жолобу, и мы в ней мылись. И на краях жолоба тоже всегда была зеленая слизь.

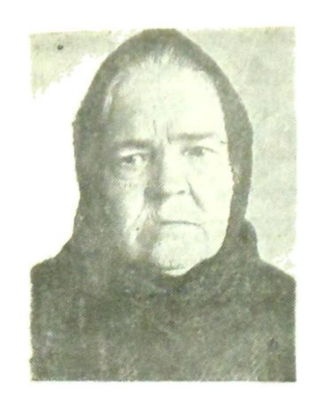
Тут и мужчины, тут и женщины неподалеку. По пять, по шесть человек рядком. Кто мочалкой, кто мылом, где спины друг другу трут. Матери ребятишек окатывают, те валандаются, пищат, полощутся.

Это летом так мылись, а зимой обходились как знаешь. Семейные по своим каморкам в тазах плескались, а холостые — хоть не мойся всю зиму или иди в городскую баню — за семь верст киселя хлебать.

Каморки рабочие были, как стойла, узенькие да длинные. Три аршина ширина, шесть — длина. Жили в них сразу по два семейства: муж с женой, да еще муж с женой, да дети. У одной стены койки стоят, у другой — столы. Если обедают и выйти одним надо, так и другие вставай.

Стены в каморках были тоненькие и не доставали до потолка, оканчивались балясами. Балясы эти, как перила из палочек. И блохи, и клопы, и мыши сквозь эти балясы из каморки в каморку лезли. Что в одной каморке делается, в соседних слышно. А устраивались балясы затем, чтобы сразу все каморки двумя печами отапливать. Печи стояли по концам коридора и под потолком проходили толстенные железные трубы.

☆ ☆ ☆

ГУСАРОВА Елизавета Евдокимовна

А хозяин-старик Василий Иванович занимал со своей старухой двенадцать комнат, целый отдельный дом. Прислуживали им горничная, кухарка и девочка.

Старик был среднего роста, плечистый, солидный немец. Борода и усы отпущены, а голова бритая. По дому бродил в халате ваточном, на фабрику выезжал в темном костюме.

Хозяйка его правила домом строго, была она русская из поповского звания, прислугу заставляла весь день работать. Прижимистая очень была, скупая. Прислуге чулка связать для себя не даст. Молоко от коровы такая богачка продавать заставляла.

В доме хозяина всегда все блестело. Горничная и девочка каждую пылинку вылизывали. Одна обметала гостиные, хозяйский кабинет, залу, другая — все остальные комнаты. Раз в две недели полотеры натирали полы паркетные. Горничные всякий день обмывали изразцовые печи, перебирали цветы, вытряхивали драпировки тюлевые и плюшевые, натирали кирпичом дверные ручки и печные отдушины.

Самым большим домашним праздником было рождение хозяина, старика Василия Ивановича. К этому дню задолго начинали готовиться. За неделю по крайней мере

хозяйка принималась ездить в Охотный ряд. Наготовит добра подвалы полные. Тут и индюшки, и каплуны, и рябчики, и стерлядки, и семга, и икра, и балык, и окорока, и телячьи котлеты.

Дня два варили, пекли, жарили.

Хозяйка прикажет горничным подвязать ей фартучек белый, станет на кухне и показывает кухарке, сколько чего класть, как поджаривать. В кухне чисто, бело, оштукатурено. Плита большая, кастрюли медные до блеска начищены, кипит все, бурлит, шипит. Как что готово, сносят в подвал на холод. Потом, в день рождения, надо только все разогреть да супы засыпать.

И вот наступает день рождения. Гостей никаких на этот день не зовут — все сами его помнить должны. Комнаты в доме коврами застланы, только в зале на полу нет ковров — там будет танцовать молодежь.

Василий Иванович, в темносинем тонкого суконца халате, туфлями шмыг-шмыг-шмыг...

А хозяйка его в шерстяном черном платье с подбором, с талией. Поверх шитьецо выпустит. Все внатяжку, все под корсет.

К середине дня съезжаются дочери со своими детьми поздравлять отца. А часам к восьми вечера собираются гости.

На кухне в это время стряпня идет. Кухарка шпигует рябчиков, жарит их в русском масле, разогревает и засыпает супы. Рябчиков хозяйка приказывала разрезать пополам, по целому рябчику гостям не давала.

Да разве фабриканты голодные к Иокишам приезжали? Взять Александра Наполеоныча Пельцера — тот не в один раз богаче Иокиша был. Да и другие не бедняки. Так только, честь отдать приезжали. Человек до ста и собиралось к вечеру, кто в карете прикатит, кто на саночках, кто на чем.

Кучера в конюховской греются, а баре по гостиным расхаживают, поздравляют хозяина, про фабричные дела свои говорят по-немецки. При прислуге ни за что по-русски не побеседуют.

Как всех дождались — начинают за стол садиться. По-

суда у хозяйки была отменная. Одного серебра пуды. На столе расставлены дорогие всякие вина, а закуски на другом столе, рядом.

Прислуга разносит кушанья, четыре горничных чуть поспевают обслуживать.

Так Василий Иванович Иокиш празновал ежегодно свое рождение до самой смерти в 1887 году. Полвека он хозяйничал на своей фабрике и нажил за это время миллион рублей капитала.

☆ ☆ ☆

БАЙКОВ Александр Васильевич

А рабочие его сколько нажили?

В тот год, когда умер Василий Иваныч Иокиш, я зарабатывал в месяц три рубля, мать моя девять рублей. Василий Крынкин вдвоем с женой двадцать три рубля, Михаил Копейкин шесть рублей, Данюковы муж и жена вдвоем шестнадцать рублей, кузнец Лукьянов восемнадцать рублей, слесарь Пулин пятнадцать рублей. А приезжие деревенские «месячники» получали и того меньше.

Где же собраться с силами, купить что-нибудь путное? Пара рубах холщевых, нанковые портки, опорки — драно, да рвано, да неприглядно — вот как одевались тогда рабочие.

Тело хозяина выносили с фабрики на Мясницкую, где была немецкая кирха. Дети его, молодые хозяева, наняли двадцать пять карет и шестьдесят линеек. Служащие в кареты посели, а из рабочих кто на линейку влез, кто просто пешечком двигался. Большущая толпа по грязи валила. Дело было в аккурат перед пасхой. Тело хозяина впереди на катафалке везли, за ним заслугу его несли на подушках — медали, шапку пирогом, шпагу. Шапка и шпага будто бы были ему пожалованы за то, что в двадцатипятилетие царствования Александра Второго хозяин обед хороший устроил.

За катафалком да за подушками ехали дети, родные, знакомые в собственных экипажах, за ними служащие в каретах, а позади всех толпой шли рабочие. Рабочие кто в чем был на фабрике, в том и вышли. Вот люди видят, такая процессия протянулась, и говорят:

— Генерала какого-то, видно, понесли хоронить!

— Не генерала, а купца. Гляди-ка, нищих какая сила валит...

Это на рабочую массу думали, что идут нищие. Немного, видать, нажили рабочие у Иокиша!

☆ ☆ ☆

ГУСАРОВА Елизавета Евдокимовна

Умер старик, осталась вдова скупая. Делом стал править старший сын Василий Васильич. Уж очень была его мамаша жадна! Все копила, все собирала, всякую пустяковину берегла дочерям. После смерти старухи нашли в ее комнате корзины, заготовленные дочерям в наследство.

Раскрыли эти корзины, а там вся ткань перегнила, перетлела от старости. Так и пожгли все.

☆ ☆ ☆

КОПЕЙКИН Михаил Евстигнеевич

Василий Васильич был человек жесткий. Идет по корпусу — ни на тебя, ни на меня не глядит. Глядеть не будет, а видит много. Его не остановишь, он ни с кем не разговаривал. Увидит, что где-нибудь зря из трубочки пар идет, скажет только:

— Поди позови старшего!

Пальцем покажет старшему:

— Там гляди!

Больше ничего и не скажет, а тот бежит со всех ног исправлять промашку свою. Мастер идет за Василием Васильичем сзади, говорит ему на ушко, что требуется. Не осмелится итти с ним плечо к плечу, обязательно идет сзади.

Василий Васильич на фабрике не снимал свою кепку ни перед кем. Гордыни в нем было много. С виду он был круглолицый, суровый, имел бородку русенькую, носастый был, все Иокиши носастые были.

Кепка с пуговкой наверху, как немцы тогда носили, сам плотный, низкого росту, усадистый. Глаза какие были у него, неизвестно. Разве раньше смотрел кто в глаза хозяину? Опасная была штука. Тогда баба с мужиком жила десятки лет, а не знала, какого у него цвета глаза, не то что хозяйские!

Походка у Василия Васильича была — руки в боки. Упрет руки в боки и идет по проходу. Если встречаются ему четверо рабочих с навоем, так они четверо сторонятся, а он идет по проходу гоголем, боже упаси его задеть!

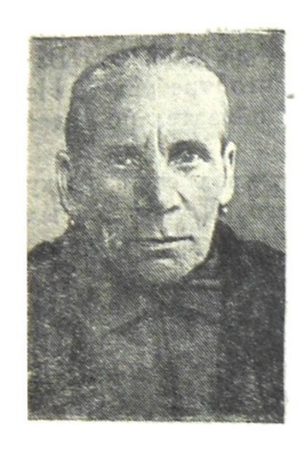
Василий Васильич умер через четырнадцать лет после смерти Василия Иваныча, в 1897 году, и на фабрике стал всем верховодить директор Юлий Иваныч Беренгоф. Поговаривали, что он скупил все паи и стал главным акционером фабрики, вроде хозяина. Он грубее других был, Юлий Иваныч. При нем мастера особенно угнетали рабочих. Работницы и рабочие по очереди ходили прислуживать к мастерам на квартиры. Называлось это «барщина» и «черед».

☆ ☆ ☆

КАЛЮГАНОВА Мария Степановна

К мастеру Адольфу Густавичу по субботам таскали воду: пять ушатов горячей и пять холодной. Семейство мастера делало себе ванну.

А к Юлию Карлычу ходили мыть пол. Барыня у него

Калюганова Мария Степановна

была сердитая, очень любила, чтобы было чисто, сухо и хорошо. Заставляла зимой разувшись террасу мыть. Когда прядильщицы мыли пол, то барыня-сударыня садилась в дверях между двумя комнатами, смотрела, как они моют. Чья работа ей не понравится, ту работницу она отправляла мыть кладовку, где лежали дрова, и уборную. Так и знали все, что это наказание за провинность.

Барыня постоянно капризничала. Моют, моют прядильщицы пол, вдруг она рассердится, гонит их обратно на фабрику. Только придут на фабрику, посылает за ними, зовет домывать пол.

Меня она заставляла шить.

Я шью-шью, она вдруг наскочит:

— Почему не спрашиваешь, какой шов надо делать? Распарывай, переделывай все!

Вот как над людьми издевалась.

Раз работница Саша Клистириха чистила у них самовар. Увидела пятнышко на нем, плюнула в это место, оттерла. Дочка хозяйская этот плевок заметила:

— Я,— говорит,— мама, заметила, как баба на самовар плюнула.

Барыня на Сашу ругаться:

— Что же ты делаешь? На самовар наплевала?

А Саша и говорит:

— Если б я внутрь в самовар плюнула, то бы виновата была, а так я пятнышко на нем отчищала. Рот мой не поганый, я святые тайны им принимаю.

Барыня на нее зло затаила. Как Саше придет черед пол мыть, барыня шлет ее сарай убирать. У Саши были ноги больные. Она терпела-терпела, да как-то и отказалась:

— Хоть расчет мне давайте, а не пойду я больше в сарай!

Думала, расчет ей дадут, но не тут-то было. Ее все-таки сарай убирать заставили.

☆ ☆ ☆

ПАРАШИНА Степанида Федоровна

Я пошла после родов пол мыть к мастеру Адольфу Густавичу. Мыть разувшись после родов боялась. Попросила хозяйку.

— Барыня! Я после родов не могу мыть разувшись. Позвольте так мыть!

Барыня на это не согласилась.

Вот мою я, мою, гнусь-гнусь, пот с меня льется, а барыня смотрит и говорит:

— Вот баба хорошая, хорошо моет пол, трудится!

А я еле-еле мочалкой по полу двигаю. В грудях у меня молока много, подперло, худо мне стало. Опять прошу барыню:

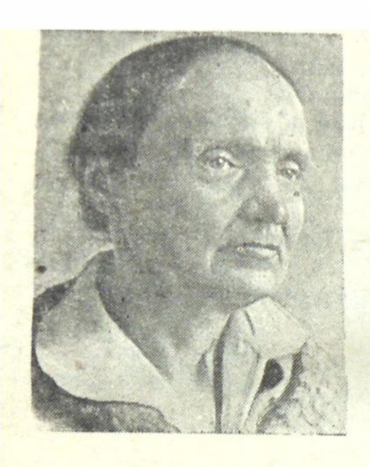
— Барыня! Домой мне надо, кормить ребенка...

А она мне:

— Ну, нет! Домоешь. Вон у тебя рожа какая красная, ты баба здоровая. Помаешься, помаешься да поблагодаришь, что не прогнала.

Так и не отпустила кормить ребенка, пока я весь пол не домыла.

☆ ☆ ☆

ГАВРИЛОВА Варвара Акимовна

Я баба боевая была, а муж у меня был смирный. Говорю как-то мужу:

— Очень мало мы с тобой зарабатываем. Пойду-ка я к Юлию Карлычу, попрошусь у него работать на драп...

— Смотри, он тебя выгонит.

Нарядилась я, пошла к мастеру и прошу его:

— Юлий Карлыч! Дайте нам драп поработать. Мы с мужем сумеем.

— Что ты говоришь? Чего хочешь?

— Простите, Юлий Карлыч, подработать нам хочется...

— Иди работать ко мне на дом...

— Простите, Юлий Карлыч, я недавно руку зашибла, не могу работать на дому.

Юлий Карлыч как закричит:

— Что я, врач, что ли? Вон из конторы!

Я и возвратилась ни с чем.

Вызывает мастер в контору мужа:

— Это что жена твоя в белом фартучке ряжена, как кухарка?

— Простите, Юлий Карлыч, очень уж боевая она. Говорил я ей, что прогоните вы ее, а она наперекор мне пошла...

— Вот как? Боевая! Пусть идет ко мне шить.

Муж вернулся, уговаривает меня итти шить к Юлию Карлычу. А я ему:

— Чай, я не портниха. Не пойду я шить к мастеру...

Муж задумался:

— Дело плохо. А ну-ка расчет дадут?.. Что поделаешь?..

Купил курицу, посадил ее на яйца, дождался цыплят. Цыплят этих поклал в решето, отнес мастеру. Тот принял цыплят. В скором времени стали мы драп работать, и Юлий Карлыч уже не звал меня к себе шить. Истинная правда, все так и было, цыплята на мастера подействовали. И не одни цыплята к нему летели — и куры летели, и гуси летели, и целые окорока подлетали. Возили ему всякой всячины на дом, а он за это определял на работу и давал лучший заработок. Кто хвостом перед мастерами вертел, того и они любили. Заставляли народ себе низко кланяться.

☆ ☆ ☆

СМИРНОВА Ольга Ионовна

Отца прозвали «Бароном». Он очень вино любил. Как-то он пьянствовал и плясал у трактира Орешкина, а мимо ехали на маневры солдаты. Офицер увидел его плясы и говорит:

— Ай-да фон, ай-да барон, ай-да граф финтикрист!

Мужики подхватили: «Барон», «Барон». С тех пор и прозвали его «Бароном», дочку «Баронихой» и даже внуков зовут «Баронами».

☆ ☆ ☆

МИРОНОВ Василий Максимович

Мастер Юлий Карлыч придрался как-то к «Барону» и рассчитал его. Что делать рабочему с ребятишками? Товарищи научили его:

— Ты поди поклонись хорошенько Юлию Карлычу!

Перед домом Юлия Карлыча был небольшой откос, уложенный дерном и утыканный колышками, чтобы дерн не сползал. Юлий Карлыч на терраске сидел. «Барон» влез на этот откос и оттуда кланяться начал. Мастер сидит, чай пьет, как будто не замечает. А тот кланялся, кланялся, с бугорка-то и кувырнулся, лицом по колышкам угодил. Тут кто-то Юлию Карлычу говорит:

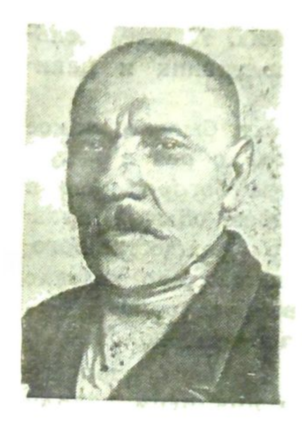
— Вон «Барон» вам кланялся, кланялся и весь изодрался...

А тот отвечает:

— Ну, чорт с ним! Пусть завтра приходит. Возьму его на работу...

Вот как раньше мастера издевались над рабочими, низкого поклонения от них требовали.

☆ ☆ ☆

КРАСНОЩЕКОВ Иван Алексеевич

Бывали у Иокишей вечера и балы. Обязательно фейерверк тогда покупали и иллюминацию делали. Наставят и навешают по всему саду фонарей светлых бумажных. Натыкают кольев, и к ним ракеты привяжут.

В два часа ночи, когда отужинают хозяева, начинают пускать фейерверк. Помню, один раз был у них фейерверк на пруду у Грачевской дачи. Огненные лебеди по пруду пускались — всплывет на середину и лопнет...

А мы, рабочие, версты за две смотрели на их веселье через заборы и скважины. Близко-то нас не подпускали.

☆ ☆ ☆

ТИТОВА Татьяна Степановна

Иокиши прививали своим рабочим религиозное чувство. Все молебствия устраивали и приходили смотреть, кто из рабочих как молится.

После молебна давалось на выпивку ткацкому цеху 10 рублей, аппаратному — 5 рублей, отделке — 5 рублей.

И после молебна всегда пьянка бывала. К этим деньгам каждый рабочий добавлял свой полтинник и напивался.

Уж так это было заведено. На пасху бывало такое молебствие, на Ильин день и еще несколько раз в году.

А вот после празднования «рождества богородицы» в сентябре, какого числа, не помню, был тоже обычай справлять «засидки». В старину от пасхи до «рождества богородицы» на фабрике работали без огня, сколько хватало дневного света. А уж после «рождества богородицы» начинали с огнем работать, переходили на зимнее положение.

В этот день хозяева выдавали на каждого рабочего по гривеннику, и рабочие после работы прямиком валили в трактиры. Хозяевам от пьяной гульбы рабочих была та выгода, что у рабочих от вина да от всех этих обычаев плотно затуманивалось сознание. Поэтому хозяева не преследовали прогульщиков, сколько бы те дней ни пропьянствовали.

Получалось, что хозяин для рабочего кругом благодетель: и на выпивку дает и за прогулы не выгоняет. Очень хитрая буржуйская воспитательная работа.

А того не понимали рабочие, что хозяин на эти гривенники тысячи рублей наживает. Прибыли хозяйской никто из нас тогда, конечно, не знал. А прибыль была огромная.

В 1909 году хозяин затратил на заработную плату рабочим (тысяче человек) 188 тысяч рублей, а чистой прибыли получил 195 398 рублей.

В 1915 году на заработную плату 1 115 рабочим было истрачено 245 тысяч рублей, а прибыли получено 358 414 рублей.

Эти цифры мы знаем теперь случайно из правительственных журналов. А архив фабричный сгорел, и сколько Иокиш имел прибыли в другие годы — неизвестно.

☆ ☆ ☆

КРЫНКИН Василий Петрович

Когда выдавалась получка, рабочие несли свои деньги в магазин Иокишей. Выходит, что Иокиши с выгодой перекладывали свои деньги из одного кармана в другой.

Магазин принадлежал акционерному обществу Иокишей, а доверенным лицом, ответственным человеком по магазину был Денис Иванович Залышкин, зять Александра Ивановича Иокиша.

Иокишам был кругом барыш — все, что изливалось от них, опять к ним же и шло.

Рабочие в ихней лавке получали товар в кредит на три срока: с первого числа по десятое, с десятого по двадцатое и с двадцатого по первое. С первого-то по десятое — тут вроде ничего жилось, с десятого по двадцатое — еще кое-как, но с двадцатого по первое уж клянчили каторжно, потому что жалованье к концу месяца проедали. Клянчили в конторе, чтобы кредит увеличили, и у Дениса Ивановича просили, и у Прасковьи Ивановны, иокишевой снохи, тоже просили увеличения кредита.

Полагалось тогда в счет кредита полфунта чаю на месяц. Вот я выношу как-то из лавки восьмушку чаю и вспомнил, что дома сахару нет. Вернулся в лавку, прошу:

— Дай в кредит фунтик сахару.

Денис Иванович не дает.

Я снова его прошу:

— Дай, мол, в кредит фунт сахару. Чаю напиться не с чем...

А он сидит, молчит, рыло выпучил, точно свинья.

Тут я его матерью с плеча обложил. Он меня в контору тащить. А я сильнее кричу:

— Хоть убей, не пойду. Что ты мне за мои за собственные деньги в долг фунт сахару дать не можешь?

Он выволок меня из лавки за шиворот. Я рассердился и говорю:

— Ладно, мол, не буду я брать у тебя теперь, покланяешься.

Вот пасха подходит.

Я сбегал в Петровское, окорок большущий купил, стал возле иокишевской лавки, и кто к ней ни направится, уговариваю:

— Что ты сюда за дерьмом идешь? Гляди, милый, какие в Петровском окорока продают. Мы все там берем. И лучше, и дешёвле, и кредиту там больше.

Все заворачивают и идут в Петровское. А Денис Иванович сидит в лавке, удивляется: товару полно, а покупателей никого.

Вот вышел из лавки и обомлел, глаза выпялил: мы все мимо него несем домой покупки из Петровского.

После этого, как встретит меня, точно собака хвостом вилять начинает. А я и не гляжу на него.

☆ ☆ ☆

КУДРЯШЕВА Елена Агафоновна

Культурного обслуживания у нас никакого не было. Только в святки да на пасху, два раза в год, ставили в бане «Царя Максимилиана».

Обыкновенная баня была, и в ней шло представление.

Царица и царь там выходили. Груша Панферова большей частью была царицей. Она артельная была баба, общественница — по-теперешнему сказать. Уж очень хорошо пела. И звали ее царица Венера.

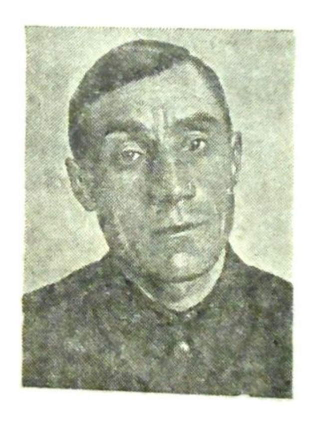
Костюмы артисты сами для себя делали, кто из чего, красивые. Сцена, бывало, бумажными флажками украшена. И на сцене стояла елка, вся маленькими шкаликами

с водкой увешана, «жуликами» по-нашему. Через эту елку многие артисты отправились на тот свет.

Во время представления царь посреди сцены сидел на троне. Слуги всякие с донесениями к нему подходили. Вроде где-то война идет. Царица влюблялась в одного своего придворного, и царь сажал царицу в тюрьму, а того казнил. Сын царский тоже в чем-то винился. Рыцарь Бармуил отрубал ему голову. Вот этими разными царскими похождениями мы, рабочие, сами себе туманили головы. Другого развлечения не было.

А расплачивался за это наш брат. В бане-то жарко, капает с потолка. Покамест сидишь — вся мокрая. А артисты-то представляют, стараются, им вовсе жарко. И после окончания представления у них веселье все идет на вине. Публика выйдет, а они с елки шкалики пообдирают и выпьют. Выйдут мокрые да пьяные на мороз — воспаление легких. Четверо наших артистов так отправились на тот свет после этого «культурного отдыха».

☆ ☆ ☆

ДАНЮКОВ Терентий Иванович

Я в этом представлении участвовал. Всего нас, «актеров», двадцать семь человек было. Кроме меня, из

тех, что остались живы, играли Вася Ивкин, Татаркин, Груша Панферова.

Груша изображала царицу.

В баню множество народу сходилось, и такая всегда давка была, что ужас.

Урядник обязательно там сидел.

☆ ☆ ☆

ТРИШКИНА Мария Степановна

Я была тогда еще маленькая, но помню, как ставили «Царя Максимилиана». Нас, детей, смотреть спектакль не пускали. Так мы пролезали в баню под подолами у взрослых работниц. Юбки были тогда у них широкие, в шесть полотнищ. Бывало, выпрашиваешь:

— Тетенька, спрячь меня!..

— Ну, иди.

Подлезешь к ней под юбку, накроет она тебя, сама идет потихоньку, а ты на четвереньках ползешь.

Как в баню пробралась, скорее под лавочку. Потом между ногами проползешь поближе к сцене и сидишь опять под юбкой у какой-нибудь тетки, смотришь. Жарко, ничего не видно и ничего не понятно. Сидим и выгляды-

ваем из-под подолов. Как хожалый привстанет, мы головы прячем.

Вот спектакль кончится, из бани все выйдут, а ты сидишь под скамейкой, боишься выйти. Банщик дядя Миша придет убирать баню, найдет тебя:

— Ты откуда?

— Спектакль смотрела...

— Брысь домой!

И бежишь домой сломя голову.

☆ ☆ ☆

АЛЕКСАНДРОВА-КРЫНКИНА
Клавдия Васильевна

Когда я училась в здешней школе, то нас, детей-школьников, ни летом, ни зимой не пускали в парк. Летом боялись, что цветы мы порвем, а зимой — что горку сломаем. Горка была устроена для детей хозяев и служащих, а мы на них поглядывали из-за заборчика. Дети с няньками идут в парк, а мы смотрим, завидуем.

Вот идет прислуга Юлия Ивановича Беренгофа и ведет маленькую черненькую собачку. Собака жирная, курносая, гладкая, и за ней бегут крошечные щенятки.

Мы глядим через загородку: прислуга села, а собаки бегают, где хотят. Щенята в цветах возятся. Мы смотрим на них, сами войти не смеем и говорим сторожу:

— Дяденька! Что же ты собак в парк пускаешь, а нас нет?

А он отвечает нам:

— Собаки-то чьи? Хозяйские!

☆ ☆ ☆

ГЛАВА 3

В ГОДЫ БОРЬБЫ

КРЫНКИН Василий Петрович

Я перебрался из Гаврилкова на Михалковскую фабрику еще накануне 1903 года. Вскоре у меня подобралась компания в шесть-семь товарищей, недовольных фабричными порядками и издевательством мастеров. Ребята были все свои, даже родные. Крестник Куканов, кум Иван Михайлов, двое приятелей: Сидор Иваныч и Григорий Иваныч, слесарь Пулин, по прозванию «Король».

Много-то народу мы не втягивали в свою компанию, сболтнет какой-нибудь лапоухий, и всех уволят. Держались секретно, скрытно. Все дело это затеял Куканов. Парень был молодой, работал у Иокиша на фабрике шорником. Как-то раз он позвал меня к себе на квартиру:

— Приди-ка ко мне, крестный!

А я и не знал: что, для чего, в чем дело.

Прихожу. У Куканова сидит какой-то монах. Это был на самом деле наряженный монахом революционер.

Стали мы с Кукановым разговаривать:

— Трудно жить, мол.

— Хорошо бы жалованье повысили.

— Работать бы только восемь часов...

Я спрашиваю:

— Да как же это все сделать?

А Куканов мне:

— Сделаем все. Люди уж над этим работают. Делают кое-что.

Монах все тут же сидит, помалкивает. Не надеется еще на меня, в первый раз видит. Нельзя ему так сразу-то перед незнакомыми людьми губами шлепать.

Крестник Куканов меня спрашивает:

— Ты не знаешь, зачем я тебя позвал?

— Нет, мол.

— Ты дело сумеешь выполнить?

— Что за дело?

— Вот у меня есть книжечки да бумажечки. Ты будешь их носить, пихать, где придется. В уборной да еще где-нибудь. Только следи, чтобы никто не видел, а то тебе плохо будет.

Я говорю:

— Возьму. А помногу класть надо?

— Штук по пятнадцать в раз. Заверни листочки в книжечку да приткни. Кто-нибудь развернет, прочтет, в карман положит, другому потом прочтет.

Я так и делал, как меня научил Куканов. То в одну, то в другую уборную бумажек снесешь. Рабочие почитывать начали. Кто-то донес уряднику Стефановичу, что в уборных много книжек случается. Стали подстерегать того, кто их там оставляет. Меня-то поймать не смогли, а рабочих, которые читали листовки, брали. Урядник запугивать этих рабочих пробовал:

— Что ты читаешь, чортушка! Да знаешь ты — за это острог?

— А я почем знаю? Пришел в уборную, у меня бу-

маги не было, я и взял. Гляжу — интересно писано. Я почитал немного.

Стефанович не мог придраться к этому, и дело кончалось ничем.

А Кукапова никто и не подозревал в революционной работе. Он раньше был очень религиозный парень, а когда перестал верить в бога, все же видимость прежнюю сохранял. Вместе с дружком, маляром Григорием, они становились в церкви прямо напротив батьки и так усердно молились, что даже сама игуменья замечала их. Ловко они дело свое обтяпывали.

После первого знакомства с «монахом» стал я посещать собрания революционной группы. Сходились в лесу за прудом все те же человек шесть-семь. Скрывались в орешнике. Приходил «монах» и делал политические доклады, разъяснял, что происходит в стране. Являлся он из Москвы, и никто не знал его имени и фамилии.

Так велась подготовительная работа.

Наступило «кровавое воскресенье» — 9 января 1905 года. Через несколько дней весть о расстреле петербургских рабочих донеслась до фабрики Иокиша. Многие возмущались, царя ругали:

— Гапон был впереди всех, а как начали обстреливать, он сразу убрался. Значит, все это было подстроено. Подослали войска и давай рабочих лупить.

Ведь не одни мужчины там были. И женщины и дети шли впереди. Всех побили.

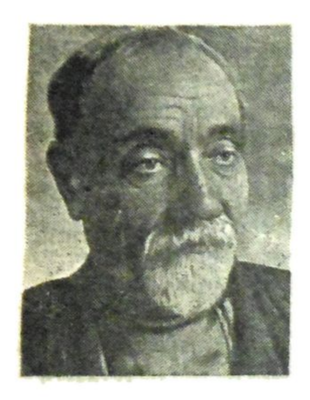
☆ ☆ ☆

КУДРЯШЕВА Елена Агафоновна

После событий 9 января 1905 года рабочие Иокиша сильно волновались, но открытых признаков возмущения не выказывали. Революционные настроения на фабрике усиливались. Налаживалась связь с другими фабриками. Мой отец Агафон Евстигнеевич Шатыгин привел однаж-

ды вечером к себе в каморку двоих мужчин. Постелили, было, им под кроватью. Но они не стали ложиться спать. Поговорили-поговорили с моим отцом и потом все вместе куда-то ушли. Как потом я узнала, это были делегаты с одной из соседних фабрик.

☆ ☆ ☆

ЧЕПЕЛЕВ Константин Мартьянович

В 1905 году я работал на Сувировской фабрике, расположенной неподалеку от Михалкова. Из всех окрестных фабрик эта фабрика забастовала первой. На другой же день хозяин добился казаков. Казаки охраняли хозяина и его дом. Рабочие просили у хозяина прибавить заработок. Он им отказал:

— Все фабрики работают, а вы одни не хотите!

Тогда мы, сувировцы, отправились останавливать окрестные фабрики. Остановили шесть фабрик, пришли на седьмую, к Йокишу. Народ со всех шести фабрик сопровождал нас. Тысячи две рабочих валило. Шли просто гурьбой, «марсельезу» пели:

— Отречемся от старого мира!..

Сувировская фабрика шла первой, а во главе сувировцев шли мы с зятем Сергеем Егорычем. Я тогда сильно

еще выявлен не был, в партии не состоял еще, но помогать — помогал. Листовки распространял нелегальным путем на фабрике, разные поручения исполнял. А зять, муж моей двоюродной сестры, политику понимал и меня учил. Зять даже в спальной кружок организовал из рабочих, которые посмышленей да понапористей были. Члены кружка шли тут же, в первых рядах с нами.

Зять мой Сергей Егорыч работал раньше у Иокиша, знал расценки, где что, знал все порядки.

Вот подходим мы, забастовщики, к фабрике Иокиша со стороны Тверского шоссе. А у Иокиша все по-старому тихо, ворота закрыты, на воротах орлы торчат. Вдруг ворота раскрылись, забастовщики ввалили во двор. Мы с Сергеем Егорычем сразу бросились в паровую. Кричим:

— Останавливай машину!

Паровщик Вася Ильин спросил:

— А вы кто такие?

— Мы забастовщики. Хотим остановить вашу фабрику.

Он тут же остановил паровую.

Народ сразу из корпусов во двор хлынул. Которые в толпу замешались, а которые побежали по спальням, боялись, нет ли там беспорядка какого. Больше все женщины с кофейничками да с чайничками побежали по своим спальням. А были и такие рабочие по цехам, что не хотели бастовать вовсе. Тех чуть ли не силой снимать пришлось.

Толпа во дворе собралась большущая. Сергей Егорыч зашел в контору, крикнул:

— Давай хозяина!

Потом он вышел во двор, вскочил на бочку и начал объяснять всем рабочим, чего следует добиваться:

— Я, мол, сам здесь работал, все расценки здешние знаю. Рабочие на Иокиша задаром работают. Давайте, товарищи, организованно перед хозяевами настаивать, чтобы было рабочему по-человечески жить!

Толпа кричит:

— Правильно!

☆ ☆ ☆

КРЫНКИН Василий Петрович

В это время приехал Александр Васильич Иокиш, хозяин фабрики. Я стоял в толпе, видел, как хозяин подъехал на извозчике, слез, снял шляпу, идет, с народом раскланивается. Шляпу раньше он перед нами не скидывал никогда, а тут снял. Чужие рабочие стали спрашивать:

— Кто это такой?

Здешние отвечали:

— Это наш хозяин, сам Иокиш!

Из толпы послышались крики:

— Долой его! Почему у него расценки такие?

— Прибавить расценки надо!

Иокиш ходил, здоровался, всем отвечал так:

— Как прочие фабрики, так и я сделаю. Только фабрику не громите!

Потом подошел к бочке и подал Егору Сергеичу семьдесят рублей, всем «на чай».

Егор Сергеич взял. Тогда ведь еще и вожаки-то наши не больно сознательными были. А некоторые рабочие даже благодарить хозяина стали.

☆ ☆ ☆

ЧЕПЕЛЕВ Константин Мартьянович

Я и Егор Сергеевич видим, что фабрика Иокиша тоже к забастовке примкнула. Егор Сергеич спрыгнул с бочки, отправились мы домой. Толпа вся разошлась. Хожалый Владимир Мартыныч запер ворота фабрики. Владимира Мартыныча сделали хожалым недавно, и рабочие на него злы не были. Это он же открыл ворота толпе забастовщиков. Прежний хожалый, поляк Леонтий Семеныч, ворот забастовщикам не открыл бы. Того хожалого рабочие ненавидели. Когда толпа поперла в ворота, из нее слышались голоса:

— Где хожалый?

— Хожалого давай нам сюда!

Владимир Мартыныч отвечал:

— Я хожалый.

— А Леонтий Семеныч вчерась был. Где он?

— Его уволили.

— Верно?

— Верно.

— Эх, жалко! В мешок бы его да в прорубь... Как же так могли его в один день уволить?

Кричал больше всех тот парень, которого недавно прогнали с фабрики из-за прежнего хожалого Леонтия Семеныча.

К вечеру все успокоилось. Бастовали все окрестные фабрики, в том числе и фабрика Иокиша.

На третий день организаторы забастовки стали созывать всех рабочих на митинг в театр «Аквариум». А хозяева и полиция пустили слушок, что всех, кто пойдет в «Аквариум», там повесят или взорвут. Рабочие Иокиша боялись итти в «Аквариум».

☆ ☆ ☆

СМИРНОВА Ольга Ионовна

Отец мой «Барон» дома полез под стол спрятаться, чтобы не заставляли итти на митинг. Мать варила ему картошку, хотела отправить его спасаться в деревню. А я стояла у двери на карауле. Не успел он залезть под стол как следует, я кричу:

— Не лезь, не лезь, вот они!

Забастовщики по коридору идут, двери у каморок отворяют, кричат:

— Эй, давай, давай, выходи!

Заглянули к нам, отец из-под стола вылез, рукой махнул:

— Ну, что ж делать, раз пришли за мной, собираться надо...

И вместе с ними побрел. Бабы в голос завыли. Ефима хромого жена, тетка Лукерья, пророчила:

— Ну, пропали теперь наши мужики, сгибли, не вернутся домой...

А я, «баронова» дочка, им отвечаю:

— Не пропадут!

☆ ☆ ☆

ЧЕПЕЛЕВ Константин Мартьянович

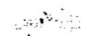
То же происходило и на соседних фабриках. У Сувирова мы с зятем Егором Сергеичем и остальные организаторы забастовки ходили по спальням, вызывали рабочих итти на митинг в «Аквариум». Жены и дети плакали, провожая мужиков за ворота.

Дети бежали за своими отцами, звали их обратно домой. Организаторы забастовки роздали на дорогу рабочим фабрик Иокиша, Сувирова и других деньги, которые они получили «на чай» от Иокиша и от остальных фабрикантов. Вышло по двугривенному на брата. Рабочие шли на митинг густыми толпами, но до «Аквариума» не добралось и трети. Кто к дяде зашел по пути, кто к брату, кто просто к приятелю. На самом деле боялись попасть на митинг. Организация шествия была слабая.

Рядом со мной шагали два моих дяди. Как старшие они предупреждали меня, племянника:

— Костюшка! Не ходи. Там помрешь...

Вскоре оба дяди куда-то свернули, но я дошел до самого «Аквариума». Театр был переполнен. До отказа в него народу натискалось. Егора Сергеича выбрали в президиум митинга. Я пролез за ним на эстраду. Просто своей охотой засел в президиум.

☆ ☆ ☆

КРЫНКИН Василий Петрович

А я сидел в ложе, слушал, как выступали ораторы. Все ораторы поминали одно и то же:

— Плох в нашем саду садовник!

— Время настало убрать садовника!

Я и не понимал, о каком садовнике идет речь.

Вдруг выступил один громогласный оратор с басистым голосом:

— Вам непонятно, товарищи, кто такой «садовник»? Я вам поясню. Садовник это сам царь.

Я удивился:

— Как так царь «садовник»?

Вдруг кто-то сзади — цоп меня по затылку. Я обернулся — никого не видать, кто стукнул — не знаю.

Тут выстрел раздался, паника началась, и народ повалил на улицу. Митинг объявили закрытым. С галерки полетели в толпу прокламации, их хватали, засовывали за пазуху. Все рабочие Иокиша благополучно возвратились домой в Михалково. Сувировцы тоже вернулись живы, здоровы. Через два дня Сувиров закрыл свою фабрику, и рабочие его без расчета разъехались по родным деревням.

В 1907 году Чепелев поступил на нашу фабрику, к Иокишу.

☆ ☆

СМИРНОВА Ольга [illegible]

А волнения фабричных все продолжались. В 1905 году, вскоре после забастовки, собрался митинг в Сидоровском лесу недалеко от Петровско-Разумовского. Народу сошлось много. Приехали туда два студента и барышня. Около дороги дежурил наготове лихач. В толпе с другими девчатами стояла и я, девочка Смирнова, дочь «барона».

Барышня была в черной юбочке и белой кофточке с галстуком. Она раздавала рабочим и работницам прокламации. Я тоже взяла у нее бумажку. Потом барышня стала на возвышение и начала:

— Товарищи!..

Только успела она сказать это слово, как вдруг наскочили пятьдесят всадников в черных накидках-бурках. Кого нагайками хлещут, кого конями сшибают. Барышню подхватили студенты, бросились вместе с нею в коляску, лихач умчал их. А рабочие разбежались куда попало. Записочку, которую дала барышня, я притащила домой и засунула за икону. Мать стала убираться, нашла записку и показала ее отцу.

Отец прочел, обомлел:

— Ах ты, проклятая! Да меня из-за тебя в тюрьму посадить могут.

Подол мне на голову и отстегал тут же.

☆ ☆ ☆

КРАСНОЩЕКОВ Иван Алексеевич

Когда в декабре 1905 года в Москве восстание шло, мы тут у себя на-чеку стояли. Настроение было взволнованное, против начальства.

Хоть и считалась «божьей» фабрика наша, а работа на ней была тяжелая, заработки плохие, расценки несправедливые. И рабочие примечали, что царская власть карман хозяев хорошо охраняет.

Злобой горели наши рабочие против полиции и всех царских слуг. А понятия настоящего еще не было. Итти в наступление не готовы мы еще оказались.

Пока на Пресне пушки гремели, мы фабрику свою оберегали от черносотенцев. Пуще всего старички наши боялись, что какие-нибудь погромщики машины на фабрике поломают, и мы останемся без работы. Молодежь-то сме-

лее вперед глядела. А основная масса рабочих на месте, можно сказать, топталась.

Нутром мы чуяли, где наши враги, где братья, а организованности у нас было мало.

Человек пять-шесть посмелее да помоложе в город от нас ходили и участвовали в баррикадных боях. Вот Бунин, кажись, участвовал, Налим участвовал тоже, Егорка один, хороший парень, фамилию не припомню. Которые из них теперь померли, которые разъехались неизвестно куда. А остальные только тут у фабрики гомонили, песни революционные распевали:

«Не ходите вы, ребята,
К нам на фабрику служить
Вы старайтесь свою силу
Всю в Бутырках положить.
Света, воздуха жалеют
За рабочий честный труд,
А рабочие болеют,
От чахотки часто мрут...»

Были у нас делегаты выбранные: я, Шеин, Татаркин и еще трое. Мы, делегаты, ходили в райком у Бутырской заставы, приносили оттуда свежие вести, созывали собрания и разъясняли, что делается в Москве. Настроение у массы было, можно сказать, волнующееся.

Татаркин, как придет из райкома, сразу вытаскивает газету «Известия» (издавалась тогда такая) и начинает читать. Ткачи вокруг него все толпятся, слушают, рассуждают. Что к чему, разбираться станут, осуждают правительство.

Я так теперь понимаю, что настроение-то у наших рабочих было сердитое, шибко революционное, а что да как надо делать, толком не раскусили еще тогда.

Мы машины и фабрику свою жалели, чтобы нам ею кормиться.

☆ ☆ ☆

КОПЕЙКИН Михаил Евстигнеевич

В декабре 1905 года на фабрике Иокиша услыхали, что в Москве неспокойно. Были слышны выстрелы с Пресни.

Я, Крынкин, Яковлев, Назаров и Фролкин отправились в город разузнать, что там такое. Шли по Бутырской улице — рот разевали, сами не знали толком, куда итти. Почти до тюрьмы дошли. У тюрьмы стояли цепью городовые, полиция, задерживали всех пешеходов. Только и покрикивали на всех:

— Куда идешь? Кто ты?

— По какому делу идешь? Воротись назад!

Кто старался пройти, несмотря на окрик, тех задерживали и обыскивали. Нашли у одного прохожего наган за голенищем. Спервоначала отпустили его, а потом пальнули в спину и застрелили.

Мы повернули обратно. Когда дошли до моста у Савеловского вокзала, там уже была построена баррикада. За досками, колесами, ящиками прятались вооруженные люди. Главный обратился к толпе зевак:

— Товарищи! У кого нет оружия и припасов, кто не хочет драться, боится, лучше бы ушли поживее.

В это время откуда-то пули посыпались. Народ во дворы скрылся. Мы спрятались за выступ стены. Баррикада отвечала на выстрелы. Когда стрельба поутихла, мы возвратились в Михалково. Там было тихо. Фабрика не работала. Хозяева без всякой забастовки сами остановили ее, пережидали тревожное время.

☆ ☆ ☆

ДАНЮКОВ Терентий Иванович

После подавления декабрьского восстания в Москве началась реакция. Фабрика Иокиша снова работала, но на нее прислали казаков. Казаки ходили по коридорам,

наблюдая за порядком, везде ли тихо. Они приезжали каждый день из Всехсвятского, где был полицейский стан.

Черносотенцев настоящих среди рабочих фабрики не было, хулиганов тоже не наблюдалось. Зато религия забрала большинство рабочих. На общие молебны наезжали попы из пяти приходов, иконы привозили откуда-то. Молебны служили не только во дворе, не только в корпусе, а в каждой комнате, всякий в своем углу. В каждую комнатушку приводили попа побрызгать там. Очень тихие были люди тут, «божья фабричка».

Тогда на фабрике забрал силу поляк-урядник Иосиф Антонович Стефанович. Он тоже был прислан из Всехсвятского полицейского стана. Большей частью сидел в конторе фабрики. Среднего роста был, рыжий, плечистый дядя. Усы да бороду большие носил и был очень сердитый для рабочего класса.

Все с папкой, бывало, ходит. Сожмет ее и идет.

Поговорка у него была:

— Брытец мой...

Этот урядник решил уволить моего отца Ивана Павловича Данюкова. Отец к тому времени стал уже старшим конюхом фабрики. Получилось все это из-за Виктора — водовоза, который возил воду мастерам и уряднику. Один раз уряднику сегодняшней воды нехватило. Вода-то еще была, да вроде со вчерашнего дня. Виктор и говорит отцу:

— Воды вот нехватило «мому брытцу»...

А отец отвечает:

— Свези ему вон ту воду. Не ахти какой барин он.

А тот здесь сзади стоял, урядник-то, слышал это. Если бы отец его видел, то не сказал бы так. Он смирный был, отец.

С тех пор урядник начал его преследовать. Говорит как-то заведующему фабрикой:

— Ты уволь Ивана Павлова, он обидел меня. Велел Виктору воду вчерашнюю привезти мне...

Тот уволил отца. А директор Юлий Иваныч узнал об этом и удивился:

— Такого рабочего увольнять? Да он деньги у нас

возит — никогда ни копейки не пропадает. И товар у него не пропадал никогда. Разве можно увольнять такого надежного человека?

Урядник видит, что прижать отца не удалось, давай ко мне придираться.

Этот урядник любил приставать к девчатам. Зазывал их к себе мыть пол, а сам свое дело над ними делал. Вот он узнал, с кем я гуляю, и назначил эту Анфису мыть пол у себя в квартире:

— Нынче ко мне в такое-то время мыть пол приходи. У меня жена заболела.

А я своей Анфисе сказал:

— Не ходи к нему, а то замуж не возьму тебя, да еще и поколочу!

Она не пошла. Девки ему это передали. Он вызвал Анфису в контору, сказал мастеру, ее тут же уволили.

Вот каким господином был тогда урядник на фабрике!

Уряднику было тогда легко узнать, с кем я гуляю. Бывало, в десять часов вечера урядник и хожалый Филипп ходят по двору и по спальням, глядят, чтобы все ложились спать. А парни с девчатами как раз тут по уголочкам сидят, милуются. Чуть завидят урядника, бегут по уборным прятаться — барышня в свою уборную, малый — в свою. Пройдут те, они опять посидеть в уголках выходят. Урядник и приметил, что я часто сижу с Анфисой.

Вот добился он увольнения Анфисы, вызывает к себе меня:

— Ты что, вшивый чорт, мне препятствуешь? Я назначил ее, а ты не пустил?

Я не струсил:

— А потому, что я с ней гуляю и замуж хочу ее взять. Я знаю ведь, зачем ты звал ее!

— Смотри, вшивый чорт! Я тебя выведу на чистую воду. Узнаешь меня теперь...

И еще сильнее стал мстить. Как увидит, что я запоздал спать, сразу в контору тащит. А там насуёт мне, известное дело. Даже раньше десяти часов стал хватать. Одним словом, никак не давал гулять. Мстил.

Один раз в девять часов вечера шел я с ребятами по двору, песни пели. Навстречу урядник с хожалым идут, кричат:

— Разойдись! Спать пора!

Я и говорю:

— Время еще не вышло. Девять часов только.

Другие-то ребята молчали, а я сказал.

Урядник подходит ко мне, хватает меня за шею и нагибает. Я хриплю ему:

— Брось, удавишь!..

Урядник все сильнее сжимает. Я чувствую, что дышать уже становится нечем, поймал урядника за нежное место и стиснул. Тот сразу меня пустил. Я бежать хотел, но хожалый Филипп успел схватить меня за руку.

Повели меня в контору. Я не иду, ломаюсь. Урядник с хожалым толкают меня, пихают. Я ору во весь голос:

— Бросьте!

Отец мой Иван Павлыч услыхал из конюшни, что сын кричит. Спрашивает оттуда:

— Ты что орешь?

— Не видишь,— в контору тащат? Бить да отправлять в стан...

Отец из конюшни выскочил, подошел. Урядник и хожалый отпустили меня, жалуются:

— Вот, Иван Павлов, время спать, а он хулиганит...

Отец им ответил:

— Да время-то не вышло еще.

Так те и повернули ни с чем. А мы с отцом домой ушли.

На другой день урядник нажаловался заведующему фабрикой поляку Николаю Федорычу Дорнгейму, и меня оштрафовали на четвертак будто бы за то, что я нарушил порядок. Сами же затеяли, а с меня взяли штраф.

Урядник и после все приставал ко мне, ни за что меня штрафовал. Как иду я, бывало, часов в девять, урядник все ко мне придирается, гонит спать:

— Спать иди! Время вышло!

— Какое же время? Только девять часов!

— Ну, ну, не рассуждай! Опять четвертак съесть хочешь?

Нажалуется заведующему, тот еще четвертак залапает. Так четвертаками преследовали. Этого урядника боялись хуже чем чорта. Как идет он, обегали его, не показывались ему на глаза. Такой был суровый, гад!

Нашу семью он все не забывал и нам мстил. В 1908 году брат отца, а мой дядя, пришел с действительной службы и хотел поступить на фабрику Иокиша. Урядник устроил так, что дядю не приняли.

К этому времени народ опять стал смелеть. В ткацком цехе тогда работал Иван Сергеевич Разоренов — «Татаркин». С ним дружил один новый ткач, недавно поступивший на фабрику, рослый, красивый малый, по прозванью Фомич. Эти люди были главарями всех недовольных. Зайдут, бывало, в уборную и уговаривают рабочих:

— Надо просить, чтобы расценки прибавили. Ты вот холост — тебе еще подходяще, а каково семейным ткачам? Надо настаивать, чтобы расценки сделали больше!

Намекали, что в крайнем случае следует объявить забастовку.

В то время на фабрике снова появились кружки.

Однажды я полез на чердак и наткнулся на собранье кружка. Сидело человек восемь рабочих-прессовщиков. Огонек у них там горел, свечка ли, две ли. Не старые все ребята сидели, лет по тридцати, тридцати пяти. Как только они увидели, что идут посторонние, огонек задули и закричали:

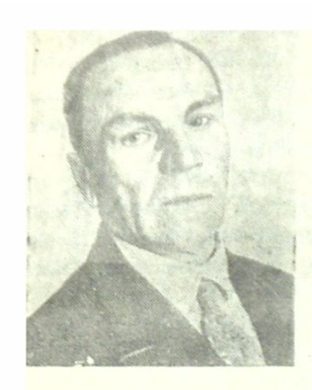
— Уходите отсюда!

Я успел заметить среди них прессовщика Балышева, Леньки Балышева отца. Рядом с этим чердаком помещалась тогда спальня прессовщиков. Я затаился в темном углу и ждал, что будет дальше.

Вскоре я увидел, как люди с чердака осторожно переходили в спальню прессовщиков. Я узнал из них еще двух — Карпушку Бунина и «Налима».

На другой день молодежь нашла на этом чердаке много революционных листовок.

☆ ☆ ☆

БАШКИРОВ Карп Михайлович

Я поступил на фабрику Иокиша в 1904 году. Брат мой работал тут чистильщиком и старался меня определить с собой. Он два месяца обивал пороги у мастера, и мастер все-таки отказался меня принять. Тогда брат стал просить кучера, который обслуживал этого мастера. Кучер устроил так, что мастер согласился принять меня на работу.

За это мне пришлось проработать первый месяц на угощение кучера и еще два месяца на угощение тех старых рабочих, с которыми я работал.

Помню, вошел я первый раз в корпус и испугался: как же, думаю, в таком ужасном месте работать?

Воздух спертый, душный. От парового двигателя идет страшный гул. Газовый свет чуть теплится. Окошечки маленькие. Просто не рабочее помещение, а тюрьма.

Вентиляции на производстве у Иокиша не было, ограждения машин тоже не было. Рабочие часто попадали в машины и становились калеками на всю жизнь. Однажды в аппаратном отделе замотало чистильщика на шкив. Он упал на пол мертвый с разбитым черепом. Другому чистильщику смяло барабаном все тело, и он тоже умер.

Иокиши не интересовались техникой безопасности на производстве. Они смотрели на рабочих, как на рабов.

В общежитиях была грязь, коридоры полны дыма, от уборных несло нестерпимой вонью. Рабочие жили с семьями по двенадцать человек в восьмиметровых каморках, а бездетный директор-полухозяин Юлий Иванович Беренгоф один занимал огромный прекрасный дом.

В 1906 году мы, молодежь, однажды собрались группой и составили стишок про ионишевскую фабрику. Взяли с собой гармошку и пошли в Петровское кататься на каруселях. Один играет на гармошке, а другие распевают стишок.

Стали уходить из Петровского обратно на фабрику, видим, городовых кругом нет, и решили:

— Давайте споем «Марсельезу».

Только мы запели — свисток. Бегут за нами урядник и трое городовых. Мы от них в лес. Они — стрелять из наганов. Ни в кого из нас не попали, догнать нас не смогли.

Утром приезжает на фабрику пристав и учиняет нам допрос. Мы ни в чем не сознались. Все-таки, по предложению урядника, я был уволен с фабрики и стал безработным.

☆ ☆ ☆

БАИКОВ Александр Васильевич

В 1906 году мы получали прокламации из сельскохозяйственной академии.

Студенты приносили нам прокламации на маевки в лесу за прудом. Забастовка была тогда прикончена, но мы стали на маевки ходить. Собиралось нас в лесу человек по сорок.

Придут к нам двое-трое студентов, расскажут, как организуются во всей России рабочие для борьбы с царизмом и капиталом, укажут, что нам делать.

Сидели и говорили тихо. Расходились осторожно: кто через парк, кто через фабрику.

Прокламации мы приносили на производство. Были у нас верные мальчики лет четырнадцати-пятнадцати, которые ходили за пряжей. Раздашь им прокламации перед сменой — они их рассуют. Где в шерсть, где в ящик с утком. Раскопают уток в ящике, наложат бумажек и сверху опять засыплют.

Ткачи потом увидят, развертывают, читают. Вместе со мной раздавали листовки мальчикам сновальщик Кузнецов и бердовщик Спиридонов.

Помню, раз летом в восемь часов утра мальчик Волков во время смены бросил с чердака в слуховое окошко целый пук прокламаций, штук полтораста-двести.

Тогда ведь во время смены все шли толпой мимо корпуса, забора-то не было.

Вот Волков в красной рубашке вылез всем туловищем из слухового окошка и выбросил в толпу прокламации. Они разлетелись дождем, рабочие их подбирали и уносили.

А напротив была сторожка. Сторожа как раз пили чай и заприметили Волкова. По рубашке и узнали его.

Будь на месте его взрослый, так сам бы из окна не высовывался, а привязал бы прокламация к палке и так выбросил бы. А мальчик не догадался.

Недели через полторы арестовали его, и до осени он просидел в жандармском. Сразу после происшествия прискакал сюда пристав:

— Почему у вас, дескать, это произошло? Зачем пускаете людей на чердак ходить?

А у нас на чердаке была пряжная кладовая. Я тогда кладовой заведывал. Отвечаю:

— Как же мне не пускать его, раз он должен ходить за пряжей для сновальной?

Ну, тут пристав с меня протокол снял. С Кузнецова и Спиридонова тоже снял по протоколу. Прошло месяца три. Я про этот протокол и забыл. Вдруг повестки из жандармского управления — явиться мне, Кузнецову и Спиридонову.

Мы давай припоминать, что говорили приставу. А то, чуть запутаешься, тоже сядешь.

Пришли мы на Пречистенский бульвар в управление. Жандармов восемь сидело за столом, нас допрашивало. Все допытывались, кто же из взрослых поручил ему сделать такую штуку.

А мы говорили одно:

— Ничего не знаем. Мальчик хороший, смирный. Ни в чем плохом не замечен.

И мальчик из нас никого не выдал. Уж мы надеялись на них, на своих мальчиков. Зряшных не подбирали.

Хоть с нас и протоколы порознь снимали, и жандармы нас тоже порознь допрашивали, а все же никто не сбился.

Дня через четыре Волкова отпустили, и он опять поступил на фабрику на свое же место. Поработал до пасхи, а потом ушел в деревню и там остался. Знал уж, что после пасхи в новый набор рабочих его на фабрику не примут за это дело.

☆ ☆ ☆

ТИТОВА Татьяна Степановна

В 1909 году летом к Иокишу поступил мой муж — молодой ткач Яков Николаич Титов. Отец его тоже работал раньше у Иокиша и умер, когда Титову было только четыре года. Яков Титов с матерью жил на родине, в селе Брыни, Жиздринского уезда, Калужской губернии до тринадцати лет. В Брынях была раньше суконная фабрика помещицы графини Толстой. Фабрика эта сгорела лет полсотни тому назад. Многие рабочие этой фабрики двинулись на заработок в Москву. Яков Титов тринадцатилетним мальчиком поступил работать шпульником на фабрику Досужева на Канаве. Вскоре он перешел подручным к своей матери, которая работала ткачихой на той же фабрике. Работал так до 1905 года. За участие в забастовке пятнадцатилетнего Якова занесли в черную кни-

гу и уволили с фабрики. Наделать-то он там ничего не мог по молодости, а просто ходил по собраниям, рот разевал на все, ну, его и уволили. Он поступил ткачом на фабрику Котова в Даниловке, а мать его все работала у Досужева...

В 1908 году к пасхе мать с сыном приехали домой в Брыни. Там Якова Титова сосватали за меня, дочь сапожника. Ему, Якову, было восемнадцать лет, мне семнадцать. Тут же через два дня после свадьбы мы с сумками за плечами отправились на заработки в Москву. Приехали на фабрику Котова, где жил муж, спали сначала между коек в мужской спальне. Муж работал ткачом, я — погонщицей. Через месяц я перешла к свекрови на фабрику Досужева учиться работать с ней за одним станком.

В марте 1909 года у меня родился ребенок. Я поехала с ним в деревню, хотела пожить дома. Но скоро свекровь прислала письмо, что из-за ребенка можно потерять место. Пришлось ребенка оставить в деревне, самой уехать. Ребенок умер. Тогда я твердо сказала мужу:

— Я с тобой разойдусь и поступлю в прислуги.

Месяцев шесть мы жили врозь. Я жила при фабрике Досужева у свекрови.

Яков Титов слыхал, что у Иокиша семейным дают каморки. Он поступил ткачом на фабрику Иокиша на суконный станок. У него там работало семеро родственников — дяди, двоюродные братья, еще кто-то. Они сумели его устроить туда же.

Титов жил в общей спальне при фабрике Иокиша, а я попрежнему у свекрови. Встречались в три-четыре месяца один раз. Муж сердится, что я долго не еду, а свекровь не дает мне денег на паровичок. Тогда от Бутырской заставы до Петровско-Разумовского бегал паровичок. Проезд на нем стоил двадцать копеек.

У меня уже другая беременность началась. Муж выпросил у мастера Юлия Карлыча принять меня сюда ткачихой. День я работала, вечером до двенадцати часов ночи сидела в мужской спальне у мужа, а потом мы с Яковом шли спать в истопную, где топился нефтью котел. Проснемся — носы не проковыряем никак, все закопти-

лось. Ночью то и дело вскакиваем — не проспать бы начала смены. Истопная была в подвале, гудка не слышно. Только мы двое да истопник ночевали там. Месяца тричетыре спали там, всю зиму. А раньше, до истопной, пока было не очень холодно, до зимнего Николы, спали в шалашике на задворках.

В марте 1910 года, накануне моих вторых родов, мы получили половину каморки. Наши «каморошные» — Петр Смирнов с женой и ребенком — были люди спокойные, но не любили жары. Как станет им жарко, они форточку потихоньку откроют. У нас то и дело простужался грудной ребенок.

Мы жили рядом со Смирновой — «баронихой». В одном коридоре помещалось сто двадцать комнат. Из комнаты в комнату все слыхать. Если уж задерутся в одной каморке, так всю ночь не дадут никому покоя.

Как только мы немного познакомились с фабрикой Иокиша, так повели революционную работу среди ткачей.

Сначала читали подпольную литературу самым надежным своим товарищам. Людей тут надо было подбирать осмотрительно — недаром фабрика считалась «божьей». Как будто и человек хороший, и уважает тебя, и денег дает взаймы, а чуть что — сразу предаст.

С 1911 года начал организовываться в Москве подпольный профессиональный союз суконщиков. Титов, Горбунов ездили на подпольные собрания в Москву. Место собрания каждый раз назначалось новое. Полиция разгоняла эти собрания, одних рабочих арестовывала, другие во-время разбегались, а все-таки вскоре союз собирался в другом месте. Мы пробовали организовать отделение союза на фабрике Иокиша, но до 1912 года из этих попыток толку не выходило.

Правда, в 1911 году ткачи выдвинули ряд требований к хозяевам, предъявили эти требования директору Беренгофу, и заработок немного повысился. Большевистская фракция социал-демократической партии, видимо, наблюдала из Москвы за настроением рабочих фабрики Иокиша, и вскоре на фабрику прибыл профессиональный революционер-большевик «Леонид».

Отец его был ткацким мастером в Иваново-Вознесенске. Фамилии Леонида я не запомнила. Леонид, молодой парень, поступил сначала на трепальную машину.

С этого времени на фабрике началась широкая политическая подготовка рабочих. Стала организовываться больничная касса, начали получать литературу от большевистской фракции Государственной думы из Петербурга. Литература хранилась в нашей комнате, потому что Леонид жил в общей спальне. У нас же иногда собирался подпольный актив фабрики — Сергей Иваныч Горбунов, Иван Михайлыч Зажилов, по кличке «Бяшкин», Егор Тарасов, Ванюша Морозов, Степка Морозов. Тут чаще всего обсуждались вопросы о забастовке.

В 1913 году подпольной группе удалось организовать трехдневную забастовку на экономической почве.

Требования выдвинул ткацкий отдел, зачинщиками дела были ткачи. Выбрали делегацию: Титова, Егорова, Зажилова, Максимова, красильщика Горбунова. Пришли с требованиями к Беренгофу. Беренгоф делегатам ответил так:

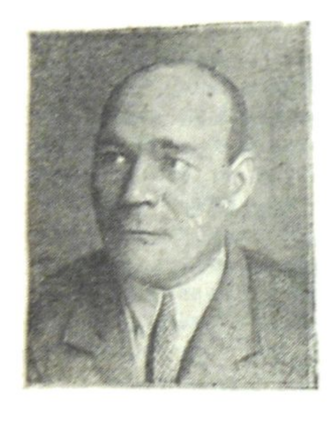
— Мы ничего не можем сделать. Вы знаете, что у нас есть объединение хозяев, в котором не мы одни, а многие фабриканты. Мы бы не погнались за этой копейкой, но не можем ничего сделать при всем желании.

Фабрика три дня не работала. Были пригнаны казаки. Всех, кто кучками собирался, казаки разгоняли.

К вечеру третьего дня старички волноваться стали, начали звать организаторов забастовки смутьянами.

Фабрика дала свисток на работу. Старички пошли на фабрику по задворкам, прямо-то итти было стыдно. Кругом бани обойдут, постоят-постоят, прошмыгнут на фабрику. С вечера-то мало пошло народу, а как утром дали свисток, поперли валом. Остались мы, главари одни, «забастовщики», как нас звали. Беренгоф вызывал нас несколько раз, обещал, что хозяева не будут никого трогать. Пришлось и забастовщикам пойти на работу. Как оплеванные возвратились на фабрику.

☆ ☆ ☆

СМИРНОВ (ДЮК) Федор Степанович

В 1913 году, перед забастовкой на фабрике Иокиша, приходит ко мне Леонид с товарищем:

— Забастовка назревает у нас!

Помню, мы втроем составили требования. В их числе было требование восьмичасового рабочего дня. Когда рабочие предъявили хозяевам эти требования и их увидал участковый фабричный инспектор, то он очень был удивлен:

— Чорт их знает! Откуда-то социал-демократы тут у них появились.

Я родился в 1890 году в Кинешме. Отец и мать работали ткачами на местной фабрике Тымка.

Сам я тоже, когда подрос, поступил туда же в ткачи и проработал там до 1910 года. В 1908 году вступил в Российскую социал-демократическую рабочую партию, примкнул к большевикам.

В 1910 году я был членом областной партийной конференции, которая состоялась за Волгой, у нас же в Кинешме. В связи с конференцией меня вскоре арестовали. По делу о конференции с 1910 по 1913 год я находился в тюрьме и в ссылке в Вологодской губернии. По отбытии ссылки мне нельзя было возвратиться в родной город. Я направился в соседний город Шую и приехал в самый разгар работы по организации больничной кассы. Конечно,

я сразу же принял в этом деле участие и быстро был выслежен жандармерией. Надо было скорее выехать.

Шуйская организация нашей партии отправила в Москву меня и Леонида Седова, которому тоже грозил арест.

Приехали в Москву и поступили работать. Это было в 1913 году. Я нанялся чернорабочим при станции Лихоборы Окружной железной дороги, а Леонид Седов устроился на фабрику Иокиша.

Мы с Леонидом сняли хижинку в одно окно близ трактира «Ветерок» у купца-домовладельца Жадаева.

Там, где теперь трамвай № 12 поворачивает на круг, есть каменный дом с магазином орса станции Лихоборы. К дому прильнула маленькая избушка. Вот в этой избушке мы и жили. В ней же собирался и революционный кружок рабочих фабрики Иокиша. Кружком руководил я, а главным организатором на фабрике был Седов.

Народу сходилось к нам человек десять. Фамилий, к сожалению, я не помню. Был один рабочий механического цеха, кажется, токарь. Был маленький хлопец по фамилии как будто Степанов. Яков Титов, муж Татьяны Степановны тоже, видно, часто бывал. Она от него об этом слышала и Леонида помнит.

Кружок наш возник и разросся быстро, потому что почва для революционной работы на фабрике Иокиша была подходящая. Рабочие жили в скотских условиях, зарплату получали мизерную.

Сначала Седов завел себе на фабрике дружков да приятелей. Парень он был молодой, веселый, ростом крупный такой. Приходит как-то после работы с двумя товарищами. Сели они. Пошел у нас разговор. Я спрашиваю ребят:

— Слыхали про дело Бейлиса?

— Не слыхивали... А кто он такой есть?

Я объяснил им сущность процесса Бейлиса, кем, почему и для чего он затеян, какая борьба развернулась вокруг него.

Рабочие с интересом слушали. Потом разговор перешел на их жизнь, на фабричные унизительные порядки. Их очень тогда возмущали штрафы.

Я рассказывал, какими путями надо бороться со штрафованием: стачками, организацией профсоюза или, как тогда называли, «профессионального общества».

Ушли эти ребята. Мы с Седовым радовались, что начали дело. Почва для работы отличная, знакомства уже есть.

В другой раз привел он троих других иокишевских фабричных. Я опять зацепил их на процессе Бейлиса, так как много тогда было разговоров об этом деле. И опять перевел беседу на порядки их предприятия. Тоже слушали со вниманием.

Потом в одиночку ко мне стали ходить беседовать. Я принимал их под видом заказчиков. Ведь я, помимо ткацкой своей профессии, знаю еще сапожное ремесло. Вот сидишь в своем фартуке, молоточком постукиваешь, а сам исподволь ведешь большевистскую агитацию.

Мой товарищ Седов агитировал в цехах и по спальням. Его уже знали на фабрике революционно настроенные рабочие, и влияние большевистского слова на «божьей» фабрике все росло.

Месяца через два после первых бесед у нас оформился уже постоянный кружок. Это была зима 1913—1914 года.

Через профессиональный союз текстильщиков, находившийся на Даниловке, мы к тому времени как будто нащупали социал-демократическое подполье Москвы. Седов и еще один товарищ с фабрики Йокиша ездили в союз и просили прислать к нам представителя. Там обещали, но представитель не приехал, почему — я не знаю.

Зимой собираться в такой крошечной комнатке, как у нас, было трудно, и работа кружка сводилась больше к мелким групповым собеседованиям. Зато с весны 1914 года кружок повеселел и ожил.

Собираться стали в полном составе. Обсуждали и общеполитические события и местные фабричные нужды. Члены кружка отчитывались в агитационно-пропагандистской работе, которую каждый из них по заданию кружка вел в цехах. Освещали настроения рабочей массы на фабрике. Кружок выписывал большевистскую «Правду».

Здесь в Москве тогда было отделение «Правды», которая выходила под разными названиями. Закроют «Правду», выйдет «Наша правда» и так далее.

Наши ребята писали в нее заметки о фабрике, я эти заметки просматривал, потом авторы отвозили их в редакцию. Не помню, напечатала «Правда» эти заметки или нет.

Читали мы всем кружком журнал «Просвещение». Обсуждали свое отношение к ликвидаторству, какой вред рабочему движению приносит позиция ликвидаторов.

Помню, что эти вопросы вызывали огромнейший интерес. Каждое слово ловили. А выступали с возбуждением, горячо.

Настроение было настолько боевое, что когда один из ребят пришел раз на кружок «под мухой», то его сразу же исключили из состава кружка.

— Раз, мол, такое серьезное дело делаем, то не смей вести себя несерьезно...

Однажды, я помню, служил нам темой приезд Николая II в Москву.

На время проезда царя по Окружной дороге с Николаевского вокзала на Александровский полиция запечатала у нас в Лихоборах все чердаки, которые выходили окнами на Окружную дорогу. Запечатали такой чердак и в одном из домов моего хозяина, в небольшом черноватом особняке. А я за свою хибарку выполнял у хозяина дворницкие обязанности. Вот он и поручил мне кстати стеречь печать на том чердаке, мимо окон которого должен проехать царь.

Когда я на кружке рассказал эту штуку, сначала все рассмеялись:

— Вот какие «верные» слуги у царя, знал бы он!

А потом кое-кто и поговаривать начал:

— А нельзя ли в самом деле чего-нибудь сделать с поездом?

Видно, они не совсем еще вникли в суть ленинского учения. Ну, мне тут пришлось рассказать, почему большевики против индивидуального террора.

Вскоре вспыхнула империалистическая война, большин-

ство членов кружка было взято в солдаты, и кружок перестал существовать.

Но оставшиеся на фабрике члены кружка не теряли связи друг с другом и потихоньку продолжали вести работу.

В 1915 году летом, во время немецких погромов в Москве, явилась в Петровскую академию толпа погромщиков. Она надеялась на помощь рабочих фабрики Иокиша, чтобы разгромить академию как «немецкое» учреждение.

Толпа гудела у остановки паровичка и всячески старалась заразить погромными настроениями иокишевских рабочих, которых подходило все больше и больше.

Мы, члены кружка, замешались в общей массе людей и агитировали против погрома. Рабочие к нашим словам прислушивались. Мы говорили им:

— Почему немцев бить надо? У немцев тоже есть и буржуи и пролетарии.

— Это обман, что надо громить немцев!

Кто-то из погромщиков, услышав мою реплику, закричал:

— Тут подкупленный немцами среди нас!

Но товарищи мои меня отстояли:

— Он не немец. Он такой же рабочий-труженик. А некоторые из вас — ослепленные!

Мы осторожно выбрались из толпы, и вместе с нами отошло много иокишевских рабочих.

Погром все же состоялся, но не таких размеров, как хотели его организаторы. Рабочие нашей фабрики не примкнули к погромщикам.

Я уехал из Михалкова осенью 1915 года. Удалось найти связи и устроиться работать в Москве экспедитором в Московском союзе потребительских обществ. По линии партийной я работал в профессиональном союзе коммерческих служащих. И так до Октября.

☆ ☆ ☆

ТИТОВА Татьяна Степановна

В 1913 году, когда умер Александр Васильевич Иокиш, последний сын Василия Ивановича, Беренгоф стал главным акционером фабрики, а директором Ципсер.

Ципсер был племянником Иокиша, вырос на этой фабрике, а потом проучился много лет за границей и вернулся сюда использовать свои знания. Очень умную политику он повел.

Он знал, например, что Титов был главным организатором забастовки и пользуется влиянием среди рабочих. Титов в то время работал на ткацком станке.

Вот Ципсер подходит как-то к его станку и начинает уговаривать Титова итти работать в контору. Титов сказал мне об этом. Я посоветовала ему согласиться:

— Ну, что же, ступай, договорись. Конторское дело тоже нам пригодится когда-нибудь. Только пусть разрешит мне одной работать больше часов.

Мы, муж и жена, работали тогда вдвоем на одном станке.

Ципсер на это условие согласился:

— Ты, Яков Николаич, пойдешь пока на 20 рублей в контору. Потом мы тебе прибавим. А жена твоя пусть на станке останется. Может работать неограниченные часы. Сбегает, ребенка покормит, и опять пусть работает.

Яков Николаич Титов стал работать в конторе ткацкого цеха с Александром Васильевичем Байковым.

А Ципсер продолжал свою политику дальше.

Однажды в воскресенье он прошел все жилые корпуса от первого до последнего. У каждой каморки он открывал дверь, здоровался с рабочими, смотрел, кто как живет. Потом Ципсер отменил «барщину», услуги мастерам на дому. В глазах многих рабочих он сделался чем-то вроде освободителя. На самом же деле он только переводил фабрику на европейские методы эксплоатации.

Ципсер любил, чтобы все проходило через его руки. Он не давал отпуска ни одному рабочему, если этот рабочий не побывает у него. Ципсер всегда требовал:

— Принеси и покажи мне письмо, для чего тебя вызывают домой.

А когда при этом оказывалось, что у рабочего случилось что-нибудь важное и ехать ему действительно нужно, то Ципсер не только разрешал ему отпуск, но и давал рублей двадцать на поездку домой.

Так он старался «купить» рабочих.

Ципсер завел на работе строгий порядок. До него были такие нравы. Скажем, работают-работают до одури ткачи, и вздумали выпить. Посылают кого-нибудь с деньгами в казенку. Принесет тот полбутылочки, капусты, ребята оставляют станки, усаживаются в простенке и пьют. Потом опять работают.

С приходом Ципсера эти пьянки в корпусе прекратились. Он не разрешал их. Любил говорить с рабочим лицом к лицу, и боже упаси, если тот не то что пьяный, а даже только вином от него пахнет. Ципсер сразу говорил ему:

— Идите спать!

Это значит — иди домой, не будешь работать, дневной заработок потерян.

Ципсер вводил европейские методы работы на фабрике. Он требовал чистоты, аккуратности, своевременного прихода на работу. Сам появлялся уж обязательно рано. Если замечал, что кто-нибудь опаздывает, тому «по первое число» от него влетало.

Самое дело Ципсер понимал хорошо. Допустим, у ткача не ладится со станком, а Ципсер мимо идет. Ткач ему жалуется, он охотно выслушивает, снимает пиджак и лезет сам показать подмастеру, как наладить станок. У Ципсера был очень дипломатичный подход к рабочим, который не нравился служащим. Служащие Ципсера ненавидели и в конце концов выжили. Он проработал на фабрике полтора года, до начала войны.

И вот началась империалистическая война. Многих рабочих фабрики сразу же забрали в солдаты. Пошли мобилизации, бабы плакали. В 1914 году в солдаты взяли Терентия Данюкова, Башкирова, Краснощекова и других.

В 1915 году брали ратников ополчения второго раз-

ряда, кого нужно и кого не нужно. Когда забрали Титова, я в родильне была. Он приходит ко мне и рассказывает, что только-что встретил на лестнице заведующего фабрикой Дорнгейма. Дорнгейм с усмешкой сказал Титову:

— Если бы ты был более приличный парень, то не пошел бы воевать, а раз ведешь себя не так, как нужно, то должен на пушечное мясо пойти.

Титов ответил Дорнгейму:

— Ну, что ж, я и там уложу двоих таких, как ты!

Администрация старалась сплавить в солдаты нежелательных ей рабочих, а вместо них набирала новых людей. Фабрика работала на оборону, и из деревни на эту фабрику перли кто только мог — спасаться от фронта. Администраторы притесняли солдаток. Их с детьми выселяли из каморок, переводили в худшие помещения.

☆ ☆ ☆

КУДРЯШЕВА Елена Агафоновна

В 1916 году стало хуже с продовольствием. Появились очереди. Цены резко повысились. За маслом работницы ходили в село Всехсвятское. На присучалке в прядильном отделении работница получила в месяц без пятачка девять рублей при одиннадцатичасовом рабочем дне.

В 1916 году в июне на фабрике вспыхнула забастовка. Начали ее мы, присучальщицы. Мы несколько раз советовались с ткачами, как взяться за дело, с чем итти к хозяину, как просить, чтобы прибавили заработка.

Директором был тогда Иван Петрович Никитин. К нему направилась целая делегация: Таня Горбунова, Птицына, Корявина, Выросткова Мария и я.

Пришли к директору. Он нас спрашивает:

— Чего же хотят рабочие?

— Надбавки просим. Плохо жить, трудно работать. Работаем много, а получаем мало.

— Ничего не набавим. Идите работайте!

Так и выгнал делегаток из кабинета. Мы стоим на лестнице и раздумываем:

— Как быть?

Я говорю:

— Вот что, девчата! Вы идите тихонько, скажите, чтобы остановили машины, а я сбегаю, посоветуюсь с товарищами, как дальше действовать.

Мне говорят:

— Оставайтесь на своем. К вечеру мы вам поможем.

Вернулась я в цех, а там уже все машины остановились, работницы во двор вышли. Сторожа — дядю Николая с ног сшибли. Стоим во дворе, всего человек с сотню. Вдруг ворота открываются, во двор въезжают черкесы с плетками. Офицер приказывает работницам:

— Марш на фабрику!

А мы бегом около проходной да к себе домой. Так и разбежались. Не попало никому ничего.

Прибежали домой — что же дальше делать? Никто ничего не знает.

А к вечеру остановилась вся фабрика. Никто не пошел работать. Бастовали семь дней. Вечером на седьмой день, как ни разгоняли черкесы все сборища, собрался на «Хиве» общий митинг. «Хивой» называлась мужская спальня. Разорёнов был грамотнее всех, протокол писал. Выбрали делегацию, чтобы ходатайствовала за рабочих перед начальством. Делегатами выбрали: меня, Таню Птицыну, Тимошку хромого и Павла Иваныча очкастого.

Тогда было все на военном положении, и начальство было военное. Рабочие собрали между собою денег, чтобы делегация могла поехать в Москву.

Вот мы, делегаты, приехали на Солянку в красивый большой дом. Лезли, лезли по лестнице, видим — написано на дверях: «Генерал Чердынцев». Отворяется дверь, и впускают одних девушек, мужчин оставляют пока на лестнице. Я и Таня вошли в кабинет к начальству. Нам подали стулья, усадили, начинают расспрашивать, в чем дело. Генерал за столом сидит старый, страшный, прямо на Мурзика, на собаку похож. А около него офицеры натянутые стоят.

У нас с собою были расчетные книжки, мы предъявили их. Еще предъявили генералу бумагу — прошение от рабочего митинга. Генерал все прочел, посмотрел на нас и осклабился:

— Вы, молодые, красивые, можете себе очень много заработать, если желаете...

Офицеры при этих словах заржали.

Что было тут нам делать? Крикнуть на генерала боялись. Я спрашиваю:

— Почему не пустили с нами сюда мужчин?

— А они нам не нужны. Ну, ладно, идите работать, мы вам жалованья прибавим. Только пустите фабрику, а то мы в другой раз вас отсюда уж не выпустим.

Мы забрали свои книжечки и пошли.

Такой результат поездки мы сообщили объединенному митингу всех цехов. Рабочие решили продолжать бастовать, пока не будет прибавки. Этот митинг был разогнан, а утром администрация разочла всех рабочих. И деревенские и здешние получили расчет, разбрелись кто куда. Тогда администрация объявила новый набор рабочих. Бывших делегатов на фабрику работать не приняли. Меня директор распорядился не подпускать к фабричным воротам. Я скиталась по родственникам, жила у материной племянницы, работала в школе кройки на оборону.

Администрация отыгралась на всех, кто когда-либо был зачинщиком забастовок. Выбросили Сергея Иваныча Горбунова, несмотря на его шестьдесят лет, выбросили Кириллова, Белоусова, Щикатурова Михаила.

Многих повыбрасывали куда попало.

А на фронтах в это время гибли наши мужья, братья, сыновья, друзья, товарищи.

☆ ☆ ☆

КРАСНОЩЕКОВ Иван Алексеевич

Мои отец и мать переселились сюда в 1871 году, когда мне было девять месяцев. Мать была прядильщицей,

отец — слесарем в механическом цехе. Потом его поставили слесарем в аппаратный отдел.

Отец мой работал вместе с отцом Тришкиной — Степаном Николаевичем Пулиным, вместе с отцом Ивана Лукьянова Василием. А я до девяти лет только баловался. Потом проучился в здешней школе четыре года и поступил работать сюда на фабрику присучальщиком.

Присучка — это первая «гимназия» была для всех нас.

Оттуда меня перевели в ткацкий цех. Года два мотал шпули. Потом годов сорок работал за ткацким станком.

Жил здесь, ходил гулять в Коптево. Познакомился там с крестьянской девушкой и женился. Из сорока-то лет годов двадцать пять вместе с ней проработали на одном станке.

Сын мой погиб девятнадцати лет в Карпатах в 1914 году. Во время войны он работал в Питере на заводе. Тогда был приказ, кто не будет слушаться мастера, того прямо на фронт. Стал сын что-то мастеру говорить, а тот обругал его. Сын ему отвечает:

— Что ты мне показываешь? Я и сам это знаю.

Мастер рассердился еще сильнее:

— Я тебя на войну погоню!

А сын обиделся:

— Гони. Чорт с тобой!

Вдруг получаем мы от сына письмо:

— Встречайте меня. Еду служить. Выходите на станцию Лихоборы в такой-то час.

Мы с матерью растерялись, глаза на лоб полезли от горя, не знаем, что делать.

Прибежали в назначенный час на станцию, а он там в шинели, в папахе, одели уже по форме. Тысячи полторы их тут сразу пригнали. Попрощались мы с ним, да только и виделись...

Служил он на фронте восемь месяцев. Потом их в карпатское наступление направили. Присылает он нам письмо, что раненый. И больше ни весточки.

Посылали мы посылки ему. Кто-то их получал, а кто — неизвестно.

ГЛАВА 4

Революция и борьба с разрухой

КРЫНКИН Василий Петрович

Когда началась февральская революция и пошли разговоры, что царь Николай свергнут, у нас на фабрике многие не поверили:

— Кто ж его смеет сверзить? Небось так, пустяки болтают...

На другой день — бац! — газету несут:

— Нет царя! Временное правительство у нас правит!

А Керенский-то оказался тоже за войну, как и царь. Заботится о капиталах буржуйских. Надрывается, кричит:

— Товарищи! Не бросайте биться! Немного уж нам осталось. Вот победим германца, тогда хорошо жить будем.

А народ ему в ответ свое:

— Долой войну! Бросай оружие! Идем в Россию, домой. Не хотим больше драться за вас!

Он убеждать пуще:

— Товарищи! Хуже будет!

А ему:

— Нет, довольно уж! Ну вас к чорту. Долой войну! Натерпелись.

Так и не послушали его, потекли с фронта домой:

— Мы, мол, за большевиков! Не нужна нам ваша война. А препятствуешь нам — получай по шапке.

☆ ☆ ☆

ТИТОВА Татьяна Степановна

Помню, я должна была заступить на смену после обеда. Вдруг прибегает кто-то в корпус, кричит:

— Царя свергли! Фабрика останавливается!

Все высыпали на улицу и из фабрики и из спален. Собрались большой толпой:

— Давай на демонстрацию!

— У кого красный флаг есть?

Ни у кого нет.

Я вспомнила, что у меня есть красная материна юбка, я покрывала этой юбкой сундук. Бегу обратно в каморку. Мать сердится:

— Чего ты радуешься? Не то еще будет!..

Я говорю:

— Ну, хуже не будет!

Сдернула с сундука эту юбку, подхватила три красных платка и опять вниз.

Мы прибили все это к палкам и пошли вокруг фабричного корпуса. Народ к нам стекался со всех сторон. Огромной толпой направились в город.

Там мы влились в организованную общую демонстрацию, побывали в самом центре — на Воскресенской площади, которая теперь называется площадью Революции. Обратно шли — подолы на руку вешали. Днем-то отте-

пель была, а к вечеру подморозило — хвосты-то у нас и обледенели...

... Муж мой в это время со своей частью стоял в Ташкенте. После мобилизации в 1915 году он попал сначала в Брянск, потом под Ташкент и, наконец, к февралю 1917 года в самый Ташкент.

Февральская революция застала нас такими, что мы еще мало политически смыслили, радовались только, что царь свергнут.

Но у меня, например, оставалось такое чувство, что дело еще не окончено. Я так и говорила товарищам, а они надо мной за это смеялись.

Ребят я отправила к своим старикам в деревню. Соседи меня спрашивали:

— Почему отправляешь детей в деревню?

Я отвечала им:

— Николая-то свергли, но не все еще в свои руки мы взяли. Будет еще дело.

Чутье мне подсказывало, что революция наполовину только сделана, а политического сознания у меня еще нехватало. Почему рабочим надо устанавливать свою власть, как это сделать, я еще толком не понимала. На фабрике в то время работали люди на оборону и боялись хозяев.

Наша революционная группа с началом войны рассыпалась — товарищей забрали в солдаты или выкинули с фабрики. Забастовка 1916 года возникла просто стихийно.

И вот к нам доходит весть о свержении царя Николая. Меня кое-кто спрашивал:

— Чему ты радуешься? Как же, дескать, без царя-батюшки жить будем?

Были у нас среди старых рабочих темные люди иокишевской закваски.

Я отвечала на их вопросы:

— Ничего! Своим рабочим разумом проживем. Не будет дармоедов на нашей шее.

После февральской революции на фабрике начал организовываться профессиональный союз и был выбран рабо-

чий комитет. Но масса туго раскачивалась, а руководителей грамотных у нас не было.

Тут сыграла некоторую роль группа солдатских жен.

Я уже говорила, что администрация фабрики во время войны начала притеснять солдаток. А ведь на фабрике жило триста пятьдесят семей призванных в солдаты рабочих, жены которых продолжали работать.

Вот для отпора нажиму фабричной администрации эти солдатки сорганизовались в крепкую сплоченную группу. Я была в этой группе за вожака. После февральской революции мы, солдатки, организовались открыто. Помню, как однажды в кухне месячников собралось собранье кооперативное, а в ткацкой кухне — собранье солдаток.

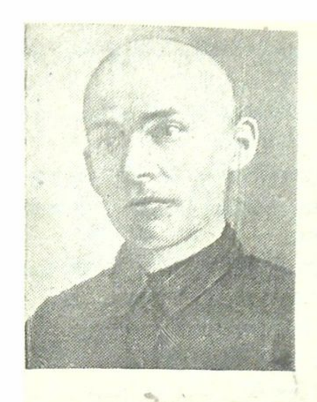
Так вот, когда у нас на фабрике надо было создавать рабочком, а никто не знал, с какого конца взяться за это дело, я от имени солдаток отправилась в Петровскую сельскохозяйственную академию и попросила помощи у студентов.

Прислали эсерку Терещенко. Она помогла нам оформить выборы в рабочком и решила, что мы ее отблагодарить обязаны. Она здесь выступила, ораторствовала, настаивала, чтобы мы выбрали ее в Московский совет. Даже дебоширить пыталась. Но мы ее сразу одернули и в совет выбирать не стали. Нам, солдаткам, не понравился эсеровский лозунг о продолжении войны до победы.

☆ ☆ ☆

КУДРЯШЕВ Иван Алексеевич

Мой отец все время работал у Иокиша, сначала ткачом, потом стригальщиком. Пока жива была мать, я жил в Брынях, работал на чугунолитейном заводе Цыплякова и Лабунского в девяти верстах от села. В 1912 году я приехал в Москву к отцу и поступил на фабрику Иокиша. Работал шпульником и присучальщиком до 1914 года, потом работал два года на других предприятиях.

Кудряшев Иван Алексеевич.

В августе 1916 года меня взяли в армию. Сначала я попал в 82-й запасный полк во Владимире, потом меня отобрали в школу мастеров-оружейников в Ораниенбаум. После я служил опять во Владимире, затем в Харькове и, наконец, угодил в Москву, в мастерские авиационного склада на Ходынке, помощником моториста.

Однажды ночью нас разбудили и скомандовали:

— В ружье!

Командовал нами взводный, а возле него стоял какой-то студент. Студент сообщил, что царь Николай свергнут народом и мы сейчас пойдем разоружать жандармерию. Помню, как мы окружили жандармское общежитие и некоторые из нас вошли внутрь. Жандармы лежали по своим койкам, мы их застали врасплох, их было человек пятьдесят. Студент скомандовал им:

— Сдавайтесь!

Они некоторое время молчали. Он крикнул:

— Согласны или нет вы сдаваться?

Тогда они ответили:

— Сдаемся...

Нам было отдано приказание обыскать их и отобрать оружие. Мы обшарили сундучки, ящики и постели, набрали большую кучу револьверов и шашек. Мне пришлось выносить оружие из помещения на улицу. Я потихоньку

спрятал в карман одну обойму патронов от браунинга, но потом испугался и ее выбросил.

Оружие мы отвезли в арсенал. На этом кончилось мое участие в февральских событиях 1917 года.

Царя свергли, а мы служили попрежнему. Я все время сохранял связь с фабрикой Иокиша, видался с товарищами, прибегал погулять с девчатами.

Хотя в то время всюду шумели митинги и каждая партия старалась привлечь на свою сторону массы, но я был политически еще темен и не понимал, что к чему.

☆ ☆ ☆

ТИТОВА Татьяна Степановна

После выборов рабочкома мы, женщины, еще посмелели. Тут как раз администрация решила с нами сквитаться.

Дело было перед пасхой. Директор задумал остановить всю фабрику не на неделю, как обычно, а на целых полтора месяца под предлогом обязательного ремонта котельной. Нам это совсем не понравилось. Ведь с продовольствием тогда было туго, а мы получали от фабрики особые заборные книжки. Если, скажем, я зарабатываю в месяц рублей двенадцать, мне дают по этой книжке в кооперативной лавке продуктов рублей на десять. Два-три рубля я получаю в расчет на руки, а остальные деньги переводятся лавке в покрытие забранного товара.

Только рабочие и работницы фабрики получали такие книжки. Значит, нам в случае остановки фабрики на ремонт предстояло полтора месяца голодать. Мы тут задумались:

— Что делать? Чем будем жить?

Мужчины на поденку пойдут куда-нибудь, а у нас у всех ребятишки. Няньки у нас такие, которые сидят у тебя только в те часы, когда ты работаешь.

Вот мы устроили собрание солдаток, выдвинули свои

требования, записали их в протокол и отправились в Московский совет, в его солдатскую секцию.

Московский совет тогда был в руках меньшевиков и эсеров. Они нам говорят:

— Вы должны обращаться не в солдатскую секцию, а в рабочую. Идите по вашему вопросу в рабочую секцию толковать.

А мы отвечаем им:

— Товарищи! Вы тут должны разбираться. Работницы-то мы, это верно, но у нас ведь мужья на фронте. У других так получится, что муж пойдет на Окружную дорогу работать, жена дома останется. А мы куда без мужей денемся?

Они виляли-виляли, дня три все нас уговаривали. Мы им свое доказывали.

— Вы проверьте: правильно ли останавливают фабрику на ремонт или неправильно?

Требования тогда мы выдвинули такие:

> чтобы нам выдали кооперативные заборные книжки,
> чтобы выдали денег на посылки на фронт и пленным,
> чтобы двоих больных работниц — Волкову и Александрову — отправить в деревню.

Это все мы подгоняли к пасхе.

Директор видит — в кошелек к нему за деньгами лезут, а цыкнуть нельзя. И совет в это дело впутался. Директор потерял голову...

А мы собранье созвали в конторе, пригласили директора на это собранье, предъявили ему требования. Он помялся-помялся и все-таки был вынужден их удовлетворить.

Мы говорим тогда:

— Мы сами посылать деньги и посылки не будем. Мы все приготовим, переводы напишем, а вы уже посылайте. Чтобы не было никаких сомнений.

Но они и на этом попробовали спекульнуть. Сначала дня три волынили — не выдавали книжек. Все предлагали:

— Мы лучше дадим вам денег.

А мы отвечали:

— На что нам деньги? Книжки давайте.

Мы знали, что дадут они нам по десятке и до свиданья, фабрика! Больше ничего уже просить с них нельзя станет — окончательный расчет получили. А если книжки дадут, то с этими книжками мы после ремонта опять придем. Да и во время ремонта любую работу мы согласны были делать: чистить корпус, мыть полы, что угодно.

Мы этим хотели себя гарантировать от увольнения с фабрики.

Ну, все-таки книжки солдаткам дали. Тогда и рабочие себе тоже книжки потребовали:

— Почему солдаткам дали книжки, а нам нет?

Мы их натравливаем:

— Идите, просите... Что же, солдатки что ли будут для вас просить?

И всем выдали книжки.

А раз выдали книжки всем рабочим, то и фабрику останавливать стало незачем. Они, хозяева, думали просто временно законсервировать фабрику под видом основательного ремонта. Они хотели рабочих порассчитать, а потом набрать таких, которые им угодны. Кое-кого хотели они вытряхнуть.

Все это дело у администрации провалилось. Фабрика, как обычно, простояла недельку и снова была пущена. Мы стали опять работать. Но меня, как верховода солдаток, хозяйские прихвостни хотели все-таки опозорить.

Случай подвернулся им подходящий. Мой муж как раз приехал домой в отпуск. Ребятишки жили в деревне, муж хотел их повидать. Пришлось мне с мужем в деревню съездить.

И как только я уехала, все директорские подголоски давай кричать:

— Титова деньги получила за всех солдаток и увезла в деревню!

А мы и не получали на руки никаких денег. Мы только переводы писали. Тут была грамотная конторщица Таня Людик. Мы с ней у меня в комнате написали все переводы, передали их в контору, а швейцар из конторы схо-

дил на почту, их сдал. Враги наши хотели спекульнуть на этой истории и разбить сплоченность солдаток.

Я приезжаю — на меня бабы набрасываются, что я деньги общие увезла.

Я им говорю:

— Товарищи! Чем орать, надо раньше узнать толком. Подите и узнайте в конторе, получали мы деньги на руки или нет. Мы только переводы писали.

Дело это сразу выяснилось, и сплетни обо мне прекратились. Хозяйские прихвостни проиграли свою ставку, потому что солдатки принялись действовать еще дружней и напористей.

Вскоре Московский совет устроил собрание всех солдаток района в Народном доме на Долгоруковской улице. Стоял вопрос об улучшении положения семей призванных.

Мы, солдатки фабрики Иокиша, от себя внесли предложение об устройстве при фабриках, заводах и учреждениях детских садов и ясель.

Я выступила с этим предложением от наших солдаток, которых привела на собранье довольно много.

Вдруг после меня выступают какие-то женщины не нашего, не рабочего вида и высказываются против детских садов и ясель.

Наше предложение все-таки приняли. Меня выбрали делегаткой от солдаток района в секцию по установлению пособий семьям призванных. Тех женщин, которые выступали против моего предложения, тоже выбрали в эту секцию.

Начала я ходить в Московский совет. Волынка там была с этой работой. Нынче придешь — волынят, завтра придешь — волынят. Дела никакого не видно, а болтовни много. Наконец, у меня терпения нехватило. Ведь эти хождения мне не оплачивались, а дни рабочие я из-за них пропускала. Заработок упал, ребята начали голодать. Я бросила ходить в эту секцию.

Тут шире развернулась работа фабкома на нашей фабрике. Были тогда в фабкоме Захаров, Краснощеков, Лукашин и я, Титова. Фабком помещался в малюсенькой

комнатке под лестницей. Права у нас тогда были малые, мы и взяли такую малую комнатенку.

В то лето на нашу фабрику наезжало очень много представителей разных партий. Фабком устраивал митинги, на которых разъяснялись программы разных партий. После митингов мужчины долго между собою спорили, одни доказывали, что права эта партия, другие — что права та. А бабы говорили одно:

— Ну, не все ли равно, кто бы нами ни управлял. Лишь бы хлебом кормили.

До троицына дня я похаживала в Петровско-Разумовское в районную думу. А потом муж прислал мне как-то письмо, в котором писал так:

— Ты на очень скользком пути стоишь. Грамоты ты не знаешь, а ходишь каждый день на собрания в академию. Там не наши люди. Я был там раз на собрании и увидел это. Я тебе советую с этим делом не путаться до тех пор, пока не будешь различать, где свои люди, а где чужие. Лучше отстань пока.

Муж, когда приезжал в отпуск, мало меня видел. Я не сидела дома ни одного вечера, все бегала по собраниям. Но он мне ничего тогда не сказал. И вот прислал такое письмо.

Это меня очень задело. Подумаешь! Пока он там служит, я должна здесь жить одна и никуда не ходить? С этим я не могла согласиться.

А тут на помощь мужу пришла болезнь. Я сильно заболела и хворала целых два месяца. Это оторвало меня от всего.

И все-таки письмо мужа кое в чем на меня подействовало. До болезни, до троицына дня я стала внимательнее всматриваться в тех людей, которые выступали на заседаниях районной думы. Это были эсеры, они ко мне привыкли и перестали меня стесняться. Попадаться на их удочку я не имела намерения, а просто сидела, молчала, слушала.

Помню я восторженные эсеровские речи по поводу наступления на Варшаву 18 июня 1917 года, предпринятого по приказу Керенского. Тут мне стало совсем ясно,

что эсеры народ не наш. И говорили-то они не по-простому, не по-рабочему. Гомонят, гомонят, непонятно из-за чего.

Одно я очень хорошо поняла: что они ненавидят большевиков.

Помню, однажды они прорабатывали в районной думе письмо своего Центрального комитета. Там говорилось, что на перевыборах думы не надо отдавать большевикам ни одного голоса.

Я еще толком не понимала, кто такие большевики, но эсеры мне совсем перестали нравиться. Меня поражало противоречие между их словами и делами. А какова программа большевиков, я не знала.

И вот однажды стираю я белье в прачечной. Вдруг, слышу, во дворе заиграл оркестр. И я и другие женщины выскочили посмотреть, что там такое.

Глядим, посреди двора стоит грузовик, на нем оркестр и ораторы. Тут же возле грузовика собрался небольшой митинг. Выступил молодой такой складный парень с лохматыми рыжеватыми волосами.

Он объяснил, в чьих интересах затеяна и ведется империалистическая война, какую прибыль от войны получают капиталисты и как социал-предатели, меньшевики и эсеры, своими делами служат капиталистам. Он кончил свою речь словами:

— Долой войну!

Мы ему долго и дружно хлопали. Всем его речь понравилась, все были на его стороне.

У меня точно с глаз пелена свалилась. Теперь я хорошо поняла, почему эсеры так ненавидели большевистскую партию, которая разоблачала перед массами их предательскую лакейскую роль.

Мы, солдатки, после этого совсем осмелели. Мы решили продолжать свою борьбу за ясли и детский сад.

Надежда на Московский совет у нас вовсе исчезла. В секции помощи семьям призванных заправляли делами как раз те женщины, которые выступали в Народном доме против организации ясель и детсадов. Одна из них оказалась домашней портнихой какого-то большого чи-

новника, другая — экономкой булочника Филиппова. У обеих к тому же детей не было.

Мы направили свои взоры на фабрику. Кто-то из служащих проговорился нам, что старый Александр Васильевич Иокиш, умирая, распорядился положить в банк особый капитал в 80 тысяч рублей, проценты с которого он завещал использовать на улучшенье быта рабочих. Администрация помалкивала об этом распоряжении покойного Иокиша.

Вот за эти-то проценты мы и вступили в бой. Потребовали их на устройство детского сада и ясель.

Администрация решила нас напугать и отвадить от денег. Она подговорила некоторых старых рабочих, которые стояли поближе к мастерам и к директору. Те и повели против нас агитацию.

— Мы, мол, старики, зарабатывали своим горбом эти деньги, а солдатки хотят забрать их для ребятишек! Им всего мало. То кассу организовали, то на роды по пять рублей требовали, а теперь еще на полное содержание детей хотят получить...

Многие, не понимая, в чем дело, соглашались с этими шептунами. На фабрике поднялся против нас целый вой.

Созывается собранье для решения этого вопроса. Я опоздала к началу собрания, была в Московском совете.

Приезжаю, захожу в школу, где происходило собрание. Бабы мои, какие послабее были, из залы убежали, встречают меня при входе, рассказывают.

Я вхожу в залу, а там крик, гам:

— Им дали денег, они пленным послали, а теперь хотят все иокишевские капиталы на содержание ребят забрать!

— Это все солдатки, такие-сякие!

— Надо их всех собрать на плот, да пустить по пруду, пусть поплавают!

Меня ругают последними словами, заправила, — говорят, — я у солдаток.

Я беру слово и говорю:

— Что ж, товарищи, ведь я не для своих детей беру деньги, а для чужих. Мои дети в деревне, им ничего не

надо. Это делается для всех детей вообще. Ведь отцы у них сражаются на фронтах, а детей надо растить.

Тут языки у многих попридержались, начали выступать трезвее.

Прихожу домой — свекровь воет.

Я думала, что телеграмму она получила — мужа убили. А она обо мне воет. Тут бабы приходили к ней, наговорили:

— Твою Таню то-то и то-то. Топить хотят!

Я пришла, она причитает:

— Детка мой милый, Ванюшка! Какую ты взял жену себе непочетницу... Ты там головушку свою сложишь, а она и дома-то не бывает...

Увидала меня и давай ругаться. Я ей отвечаю одно:

— Хочешь — меня ругай, хочешь — нет, а все равно не остановишь меня. Ходила я и буду ходить.

Она говорит тогда:

— Смотри, как народ против тебя сердит.

А я ей:

— Народ еще темный, неразвитый. Поймет, не станет сердиться.

На этом дело у нас и кончилось. Процентов нам тогда не удалось получить. А я заболела и прохворала до самого октября.

Октябрь на фабрике прошел тихо. Мы слышали пушечные выстрелы, но ходить никто в Москву не ходил. Мы знали, что большевики дерутся с кадетами, и большинство рабочих фабрики желало победы большевикам. Но на фабрике тогда не существовало вооруженной красногвардейской организации, и в октябрьских боях нам принять участие не пришлось, хотя на выборах в думу рабочие нашей фабрики почти поголовно голосовали за пятый список.

Я лично разбиралась в этом деле еще не очень-то тонко, но во всем была согласна с большевиками. Если уж мы свергли царя, то должны свергнуть и капитал, взять в свои руки фабрики.

На похоронах жертв Октябрьской революции рабочие нашей фабрики участвовали почти в полном составе. До

Красной площади нам добраться не удалось. Мы были на Бауманской, где тоже хоронили людей, погибших за советскую власть, за рабочий класс.

Настроение рабочих нашей фабрики было бодрым, революционным. Правда, некоторые старички поговаривали свое:

— Где, мол, этим сиволапым научиться управлять государством. Кадеты не сумели, а наш брат и вовсе.

Но основная масса высмеивала таких ворчунов.

Вскоре после похорон жертв революции я уехала к своему мужу в Ташкент.

☆ ☆ ☆

КУДРЯШЕВ Иван Алексеевич

Я чувствовал, что временное правительство, меньшевики и эсеры ничего не дадут рабочим, но ясного революционного сознания у меня еще не было.

И вот я однажды встретился со старым своим товарищем Ваней Морозовым, который работал слесарем на заводе Дукс, а жил при фабрике Иокиша. Вся их семья жила здесь, и отец работал на здешней фабрике.

Иван меня спрашивает:

— Ты хочешь вступить в большевистскую партию?

— А что это за партия?

Он мне объяснил, кто такие большевики и за что они борются. Морозов сам был еще мало политически развит, но, работая на заводе, уже начал разбираться кое в чем. Мне по его объяснениям пришлась по душе большевистская партия, и я решил в нее вступить. Морозов потащил меня сразу в райком, рекомендовал по работе на фабрике, и меня приняли в партию. Сам Морозов вступил в партию еще в июне 1917 года, а я как раз в дни Октября. В тот же день нашу часть вызвали в бывший губернаторский дом на Тверской улице, где в то время уже помещался Московский совет рабочих, крестьянских

и солдатских депутатов. Там же находился и Военно-революционный комитет, руководивший восстанием. Мы получили по банке консервов на каждых двух человек, и нас отправили занять гимназию во втором переулке, направо от губернаторского дома. Когда мы вошли в дом, я увидел на столе раненого матроса с перевязанной головой. Мы добрались до самого верхнего этажа и открыли стрельбу из окон. В том же переулке, наискось от гимназии, одно из зданий было занято юнкерами. Мы обстреливали их, а они нас. Вдруг раздался оглушительный удар по карнизу гимназии. Юнкера пустили в действие бомбомет. А я решил, что нас обстреливают из орудий с Воробьевых гор. Сразу стало невесело. Я знал, что артиллерия на Воробьевых горах находится в руках у большевиков.

— Неужели наши сдали Воробьевы горы?..

Но оказалось, что это был всего-навсего бомбомет.

Вскоре мы услышали команду:

— Спускаться вниз!

Нас возвратили в губернаторский дом, а оттуда послали на ночевку. Когда мы шли по Тверской, то видели у Никитских ворот пожар. Нам сообщили, что это горит какое-то училище и что большевики победили по всей Москве.

Больше нас не вызывали для участия в боевых операциях. Вскоре меня демобилизовали, и я снова поступил на фабрику Иокиша, стал работать чистильщиком аппаратов.

В то время на фабрике партийной организации еще не было. Были отдельные большевики, к которым примкнул и я. Участие в октябрьских боях было для меня, так сказать, изучением политграмоты на практике. Я уже хорошо понимал, что между капиталистами и рабочими спор может разрешиться только оружием.

Вскоре фабрично-заводской комитет поручил мне организовать отряд Красной гвардии и утвердил меня его начальником.

Набралось у нас на фабрике красногвардейцев человек тридцать. Все это были молодые рабочие. Самому старшему — Пете Лукьянову — было лет двадцать пять.

Первое задание Красной гвардии, полученное нами, — отобрать оружие у всех служащих и администраторов — мы выполнили успешно. Обыскали приказчиков, мастеров, бухгалтера, управляющего, членов правления. Помню, отобрали револьверы у Масленникова и Башкина. У остальных оружия не нашли.

Вскоре после этого красногвардейские отряды района были сведены в один батальон. Нас поместили в гостинице «Черный лебедь» в Петровском парке. Оттуда нас посылали, куда нужно.

Близилось время отправки нашего батальона на фронт. Часть красногвардейцев сбежала. Одним из первых убежал предфабзавкома Захаров, убежал Алексей Горбунов и некоторые другие. Но лучшие, самые твердые ребята остались. Остались в батальоне Морозов, Выростков, Голубев, Кудряшев и еще многие.

В июле 1918 года мы влились в регулярную Красную армию.

☆ ☆ ☆

КРЫНКИН Василий Петрович

Свергли Керенского, поставили свою советскую власть с Владимиром Ильичем Лениным во главе. К этому перевороту тогда товарищ Сталин крепко приложил руку.

И уж походил я тогда на демонстрациях. Шагаем, песни поем. Сколько раз в самый центр ходили пешком.

— Пойдем с флагами в город?

— Пойдем!

Все с удовольствием собираемся и идем. Так и тянет показать, что рабочая сила за советскую власть стоит. С весельем ходили. Бывало, как остановка, — плясать. Я залезу посреди молодежи и вкалываю. А люди чужие, с улицы, глядят на меня, смеются:

— Чего он, старый чорт, вертится? Чему он рад?

А я еще пуще прежнего вваливаю, да шапку скину, да в присядку пойду, аж пот насквозь прошибет.

— Я, мол, знаю, отчего мне весело! Я властью своей советской доволен.

Другой раз ходим-ходим по городу, паровичок прозеваем и с песнями часа в два ночи домой идем.

Вот как мы тогда ходили на демонстрации, уважение рабочей власти выказывали.

☆ ☆ ☆

КОПЕЙКИН Михаил Евстигнеевич

Ленина я видел году в двадцатом. Шли мы 1 мая демонстрацией через Красную площадь. Спрашиваем один у другого:

— Где Ленин-то?

— Вон он, вон он,— говорят,— на балконе!

Он стоял в пиджаке таком черном. Кепка тоже на нем была. Виду у него не было особого,— очень просто он одевался и по-простому себя держал.

С улыбкой такой приветливой нас встречал и здоровался. Рукой и кепкой махал и лозунги нам высказывал. Глаза у него веселые были, он очень стоял довольный, что столько народу собралось.

Тогда ведь на демонстрации-то еще многие боялись ходить. Кто-то слухи пускал разные, нас запугивал:

— Там,— говорят,— смотрите, убьют, выстрелы будут, налеты будут.

А мы пошли, и никаких!

И как обрадовались, когда Ленина увидали. Бабы заговорили сразу:

— Голубчик! Да какой он родной!

Еще бы, такое дело сделать, провести революцию! Наш брат не своего не послушает!

И прошли мы очень торжественно перед ним. Хорошо так, ровно прошли.

КУДРЯШЕВ Иван Алексеевич

В Красной армии мы сначала попали в этапную команду 8-й стрелковой дивизии. Помещались мы летом в одной из дач в Серебряном бору под Москвой, а зимой нас перевели на Полянку, в помещение старого лазарета. Потом мы работали в отделе снабжения той же дивизии.

В начале 1919 года нас отправили на западный фронт, сначала в Могилев, потом в Бобруйск. Мне пришлось вести среди красноармейцев политическую работу. Помню, однажды нужно было нам итти в наступление, а красноармейцы раздеты, разуты. Вместо сапог нам присылают лапти. Красноармейцы волновались.

Мы им говорили:

— Товарищи! Хотя бы в лаптях, но нам надо итти в наступление на врага, защищать советскую власть.

Настроение подняли, ребят воодушевили.

А сапоги-то доставать все же надо. У нас было извещение, что сапоги нам направлены, но мы боялись, не попали ли они в руки нашим врагам. Я поехал искать вагон с сапогами, нашел его, и красноармейцы были обуты.

Кончилась эта история с сапогами, и меня послали с фронта в Москву, в Свердловку, на краткосрочные военно-политические курсы. Это было, примерно, в сентябре 1919 года, когда дела на южном фронте шли очень плохо. Нас готовили на скорую руку, преподавали нам политику и военное дело. Проучились мы три с половиной месяца, я кончил курсы и получил назначение на юго-западный фронт.

☆ ☆ ☆

КОПЕЙКИН Михаил Евстигнеевич

Положение в Москве тогда было плохое. Семячек давали нам по четвертке и по четвертке хлеба. Голодали, говорить нечего...

Ходили в столовую, бывшую Григорьева, супчик с кониникой нам давали. Похлебаешь, и ладно.

Потом ходили по эшелонам на Окружной дороге, войска проезжали там — мы хлеба у них просили. Давали они, что оставалось. Когда что обменяешь на хлеб...

Мы лес пилили для фабрики за хлеб и за мыло. Бревна таскать пришлось на своих плечах.

Ездили за хлебом и в Тульскую губернию, и в Тамбовскую, и в Харьковскую. В Минск я три раза ездил.

В то время товарищ Ленин послал товарища Сталина под Царицын наладить отгрузку хлеба голодающим центрам.

Всюду организовались отряды рабочих в помощь партии на продовольственном фронте.

И наш фабком организовал продотряд из тридцати трех человек кадровых фабричных рабочих. Я в этот отряд вступил. Из Москвы привезли обмундирование и винтовки. Обучали нас здесь немного — умелых было порядочно среди нас. Да и винтовки-то разнокалиберные нам дали, попросту «хлопушки». Как пугачи.

Комиссаром среди нас стал прессовщик Кузьма Леонтьевич Соболев.

Погрузились в вагоны, трое суток были в пути. Приехали в Воронежскую губернию на станцию Алексеевку. Двое суток простояли в вагонах.

Утром на третьи сутки спим — слышим Соболева зовут. Он вышел из вагона, а там милиция. Начальник милиции с ним о чем-то тихонько поговорил. Соболев влезает в вагон и говорит:

— Тише, ребята!

— В чем дело?

— Вот так, мол, и так. Милиция нас просит помочь ей реквизировать мыло и мясо у спекулянтов на рынке.

На другой день мы поднялись с зарей и пошли рассыльным порядком, кто куда был назначен. Не так чтоб кучей, а по одному человеку.

Окружили базар со всех сторон, и некоторые вошли внутрь его. Базар был очень большой.

Я как раз вошел в самую толчею. Тут же со мною были: «Налим» — Ваня Киселев и Симагин. Я стал возле

мяса — мяса очень много базарили. А ребята — поближе к мылу. Вдруг слышим сигнальный выстрел. Пора приступать к делу.

Я приказал мяснику прекратить торговлю и никуда не двигаться. Ребята мыло арестовали. Народ тут стал суетиться и торопиться в испуге. А кругом уже все оцеплено, бежать некуда. Милиция заставляет класть товар на тележки и отвозить в упродком.

Так по порядочку и свезли все. По твердой цене за все взятое было упродкомом уплачено. Нам в этот день хороший обед устроили и баньку жаркую натопили. Помылись мы с дороги, переоделись и поехали в волостное село Шелякино. Там нас расставили по квартирам, где два, где три человека.

Это было ранней весной,— только всходы зазеленели.

Сначала мы занимались ловлей дезертиров и спекулянтов, тоже помогали милиции. Спекулянтов с их возами хлеба и соли переправляли в город, куда следует.

А когда начала поспевать пшеница, мы помогали организовать общую молотьбу.

Осенью началась продразверстка. Кулаки упирались, не хотели давать хлеба, сопротивлялись.

Был в Шелякине кулак Суслов. По всему Шелякину в славе. У него земли было десятин двести, а жил сам-третий. Кто ж на него работал? Известное дело, что батраки. Ни за что не хотел дать хлеба. Пришлось маленько нажать на него, чтобы он подался.

А другой кулак на хуторе недалеко от села еще скупей сказался. Зашли мы к нему обедать втроем, два брата Яковлевых и я. За обеды мы платили, хотя и по твердой цене. Он хлеб нам подал такой плохой, что есть невозможно. Я говорю:

— Очень ты хлеб нам подаешь плохой! Никуда не годится.

А он отвечает:

— Нема хлеба, товарищ! Только такой и есть, больше никакого нема...

Мы не стали у него обедать, пошли к беднячке. Спросили у нее пообедать. А она удивляется:

— Что же вы в том хорошем доме не пообедали?

— У него нет хлеба хорошего, чистого. Очень плохой хлеб.

Она налила нам борщу, конечно, хлеба дала хорошего, настоящего, а сама говорит:

— Товарищи! У него хлеба много. Только он ненавидит вашего брата. Попрятан его хлеб!

Мы рассказали об этом своему комиссару Соболеву. И когда пошла разверстка по этому хутору, то мы явились к тому самому кулаку и объявляем ему:

— Вот столько-то с тебя причитается хлеба советской власти!

Он все свое ладит:

— Нема хлеба! Нету!

Пришлось самим искать. Дома у них там — мазанки белые. Пол земляной, а потолок глиняный. По полу мы постучали прикладами — слышим глухой звук. В потолок ткнули шомполами — оттуда пшеница посыпалась. А стены были двойные. Весь дом кругом оказался обсыпан пшеницей. Даже в печке пудов десять зерна нашли.

Пудов двести забрали у него хлеба.

А по разверстке-то с него причиталось всего-навсего пятнадцать пудов. Ничего не хотел давать. Бедняком убогим себя показывал...

Мы грузим его хлеб, а он молча сидит, глядит. Потом мы у соседей его спросили:

— Что это он не больно волнуется?

— Да у него хлеба есть еще больше того, что взяли. Только неизвестно, где спрятан.

Этого кулака мы тоже отвезли в Алексеевку и сдали куда надо.

И много таких случаев у нас с кулаками было.

Вот, скажем, выезжаем в деревню, оповещаем председателя о разверстке. Бедняки сразу вывозят:

— Вот вам, товарищи, хлеб!

Середняки тоже ничего держатся, напомнишь — они и сдают. А кулачье ни за что по-хорошему не свезет прод-

развёрстки. Посеют табак, а под табаком в ямах запрячут хлеб. Или под пчелиными ульями хлеб спрячут.

Беднота уж на них показывает:

— А эти почему не вывозят разверстку? Площадь посевная у них была такая-то и такая-то! Урожай такой-то, лучший на селе. Куда хлеб девался?

Когда поспел новый хлеб, и разверстка развернулась во-всю, нас стал тревожить Махно. Грудь с грудью мы старались с ним не сходиться и были каждый час начеку. Нам заранее сообщали по телефону, что там-то идет Махно, и мы во-время убрались с его дороги. Так и спали всегда одевшись, с винтовками.

Очень трудно было работать в таких условиях. Только начнем разворачиваться, нас спугивают.

Недалеко от нас работал другой московский продотряд из рабочих-благушинцев. Этот отряд попал в руки махновцам и был изрублен до одного человека. Комиссара, перед тем как убить, пытали — нарезали из его кожи ремней, отрубили ему член. Был с ними один паренек молоденький, лет пятнадцати, того тоже прирезали. Мы приехали в ту деревню, где это произошло, минут через десять после ухода махновцев. Увидели всю картину. Махно защищал интересы того самого украинского кулачья, у которого мы отбирали зерно...

☆ ☆ ☆

ТИТОВА Татьяна Степановна

Мы пожили немного с мужем в Ташкенте, а потом Титова по болезни отпустили домой, и мы уехали в Москву на свою фабрику.

Тут он вступил в партию и был выбран членом правления фабрики от рабочих. Это было в 1918 году. На гражданскую войну Яков Николаевич Титов не попал, а многие мужчины с нашей фабрики в этой войне участ-

вовали. Вот, например, Карпуша Башкиров, братья Зайцевы и другие.

Вместе с Титовым вступили в партию здесь на фабрике Лукашин, Соболев, Чепелев, Александр Васильевич Байков.

Титов, когда приехал на фабрику, сначала поступил в материальную кладовую. Потом он работал сразу в двух кладовых: материальной и пряжной.

Тогда фабрика была еще в руках фабрикантов, и они надеялись сохранить эту фабрику для себя, хотели взять ее потом в концессию.

Перед национализацией они завезли сюда очень много всяких материалов. Кладовые были заполнены. Завезли даже медный провод толщиной в палец. Этот провод ни на что тут не требовался.

У Второва был тут неподалеку еще какой-то завод. Он думал сохранить все эти материалы, а потом пустить в оборот.

И вот пришла национализация. Когда появился декрет правительства и нам предложили взять фабрику в свои руки, был собран в суконном отделении митинг. Выбрали пятерку правленцев, а Титова — председателем. Начали они принимать фабрику. Некоторые отсталые рабочие поругивались:

— Фабрику отбирают, а хозяйствовать не умеют!

Но основная масса приветствовала национализацию.

Сырья заготовлено было порядочно, а топлива маловато. На первое время хватило, но потом начались затруднения с топливом.

В 1916 году наша фабрика была куплена новым владельцем. Директором фабрики стал Никитин — лицо новое и малоспособное. Старые служащие увольнялись и уходили. Начался новый подбор технического персонала со стороны.

Штат был подобран только к 1917 году и не успел наладить работу, как произошла революция. Когда был издан декрет о национализации промышленности, предприниматель и администрация фабрики забастовали. При вступлении комиссии рабочего контроля в свои обязанно-

сти сразу же получились конфликты. Весь 1917 год дело шло кувырком, потому что никто не знал, кому же следует подчиняться.

В ноябре 1918 года исполнительный комитет рабочих и служащих фабрики повел подготовку к выборам правления, что страшно волновало администрацию. В декабре 1918 года правление было выбрано и в него была введена старая администрация, которая сразу начала тормозить работу. В марте 1919 года правление было официально утверждено и с апреля приступило к своим обязанностям. В это время в Главтекстиле нашли приют и службу старые фабриканты, директора фабрик и заведующие производством, изгнанные со своих предприятий. Мы видим, что наш главк для нас чужд — он поддерживал все просьбы и мнения прежней администрации нашей фабрики. А та продолжала оставаться на фабрике, рассчитывая, что советская власть долго не проживет и потому от производства отрываться не надо.

А ведь фабрика наша встала по недостатку топлива еще с декабря 1918 года и простояла весь 1919 год. За это время много технических сил перешло с нее на другие фабрики, которые кое-как вертелись. Прежние администраторы не мешали уходу техников — им было выгодно оставаться единственными специалистами на всей фабрике.

Из-за этого на фабрике целых два года — 1918 и 1919 — не было ни постоянного механика, ни хорошего руководителя административно-хозяйственной части.

Фабрика стояла, и потому ее работники не освобождались ни от каких мобилизаций. Много квалифицированных рабочих было мобилизовано на фронты. Те, кто не подлежали мобилизации, сами разбрелись кто куда. К 1920 году фабрика осталась совершено без технических сил и квалифицированных рабочих.

Все изнашивалось, доламывалось. Там, где нужно было производить малый ремонт, это во-время не делалось из-за отсутствия технического присмотра. Все разрушалось до основания.

Титов стал председателем правления фабрики с 1 декаб-

ря 1919 года и сразу же попал в какой-то заколдованный круг. Подготовки он никакой не имел. Для того чтобы пустить фабрику, нужно было достать топливо. Но ввиду того, что фабрика не работала, Главтекстиль не включил ее в план снабжения, и, значит, нельзя было рассчитывать на получение топлива от Главтопа.

Оставалось надеяться на себя.

В то время при фабрике, несмотря на большой разброд рабочих, все-таки жило еще около тысячи человек кадровиков и членов их семей. Мы начали хлопотать перед Москвотопом об отводе нам лесных площадей на дрова. К маю 1920 года разрешение было нами получено. К половине июля мы заготовили уже около тысячи кубических саженей дров.

С 1 августа 1920 года фабрика пошла в ход.

☆ ☆ ☆

КУДРЯШЕВ Иван Алексеевич

Перед отъездом на фронт в 1920 году я заглянул на фабрику. Яков Николаич Титов поставил передо мной такой вопрос:

— Как ты смотришь, если мы добъемся перед соответствующими организациями твоего возвращения на фабрику? Фабрику восстанавливать надо.

Я ответил, что это не мое дело. Я нахожусь в распоряжении партии, и куда она меня пошлет, туда я поеду. Если партия сочтет нужным направить меня на фабрику, я буду восстанавливать фабрику.

Титов начал действовать через Бутырский районный комитет партии и дошел до Московского комитета. В Центральный комитет пришлось итти мне самому.

Демобилизационная комиссия Центрального комитета решила меня демобилизовать и через Московский комитет отправить на фабрику.

Таким образом, вместо военного фронта я попал на хозяйственный.

Меня выбрали председателем фабзавкома. Титов был председателем правления, от рабочих в правление входили еще Лобов и Бунин. Со стороны служащих в правлении были два члена, не помню, кто именно.

Фабрику только что национализировали, и положение ее было ужасающее. Народ разбегался по деревням от голода, холода и разрухи. Каждый, кто имел хоть маломальскую связь с деревней, хоть дальних родственников в самой глуши, бросал фабрику и торопился уехать. Остался на фабрике только самый костяк кадровых пролетариев — человек триста-четыреста, с членами семей до тысячи человек. Фабрика погибала без дров, а стояла кругом в лесу. Жалко, конечно, было леса, но ничего не поделаешь. Из двух зол выбирай меньшее.

Надо рубить дрова, а кто пойдет их рубить? Рабочие получали совсем мало, денег не было, жили разутые-раздетые. Мы пошли по общественному пути. Созвали общее собранье рабочих, разъяснили им, что фабрика совсем погибнет, если мы не пустим ее в ближайшие дни. Ведь, когда фабрика не работает и ее не протапливают, то очень портятся машины, станки, все фабричное оборудование.

И рабочие пошли на трудовую повинность. Собрание постановило, что каждый рабочий должен напилить два кубометра дров, чтобы этими дровами спасти фабрику от погибели. И основная масса рабочих свое постановление выполнила.

Фабрику мы пустили.

Но даже когда мы пустили фабрику, то все еще продолжали пилить дрова. Не только свою здешнюю рощу свели, но ездили и в леса подальше.

С год у нас фабрика стояла совсем, а потом целый год она работала, а мы пилили дрова в запас. Фабрику мы все-таки завертели по-настоящему. Так работали до конца 1920 года.

☆ ☆ ☆

ТИТОВА Татьяна Степановна

Пилили и возили дрова женщины. Из мужчин тогда работали только два старика, которые направляли пилы: Петр рыжий и дядя Исай. Да рельсы в лес прокладывал старик-слесарь.

Мы тащили из лесу даже сучки.

Очень трудно эти дрова давались! Я сроду их пилить не пилила. Бегу к соседке, спрашиваю:

— Прасковья! Ты пилить умеешь? Как хоть пилу-то держать?

— Да, нет, говорит, в нашей стороне мы не пиливали.

А все-таки научились пилить, запаслись дровами, пустили в ход фабрику!

☆ ☆ ☆

ГАВРИЛОВА Варвара Акимовна

Когда мы пилили дрова на субботниках, товарищ Титова влезала на бочку и говорила нам:

— Власть в свои руки взяли и фабрику сумеем пустить.

Муж мой боязливый, все пугал меня:

— Смотри, тебя с фабрики сгонят, если старые хозяева водворятся! Куда я с тобой пойду?

А я не боялась, участвовала в субботниках, выступала на митингах и собраниях. Титова у нас вояка, она воюет сама и нас, работниц, за собою ведет. Она тогда руководила нами, шла правильно по тому пути, который указывал Владимир Ильич Ленин. Ведь что у нас было тут! Фабрика замерзала, а мы пилили дрова, не считаясь ни с чем работали. Ноги мерзнут, а мы работаем.

Были среди нас и такие, которые издевались над нами:

— Старайтесь, пилите за фунт мыла...

А мы отвечаем им:

— Мы пилим не за фунт мыла, а за своих детей. Своим горбом пустим фабрику.

АЛЕКСАНДРОВА-КРЫНКИНА Клавдия Васильевна

Я родилась в декабре 1906 года. Жила все время на фабрике. Окончила в нашей школе четыре класса и еще один год проучилась в другой школе. Потом пошла учиться шить к сестре моего будущего мужа. Проучилась один год.

В голодное время нас было в семье пятеро: я, брат, сестра, мать и отец. Я помню, когда отец уехал с продотрядом, мать собирала последние монатки, одеялки, сукно, которое было куплено еще в царское время, увозила все это, обменивала на хлеб.

Привезет нам муки, оставит, едет сама опять. Горбатая да хромая она стала через эту самую голодовку.

Помню, было у нас большое семейное одеяло, красивое. Дошла и до него очередь, захватила мама его с собой. Когда ехала она обратно с мешками, муку у нее отняли. Она ничего и не привезла. Мы вышли ее встречать, а у нее ничего нет. Такие слезы начались тут, плач, рев.

Что делать — есть нечего. На нашей фабричной ветке выгружали картошку для рабочих. Когда сгружали ее, немного просыпалось и завалилось снегом. Мы решили пойти собрать ее. Есть было совсем нечего.

С лопаткой, с ломом, с мешками пошли ее отрывать. Накопали, воротились домой, мать сложила картошку в большой чугун, сварила ее сразу. Картошка была мороженая и мятая.

Слила мать из чугуна воду, сели мы за стол есть картошку, а ни хлеба, ни соли нету. Мать чистит, а мы едим. Картошка получилась совсем безвкусная.

Кожуру от нее мать не бросала, а берегла. Тогда никакие очистки не выбрасывали. Бывало, мать привезет муки, все очистки промнет как следует и сделает из них лепешки с мукой.

А еще мы, дети, любили жмых, крали его у лошадей в конюшнях. Он сладковатый был.

Мать смотрела на нас всегда со слезами, всегда плачет, не может глядеть спокойно. Отец, бывало, все чудил, нас рассмеивал, а тут он уехал с продотрядом.

Вот как-то я матери говорю:

— Мама! Сегодня комсомольский субботник. Хоть я не комсомолка еще, но, думаю, меня примут работать. Пойду сейчас Жнецову скажу. Буду возить вагонетки с сучьями и дровами.

Мать мне:

— Что ты! Ты еще такая маленькая. Ничего, как-нибудь проживем.

Мама жалела нас. А я говорю ей:

— Мама, там фунт хлеба и ландрин дают.

И пошла я во двор фабрики. Около ворот в аккурат встречаю Александра Жнецова. Я говорю:

— Шура! Я сегодня пойду работать.

— Ну, что ты, Клава! Ты ведь такая маленькая, тебя вагонетка раздавит. Разве можно тебе работать!

Тогда мне было уже четырнадцать лет, но ростом я была маленькая, паршивенькая, росла плохо. В самый голод росла. Я говорю Жнецову:

— Шура! Ведь есть-то нечего. Все работают, и я буду вагонетки возить.

Тогда был на фабрике Иван Алексеевич Кудряшев. Он встретил меня уже на субботнике возле леса, когда мы прицепились за вагонетку. Он закричал нам:

— Ну, и молодежь! Крынкина даже пришла работать. Дело будет!

И Лена Кудряшева тут же с нами работала, нагружала и возила сучки.

Мы много часов под ряд работали. Трудно мне показалось, устала я, маленькая очень была еще. Вспотела вся даже, а в голове одно:

— Я сегодня получу фунт хлеба и буду чай пить с ландрином.

Кончили мы работать, стали за хлебом в очередь. Давали нам, помню я как сейчас, такой фунт хлеба отрезанный и на нем три ландринки. Только три.

Получила я это, несусь домой. Прибегаю к своей матери:

— Ну, мама, ступай — неси кипятку. Будем мы с тобой чай пить.

Брат тут вцепился в хлеб, совсем крошечка. Уселись мы с братом вокруг стола, ждем мать с кипятком, хлеб по столу двигаем. Брат к себе подвинет, посмотрит на этот фунт, я к себе подвину и посмотрю. Ведь ребята... А ландринки были красненькие, хорошенькие.

Пришла мать, заварила насушенный лист липы. Мать отрезала нам с братом побольше хлебца, а себе взяла чуть-чуть, кусочек малюсенький. Остаток хлеба припрятала нам на ужин. А три ландринки как раз хватило на нас троих. Каждому пришлось по одной: мне, маме и брату.

☆ ☆ ☆

КОПЕЙКИН Михаил Евстигнеевич

...В продотряде мы работали около года. За это время двое наших товарищей померли от сыпного тифа. На фабрику вернулись не тридцать три, а тридцать один продотрядник. Много мы добыли за этот год хлеба для пролетарских центров, выполнили свое задание больше чем на сто процентов. За хорошую работу нам выдали премию — по десять пудов хлеба на каждого...

Мы вернулись домой весной 1921 года. Вагон наш подали по Окружной дороге прямо к фабрике на станцию Лихоборы. Когда еще вагон наш стоял в Перове, то некоторые товарищи пересели из нашего товарного поезда на служебный, попали домой раньше и предупредили всех о нашем прибытии.

Встречала нас большая толпа.

— Отряд приехал! Отряд приехал! Соболевский отряд возвратился!

Радовались, хлопали, кричали «ура». Жены, дети, родные, приятели долго нас обнимали и целовали. Очень все кругом радовались. Ведь не ждали, что мы живыми вернемся. Начали разгружаться. Мы поволокли по домам мешки с премией, с пайком да с покупками разными. Мы

имели бумагу на право провезти продовольствия для себя и своих семей.

Разгрузились, вечером сходили в баню, помылись, отдохнули как следует по домам.

Соболев с помощниками Комаровым и Голубевым поехал на другой день в Наркомпрод, отчитался там, а на третий устроили собрание на фабрике и отчитались перед рабочими.

Работа тогда на фабрике шла плохая. Кто работает, кто ездит за хлебом. Деревенские норовили по деревням разбрестись, а здешние коренные рабочие помаленьку вертели дело.

Недельку мы отдохнули, а потом стали работать. Я был поставлен подмастером на «волчок»-машину, которая треплет лоскут. С мотором управлялся, машину разбирал, если требовалось, где что подправлял в ней. Так проработал не больше года. Затем меня перевели подмастером в ткацкий цех.

Якова Николаича Титова в то время на фабрике уже не было.

Помню, еще месяца полтора до нашего возврата домой, мы стояли в Алексеевке, приготовлялись к отъезду. Однажды мы делили во дворе пайковое мясо — рубили его и вешали. Вдруг пришла почта, мы расхватали письма. Во всех письмах из дому мы прочли, что Яков Николаич Титов умер, а Звездин потерял зрение. Вина им кто-то поднес отравленного. Злостное дело было совершено. Титов-то побольше выпил и помер, а Звездин ослеп.

Нас эта весть как обухом по голове оглушила. Как раз Яков Николаич Титов отправлял наш продотряд на работу, наказывал живыми вернуться. Мы-то вернулись почти все, а он, наш сердечный друг и руководитель, пропал ни за грош от яда вражеской гадины.

☆ ☆ ☆

КУДРЯШЕВА Елена Агафоновна

Утром к нам в дверь постучался кто-то и крикнул:

— Скажите Ване, что Яков Титов помер!

Иван мой, как был,— побежал к Титовым. Прямо очумел он спросонок от такой вести. Прибегает к ним, а Яков Николаич уже говорить не может, отходит...

☆ ☆ ☆

КУДРЯШЕВ Иван Алексеевич

Яков Николаевич, председатель правления, помер, и фабрика осталась без руководителя. Надо было решить, кому возглавлять фабрику. Я не был готов руководить промышленным предприятием, и потому ячейка постановила оставить директором Масленникова, а меня сделать комиссаром при нем.

Масленников при жизни Титова исполнял работу технического директора. Тогда это называлось — заведующим производством. После декрета о единоначалии в 1921 году меня назначили директором фабрики, а Масленникова опять заведующим производством. Всего и комиссаром и директором я был десять месяцев — с февраля по декабрь 1921 года.

В 1922 году приступил к своей деятельности Москуст.

По окончании гражданской войны, когда часть военных работников освободилась от своих обязанностей, а государство не могло сразу взять все предприятия в свои руки, была создана особая форма восстановления и эксплоатации мелких фабрик с привлечением частного капитала.

Тогда организовались полугосударственные, получастные акционерные общества. Многие из них возглавлялись военными работниками. Одним из этих обществ и был Москуст, позднее переименованный в «Комбинат». В Москуст кроме нашей фабрики входили следующие предприя-

тия: кожевенный завод, бывший Бахрушина, чугунолитейный завод, бывший Керкина, стекольный завод в Брянске, лесопильный завод, типография, бумажная фабрика в Богородске, кондитерская фабрика, гвоздильный завод.

В этом комбинате были представлены чуть ли не все отрасли промышленности. Он располагал хорошими средствами и сразу помог нашей фабрике продовольствием. Ведь после демобилизации армии в руках военного ведомства остались значительные продовольственные запасы. Эти запасы и были направлены на предприятия. Москуст назначил директором фабрики товарища Архангельского. Я проработал немного в фабкоме, а потом меня взяли в центральное закупочное бюро при Москусте.

☆ ☆ ☆

КОПЕЙКИН Михаил Евстигнеевич

Архангельский был старый большевик-подпольщик. Его прислали на нашу фабрику обеспечить ее полный пуск. Он дело наладил здесь хорошо.

Как пойдет по фабрике, увидит, что станок или машина не работает, сразу спрашивает:

— Почему стоит? Кто виноват?

Сам сходит всюду, проверит, добьется толку. Не ленив был Архангельский, любил дело, во все вникал. Двигался по фабрике он проворно. Собою был легкий, невысокий, не толстый, живой такой, веселый и приветливый малый. По наружности он выглядел не очень-то представительным. Пальтишко носил плохое, шапку поповскую. Посмеивались сначала рабочие над его одеждой:

— Вот так директор у нас, ребята!

Но очень быстро все начали его уважать, относиться с большим почтением. Работать с ним очень охотно было.

До него наблюдалось у нас разгильдяйство некоторое, а он подтянул, настраивал дисциплину. Рабочих заставил работать по-порядочку, служащих — быть на-чеку, что бы

во-время все было подсчитано и не задерживалась зарплата.

Паек сытнее при нем стал, и работа сразу повысилась. Духом он тоже всех ободрял хорошо. Неоценимый большевик был. А докладчик какой богатый! Все всем на фабрике разъяснял — и по каморкам ходил, и по общим спальням. Рассказывал, как нам будет житься при социализме. Очень хорошо с ребятишками обходился, всяческие праздники им устраивал с раздачей подарков.

☆ ☆ ☆

КУДРЯШЕВ Иван Алексеевич

Из закупочного бюро меня перебросили работать помощником директора брезентовой фабрики Москуста, а потом, когда Архангельского перевели в трест, меня вернули сюда, на фабрику имени Петра Алексеева, сначала в качестве помощника директора, а потом и директора. Здесь я проработал с 1924 по 1926 год.

А в 1926 году меня взяли в правление «Комбината», работал там до 1927 года, до его ликвидации.

Затем недолго работал в Краснопресненском райкоме ВКП(б), был директором часового завода «Мемза», работал в Гипроцветмете, готовился к поступлению в вуз и поступил в институт внешней торговли. Там я проучился два с половиной года. Когда началась мобилизация в политотделы в 1932 году, меня послали в политотдел.

☆ ☆ ☆

КРЫНКИН Василий Петрович

Мы, помню, дрова пилили, фабрику держали на своем горбу, чтобы не упала она. Наладили дело, директором стал Архангельский. А красильных мастеров нет. Вот Архангельский, бывало, придет ко мне:

— Крынкин! Нет мастеров-то у нас... Крась ты.
— А ну-ка не справлюсь?
— Справишься! Давай, давай, крась!
Стал я красить сукна за мастера.
Скажешь подмастеру:
— Вот этого столько вешай, этого столько.
Рабочие развешивают краску на весах, сколько я скажу, потом варят ее, красят, а я образцы смотрю.
Выходило по-моему хорошо.
С месяц проработал я так. Архангельский говорит:
— Будь, Крынкин, мастером! Работай так постоянно.
— Не могу. Неграмотный.
— Врешь, можешь!
— Не буду, ну тебя совсем!
Настоял я на своем, и взяли грамотного мастера, техника. А я при нем вроде подмастера работать стал.

☆ ☆ ☆

ЛУКЬЯНОВ Иван Васильевич

Комсомол у нас на фабрике организовался 29 декабря 1919 года.

До этого, уже с сентября 1918 года, работу среди молодежи вели отдельные молодые партийцы.

В 1917 году вступили первыми в партию Иван Алексеевич Кудряшев и Иван Васильевич Кудряшев — его двоюродный брат. А беспартийные молодые рабочие Иван Морозов, Василий Жнецов, Петр Лукьянов — мой братень — вступили тогда в Красную гвардию. Тогда комсомольская ячейка на фабрике не была организационно оформлена, но по существу эти ребята были коммунистической молодежью.

А вот в 1919 году мы ячейку оформили. В бюро были выбраны Иван Григорьев, Василий Морозов, я, Сергей Бирюков и Петр Михайлов. Партприкрепленным к нам стал Яков Николаич Титов.

Иван Алексеевич Кудряшев как молодой партиец состоял также и в комсомоле. Помню, как раз комсомол выдвинул его в председатели фабричного комитета.

Начали мы организовывать комсомольскую работу. Первое время ячейка находилась в новом доме Иокишей на втором этаже. Партячейка помещалась на первом этаже, в большой комнате, а мы в маленькой комнате на втором этаже. Потом и мы к ним вниз перебрались. Потом комсомольцев перевели в дом № 24.

В 1921 году, в июле, я ушел добровольцем в Красную армию, а в 1922 году в декабре по болезни был демобилизован.

На комсомольских субботниках я был организатором. Помню, как мы ходили выгружать дрова в одних чуньках. Часто нам, молодежи, не хватало пайка после раздачи его взрослым рабочим, но мы не роптали.

Еще я помню, как мы устраивали молодежный вечер с чаепитием в общей спальне. Нам была отдана для комсомольской работы большая пустая комната. В этой спальне раньше жили мужики холостые, загрязнили ее сильно. Взялись мы чистоту наводить. Решили убрать и украсить ее на славу. Ребята отскребали стены и пол, носили воду, девчата подметали и мыли. Лучше всех мыли Алексеева, Иванова, Косточкина, Ольга Башкина, Нюра Вдовина. Терли тряпками, мыли горячей водой без мыла. Дружно все делали, спайка крепкая у комсомола была. Решили в честь новоселья устроить хороший вечер.

Голубей набили, галок набили, мороженой картошки достали. Сначала картошку на сутки поставили в холодную воду, чтобы лед из картошки наружу вышел и получились картофелины во льду. Потом мы лед откололи и поставили картошку вариться в печку. Картошка хорошая получилась, сладкая, правда, немного, но ничего. С галками, с голубями прошла отлично. Помещение мы увешали лозунгами, которые были написаны красками на больших обойных листах. Столы большие подряд наставили, скамейки длинные пододвинули. Открытие было назначено ровно в шесть часов вечера.

Явились все во-время. Да нас большинство и так там было с утра — мыли, украшали, работали.

К шести часам набралось ребят человек сто. Все пришли приодетые, чувствовали себя весело, по-праздничному. Здорово у нас дело пошло.

Засели все за столы. Александр Гусаров открыл собрание. Оркестр из шести музыкантов, приглашенный на вечер из Петровского, сыграл «Интернационал».

Доклад делал не то, Титов, не то Кудряшев — не припомню теперь. Главным вопросом, который мы хотели поставить перед молодежью на этом вечере, был вопрос о борьбе с хищением сырья.

Докладчик рассказал молодежи, что на фабрике усилилось расхищение пряжи. Нужно комсомолу начать с этим борьбу, приняться за поимку воров. Потом он рассказал нам о гражданской войне и о задачах восстановления производства. В прениях выступали Гусаров, Иванова, Косточкина и я.

Тут же разоблачили конкретных воров — Лучину и других. С воодушевлением выступали ребята, очень боевое настроение создалось.

Постановили активно участвовать в ловле воров сырья. Выделили для этого особую группу: меня, Гусарова, Иванову, Косточкину, Алексееву, Федосеева, Женцова, Александрова и еще кое-кого.

Потом закусили и устроили танцы. Веселились часов до трех. Танцовать-то мы все умели здорово. Танцовали ту-стэп, коробочку, вальс, краковяк, русскую. Играли в «жулики», в «третий лишний», «жгуты». Пели все хором «Вниз по матушке по Волге» и революционные песни. Провели вечер весело. Были тут и комсомольцы и беспартийные, человек двести пришло.

Так мы открыли свой комсомольский клуб.

...В 1921 году комсомольская организация нашей фабрики была мобилизована Бутырским райкомом в ЧОН (часть особого назначения).

Мы стояли на постах у вагонов с арестованными, стояли на постах во дворе фабрики и делали обходы вокруг фабрики по ночам.

Осенью 1921 года взорвались хорошевские склады. Это было к вечеру, примерно часа в четыре. Находились они отсюда в трех километрах. Склады были военные, со взрывчатыми веществами. Когда взрывались они, тут у нас все дрожало.

Настроение было очень тревожное — на фабрике из окон летели стекла. Было объявлено, чтобы люди держались ближе к воде, не оказались бы застигнутыми врасплох газами, образовавшимися при взрыве. И вот целые толпы работниц, рабочих и ребятишек бежали к прудам, мочили тряпки, носовые платки.

Сразу же после взрыва комсомол повсюду выставил патрули на территории фабрики вплоть до поселка Головино. Где с винтовками, где с наганами расхаживали наши ребята, задерживали лиц, шедших позднее указанного времени.

Коммунистов тогда на фабрике было мало, человек пятнадцать, не больше, а нас, комсомольцев, было человек восемьдесят.

В 1921 году райком частенько проверял мобилизационную готовность партийно-комсомольского состава фабрики. Помню, раз наша организация за пятнадцать минут собралась и села в машины. Нас вызвали в райком; и мы дежурили там целые сутки. Тут были и женщины и девушки, наши коммунистки и комсомолки. Ездило нас человек шестьдесят, остальные оставались охранять фабрику.

☆ ☆ ☆

АЛЕКСАНДРОВА-КРЫНКИНА Клавдия Васильевна

В 1924 году я сделалась комсомолкой.

В суконном отделе была тогда устроена сцена. Как рабочие кончат первую смену, мы растаскиваем сукно по углам, ставим посредине скамейки и собираем комсомольскую молодежь.

Еще собирались в доме, где теперь живет технорук. Там начали организовываться кружки — драматический, хоровой. Когда я не была еще комсомолкой, меня очень интересовали кружки. Мне туда хочется поступить, а меня сразу не принимают. Ваня Лукьянов мне говорит:

— Сначала мы комсомольцев примем.

Мне сделалось обидно от этих слов. Все девчата — мои подруги — поступили в кружки, все работают. Я тоже здешняя, фабричная, мне тоже в комсомол надо. Написала заявление, отдала Кудряшеву.

Вот собрание. Ребята предупреждают меня:

— Крынкина! Ты сегодня приходи на собрание. Мы тебя в комсомол принимать будем.

Пришла я. Народу сидит много и все свои — Лукьянов, Кудряшев, Кудряшева, Жнецов, Васька Советников, Александров — мой будущий муж — и другие. Все ребята здешние наши, я знаю всех. Долго спрашивать меня не стали.

— Почему ты вступаешь в Коммунистический союз молодежи? — спрашивают меня.

Я говорю:

— Хочу работать по-настоящему. Хочу за ленинское дело бороться. Другие девчата фабричные в комсомоле, всюду участвуют, я тоже хочу так.

— А будешь работать?

— Буду. Я с вами вагонетки грузить ходила!

Ванька Лукьянов сказал:

— Да, да. Она тоже возила.

Другие сказали:

— Отец у нее старый рабочий. Давно здесь работает. Принять ее надо.

И меня приняли в комсомол.

☆ ☆ ☆

КРЫНКИНА Пелагея Николаевна

Мне думается, зимой собрание это было. В «Яре» мы собрались, у Берегов. Народу сошлось страсть много. Пришли, уселись. Сперва доклад товарищ Нюрина делала. Долгий доклад, хороший.

Рассказывала, как была в чужих державах, во Франции да в Швейцарии. Кончила она и говорит:

— Теперь выступать будет товарищ Ленин.

Ну, и пошло тут хлопанье! Очень уж желали, чтобы он выступил. Посмотреть все хотели на нашего Владимира Ильича, послушать его беседу.

Сбоку у занавеса была комнатка небольшая, из которой выходили на сцену. Вот он и вышел оттуда. Среднего роста он, плечистый такой, в пиджаке и при галстуке. Я как сейчас вижу его. Быстро так вышел на самый краешек сцены.

Еще сильнее тут стали хлопать, без останову. И руками и ногами, кто чем горазд. Даже ладони больно стало, а мы все хлопаем.

Он руку подымал все: довольно, мол. А мы ввaливаем и ввaливаем, нас не унять скоро-то, мы рады, что Ильича увидали. Затихли, наконец, все-таки.

Начал он речь вести.

Не упомнила я всего, о чем он говорил, а вот эти слова его в память мне засеклись крепко, что он сказал о детских садах.

— Детские сады, говорит, надо распространить, расширить их, чтобы освободить матерей.

Очень уж я как женщина эти слова запомнила. Женщин там было больше чем мужчин. По десять на одного мужчину. Потом еще помню я, что Ленин нам сказал о крестьянах.

— Нужно, говорит, крестьян нам поставить на ноги. Мы теперь должны их поправить.

А еще чего он говорил, я не помню. Если бы пограмотнее была, записала бы.

Долго очень он речь вел. А слушали его так, что муха

пролетит — и то слышно. Говорил, все рукой доказывал. А кончил, рассудил, опустил руку.

Как мы хлопали опять ему, провожали его со сцены! Ведь это память нам на всю жизнь.

Помню, он улыбался все, веселый такой стоял. Бородка так колышком. А голова здоровая, голая.

Такое дело, как он, разве сделаешь с маленькой головой? На весь земной шар заворочал народом!

... Когда он умер, передали об этом в нашу партячейку по телефону.

Мы работали в корпусе. В каждом отделении останавливались машины, и нам сообщали товарищи из парткома, что умер Владимир Ильич Ленин. Все рабочие понурились сильно. Многие потихоньку заплакали.

Морозы в ту пору были трескучие, ужасные. Ночью мы пошли с ним прощаться в Колонный зал. Прямо тьма, тьма была народу вокруг этого дома. Мы всю ночь простояли там, только перед светом попали в зал. Мимо него прошли, попрощались.

Видим, лежит Владимир Ильич в своем пиджаке, в брюках, в сорочке, так же, как и ходил. Орден на груди у него приколот. Лицо, как живое, только глаза закрыты. будто он спит. Жена, Надежда Константиновна, возле него стояла. Мы мимо шли, плакали. Уж очень большой был удар для всех.

Во время его похорон загудела фабрика наша. И вокруг нее все фабрики, заводы, депо, паровозы тоскливо так гудели по всей Москве. Даже разговора не слышно было.

И опять тут многих плач обуял.

В то время товарищ Сталин дал великую клятву над гробом Ленина двигать ленинское дело вперед.

☆ ☆ ☆

ТИТОВА Татьяна Степановна

До 1922 года я была здесь на фабрике единственной женщиной-коммунисткой. В 1922 году вступили в партию Груша Константинова, Акуля Полякова, Артемина и еще несколько работниц.

С 1922 года начала у нас работать делегаткой и Мотя Пулина, но она была очень неподвижна в работе. На собрание итти ей неохота, все бы ей домашние дела править. Она тогда в нижнем этаже жила. Придешь к окну, позовешь ее в форточку на собрание. Она кричит:

— Иди, иди! Я сейчас.

Посидишь, посидишь — Пулиной все нет. Опять подойдешь к форточке:

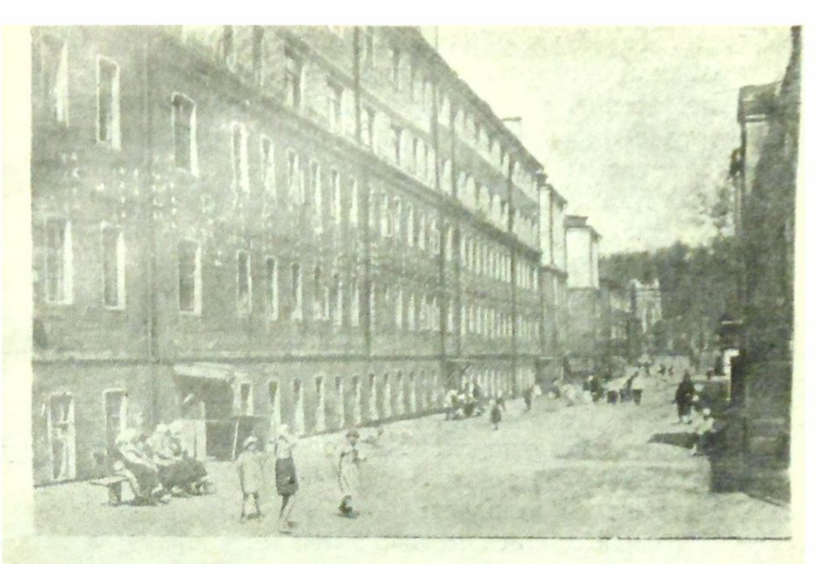
— Мотька! Что же ты на собранье-то?

В конце концов она все-таки понемногу начала втягиваться в работу. Выбрали ее в комиссию охраны труда, потом в члены президиума МГСПС, потом в члены Моссовета.

Но муж на нее влиял плохо, поругивал. Она перестала ходить в город, сдала оба мандата. Тут подействовала еще на нее оплошность партийной ячейки. Секретарем ячейки был у нас тогда Кузнецов, парень не очень чуткий. Этому Кузнецову не нравилась в некоторых случаях ее резкость. Она была уже шесть месяцев освобожденным членом фабкома, ответственным за охрану труда. И вот по настоянию Кузнецова при новых выборах она в фабком не попала. Это было ошибкой со стороны Кузнецова. Ведь надо всякую резкость с разных сторон рассматривать. Может быть, надо помочь человеку, чтобы он не был так резок.

Она на это обиделась, и у нее получилось временное замедление роста. Приходилось мне даже на дом к ней ходить, уговаривать. Но потом она одумалась и опять взялась за работу.

Много ей мешала расти родня. У них на дому частенько собиралась компания родственников — брат мужа, сестра мужа Евдокия Николаевна, муж сестры мужа Алексей Сафронович, тетка мужа Дарья и еще кое-кто. Они

Надстроенные жилые дома фабрики имени Петра Алексеева.

все выпить любили. Придут все, пьют, а она стесняется их выбросить.

С сестрой мужа Евдокией у Пулиной классовое противоречие. Та домовладелка, Пулина у нее раньше в белошвейках долго работала, она эксплоатировала труд Пулиной.

В 1924 году в день смерти Ильича Мотя Пулина вступила в партию. Мы стали ее понемногу все глубже и глубже в партийную жизнь втягивать. Я заявлялась к ней домой и говорила ей:

— Как хочешь отваживай пьяную компанию эту. Надо их сокращать. Понемножку своего Ваньку обуздывай и обуздаешь его. А то он с ними вовсе сопьется.

Ведь у них обыкновенно водилось так, что в нерабочий день с утра и до восьми часов вечера все только сидят и пьют. Денег на это требовалась уйма. Продовольствия Мотя всегда столько заготовляла, что мне бы с семьей хватило недели на две. А у нее эти гости съедали все в один день. Ей и самой не нравилось, но что подела-

ешь, гости. Такой уж обычай велся. Праздники церковные еще справляли тогда, пасху еще справляли.

И вот, помню, пришла я к ней как раз в годовщину дня смерти Ленина. Вдруг, откуда ни возьмись, эти гости. Являются втроем: Алексей Сафронович, Евдокия Николаевна и тетка Дарья, старушка. Тетка Дарья пришла выпивши. Вот она садится за стол, платок свой снимает, залысивает лысину и хочет песню затягивать.

Пулина ей говорит:

— Не орать! Что ты орешь? Не знаешь, какой день нынче? Хочешь по-хорошему сидеть, так сиди, а я на собрание ухожу.

Тетка Дарья обиделась.

— Ах, и племянничек! Какую себе жену нашел — с родней знаться не хочет...

А Матреша ей заявляет:

— С родней знаться можно, когда есть время, а нынче времени нет, вожжаться мне с вами некогда. Нынче траурный вечер. Давайте-ка уходите!

И старушка, и домовладелка, и Алексей не солоно хлебавши повышли, а мы с Пулиной отправились на траурное собрание.

У нее в один этот год получился громаднейший перелом. Стыдно ей стало, что у нее в комнате в такой день будут песни, и она выгнала своих родственников долой. Значит, она политически выросла и стала понимать, что хорошо, что плохо. Тут она уже забрала в свои руки вожжи. Она стала хозяином в комнате, а до этого хозяином был муж. Уже теперь его сестра больше к ним не приходит, эта ее бывшая хозяйка, которая эксплоатировала Пулину чорт знает как. И Иван Николаевич свою сестру ведь терпеть не мог. А уж так было заведено: обязательно принимай гостей, нравится или не нравится — принимай. Сейчас они всякую связь с ними прикончили.

Потом Пулина работала у нас на освобожденной работе председателем цехкома ткацкого цеха. Потом она работала толкачом по строительству, очень даже хорошо работала. Мы освободили ее от всяких других работ и платили ей. Она ходила в Моссовет, в учреждения раз-

ные, кого нужно было, к нам сюда вытаскивала, организовала бригады. Помню, пришла она в Моссовет и прямо к самому товарищу Булганину:

— Вот что, Николай Александрович! Принимаешь ты нас хорошо, а заявления наши в папку все-таки не клади. Надо их разрешать тут же.

После окончания строительства Пулина была у нас помощником директора по массовой работе, а затем все время и до сих пор работает председателем фабричного комитета, состоит членом МГК ВКП (б) и Моссовета.

Вот как она выросла.

...Партийная дискуссия 1921 года на фабрике была совсем слабая. Большинство коммунистов стояло на точке зрения Ленина.

А вот в 1927 году у нас тут здорово зашевелились троцкисты. Тогда много наших ребят ходило на вечерние курсы при Тимирязевской сельскохозяйственной академии. В Тимирязевке тогда троцкисты усиленно работали. Нашим ребятам там напихивали полные карманы литературы.

Троцкистская оппозиция рассчитывала тогда проникнуть на более отсталые предприятия, чтобы привлечь на свою сторону неграмотных и малограмотных рабочих. «Разве, мол, они в чем-нибудь разберутся? Тут мы их как хотим можем запутывать».

Но в этом мнении оппозиция просчиталась. Наши кадровые работницы чутьем ухватывали троцкистскую лживость.

На нашей фабрике вел троцкистскую пропаганду некто Гинзбург. Он работал на электрической станции, был очень грамотный парень, комсомолец и кандидат партии. Жил он в городе, имел там, видимо, троцкистские связи и старался проводить влияние оппозиции тут, в Михалкове.

Мы его разоблачили и вычистили.

Зиновьевцев у нас на фабрике слышно не было. Помоему, они боялись здешних работниц, знали, что у нас получат суровый отпор.

Классовое пролетарское чутье подсказывало нашим работницам, что троцкисты и зиновьевцы — враги рабочих и всех трудящихся, враги нашей социалистической родины.

Троцкистско-зиновьевская банда не смогла завербовать себе сторонников на фабрике имени Петра Алексеева и в то время. Ну, а в последние годы, когда троцкистско-зиновьевская мразь докатилась до прямого вредительства, когда они готовили террористические акты против вождей партии и правительства, когда убили товарища Кирова и готовили покушение на товарища Сталина,— что, кроме лютой ненависти и омерзения, могли они вызывать у наших кадровых пролетарок!

☆ ☆ ☆

ГЛАВА 5

ТЕМПЫ И КАЧЕСТВО

КУДРЯШЕВА Елена Агафоновна

Помню я, как начиналось на нашей фабрике социалистическое соревнование ткачих. Я тогда работала за станком и старалась работать честно, на совесть.

Вот приходит как-то к нам в цех председатель фабкома Таня Титова и говорит:

— Ты сегодня останешься на собрание! И ты, и ты, и ты...

Всех-то она созывать не стала, а выбрала, кто работал усерднее.

Вот остались мы, собрались. Начала она нам рассказывать о соревновании и ударничестве. Говорила, что первый договор о соревновании заключили между собою ткачи. А нам, тоже ткачам, отставать от других стыдно. Много еще объясняла она нам, всего я не запомнила. Она говорит, а мы слушаем. Кое-кто сразу ухватился за самую суть дела, вопросы рвется задать.

Вот кончила она, все сразу зашевелились.

— Значит, мы, говорят, должны договоры между собой заключать?

— Что за договоры? Объясни попонятнее!

А я сразу уразумела, соревнование. Не столько поняла, сколько нутром почуяла. Взяла и высказалась и вызвала на соревнование Митькину, и мы с ней тут же договор заключили. Еще две-три работницы выступили и тоже подписали договоры. За нами — другие.

Вот начали мы работать по-новому, по-ударному. На второй же месяц меня премировали отрезом сукна и двухнедельной путевкой в дом отдыха. Это за то, что мы показали образцовую работу.

☆ ☆ ☆

ТИТОВА Татьяна Степановна

Когда мы узнали из печати о развертывании социалистического соревнования на фабриках и заводах, то тоже

решили включиться в соревнование. Я в то время была председателем фабричного комитета.

Ткачи и прядильщики вызвали на соревнование друг друга:

— Вы давайте побольше пряжи, а мы наляжем на суровье.

Прядильщиков вызывает аппаратный отдел. Вызовы закрепляются на собраниях договорами. Выполнение договоров проверяется. Так развертывалось у нас социалистическое соревнование.

Я была председателем фабричного комитета с марта 1928 года по март 1929 года. До того я находилась на платной освобожденной работе только шесть месяцев в 1923 году. Тогда я заведывала охраной труда и женработой. Все остальные годы я работала в ткацком цехе ткачихой.

Организацию соревнования мы подготовляли обстоятельно.

Сперва собиралось партийное собрание цеха, на котором мы обсуждали политическую сторону дела. Потом группа членов и работников фабричного комитета вместе с профуполномоченным этого цеха разрабатывала практически, кто с кем, по каким показателям мог бы соревноваться. Проводилась разъяснительная работа с цеховым костяком — с мастерами, подмастерами, профактивом. После этого уже созывались цеховые собрания, и вопросы соревнования разбирались на них очень подробно. На этих собраниях рабочие и работницы принимали производственные обязательства, а после фабком проверял, как обязательства выполняются.

И вот как, бывало, вывесят показатели работы за месяц, тут и радость, и слезы, и плач, и смех. Одна соседка укоряет другую:

— Ты растрепа, ты обманываешь меня, только вид делаешь, что работаешь!

Потом помирятся и вместе обдумывают, как им лучше приспособить свой станок к ударной работе.

А мы на собрании уже подмастеров тянем, стыдим их:

— Что же ты? У тебя дело плохо!

Взять того же Михаила Евстигнеевича Копейкина. Он у нас временами работал с прохладцей. Говоришь ему:

— Ты, Миша, старый рабочий, а посмотри, что в твоем комплекте делается. Твой комплект плетется позади всех.

Ну, он поглядит на других и идет своих рабочих подтягивать.

В 1931 году меня выдвинули в ткацком отделе на должность сменного мастера. Я проработала сменным мастером до июля 1932 года, когда меня выдвинули на должность помощника директора по массовой работе и производственным совещаниям. В ноябре меня послали учиться на курсы партактива при МК ВКП(б).

Я проучилась там пять месяцев. После курсов проработала один год здесь на фабрике секретарем партийной ячейки. Это было с лета 1933 года по август 1934 года. А с августа 1934 года я работаю заместителем председателя Октябрьского райсовета.

☆ ☆ ☆

КУДРЯШЕВА Елена Агафоновна

Люди все больше вступали в соревнование и ударничество. Начали втягиваться в это дело охотнее даже те, кто сначала кричал против. Практика показала пользу соревнования. Скоро стала соревноваться почти вся наша фабрика.

Это было в мае-июне 1930 года.

Тут появились и встречные промфинпланы.

Скажем, я должна по плану дать девять метров сукна в день. А я брала на себя обязательство дать еще хотя бы полметра. Если я с двух станков дам в день еще полметра сукна, чего же в этом плохого? И старались давать, добивались, давали. Раньше-то, бывало, утром придешь к станку, начинаешь пить чай, разговорами занимаешься. Зайдешь назад заводить нитку, ну, и другая тка-

чиха, глядишь, заводит. Ты судачишь с ней, а станок стоит, ты внимания не обращаешь — пускай стоит...

А как мы начали соревноваться да как выдвинули встречные планы — тут уж станок не стоял ни одной секунды. Если ты побежишь завязать нитку и вдруг увидишь, что остановился станок, так скорее метнешься пустить челнок, а потом уже возвращаешься завязать нитку.

И кто бы ни подошел, всех отпихиваешь, чтобы не мешали работать.

Вот как у нас соревнование размахнулось! Результаты мы имели огромные. Выработка здорово поднялась.

Появилась какая-то развязанность в работе. Если станок хорошо ходит и уток у тебя хорош и основа не рвется, то так бы и не кончала работать. Мало кажется тебе двух станков, третьим хочется завладеть.

Люди-то у нас понимали, для чего такая спешка пошла. Все знали, что надо быстрее наше производство улучшить. Правда, попадались у нас тогда и лентяйки, которые рассуждали по-своему:

— Ну, на какой чорт я буду очень-то стараться? У меня муж достаточно зарабатывает!

Но большинство сознавало, что надо работать по-настоящему.

Как, бывало, упадет у нас выработка ниже сотни процентов, так в набат начинаем бить.

— Надо план, девчата, вытягивать!

Созываем бригадные собрания везде и всюду. На сознание работниц бьем. Тут и черепаха и вся реклама пускаются в оборот. Люди и расшевеливаются. Идут и разговаривают друг с другом:

— Смотри! Как меня на лошадь посадили, она и голову понурила, бедная.

— Надо выбраться поскорей из прорыва, чтобы в автомобиль пересесть. Веселей в нем все-таки ездить!

Люди понимали, какой страна переживает момент.

И на собраниях уже не кричали, что слишком много работы, а кричали, например, что уток плохой, что надо скорее дать хороший уток, ругали всячески того, кто плохо работает и мешает другим работать.

Вот как мы работали в первую пятилетку!

Ведь мы понимали, что в борьбе за социализм нам надо рассчитывать на свои рабочие силы. Товарищ Сталин указывал рабочему классу правильный ленинский путь борьбы, и мы в ответ товарищу Сталину работали ударно, по-социалистически, показывали на деле, что понимаем и одобряем его политику индустриализации СССР и коллективизации сельского хозяйства.

☆ ☆ ☆

ПУЛИНА Матрена Ивановна

Соревнование и ударничество на фабрике началось в 1929 году. Я тогда работала ткачихой.

В ответ на обращение ткачей Трехгорки мы тоже вступили в соревнование. Нам, ткачихам, руководители фабричных организаций разъясняли, что такое соревнование и для чего оно нужно.

Кто работал хорошо, с того брали пример. Вот Жукова работала хорошо, Ваня Лебедев. Производительность труда начала подниматься, но конкретных показателей еще не опубликовывали. Учет был поставлен плохо. О работе судили по заработку.

Получишь заработную плату и справляешься у товарок, кто из них заработал сколько.

Думаешь: «Чорт возьми! Опять она меня перегнала».

В 1929 году две ткачихи еще работали на одном станке коллективно. Обе они не знали, которая из них лучше работает. Товар тогда не отмечали, не учитывали индивидуальную работу каждой ткачихи. И хорошим работницам случалось страдать из-за разгильдяйства других.

Вот была такая ткачиха Михайлова. Все-то она ходила по станкам, не гналась за работой. Работала она вместе с соседкой, и если они зарабатывали вдвоем, скажем, рублей сто двадцать, то делили пополам и каждая получала по шестидесяти рублей.

Михайлова не спешила работать, а ее соседка, Александра Ивановна Гусарова, работала хорошо.

Я работала наискось от них. Сколько раз я советовала Гусаровой метить свою работу:

— Ты, тетя Саша, повесь разовую из белой нитки, а она пускай повесит из красной. Вот у вас и будет видно, кто сколько вырабатывает.

Тетя Саша только плакала при получке, а мер никаких против лентяйки Михайловой принимать не хотела.

Я это рассказала, как пример плохого учета работы в первый период ударничества на нашей фабрике.

А трудовой подъем был здоровый. Такие, как Михайлова, встречались в массе ткачих редко. Передовиками соревнования были Жукова, Лукьянова, Лебедев, Катерина Кусимова, Таня Федорова. Работали хорошо и зарабатывали помногу. Очень хорошо работала Митькина. Яковлева тоже работала хорошо. Такая толстая, а на работе увертлива. На доберовских станках никто больше ее не мог выработать. Впереди других шли Гаврилова и Таня Титова. Титову в том же 1929 году выбрали на освобожденную должность.

За этими людьми подтягивалась вся масса, и соревнование все прочнее входило в обиход нашей фабрики.

Продукция в те годы сильно выросла по количеству.

Каждый год перекрывал прошлый уровень. Каждый год производительность здорово повышалась. А вот качество еще хромало.

☆ ☆ ☆

АЛЕКСАНДРОВА-КРЫНКИНА Клавдия Васильевна

В 1923 году я поступила на фабрику в присучальщицы.

Сначала я была простой присучалкой, потом стала старшей. Раньше мы работали втроем на одной машине, потом перешли впятером на две. Раньше на каждой машине одна присучалка была старшая, потом я стала одна старшая на две машины.

В 1925 году я работала на третьем этаже в старом корпусе. Корпус был низкий, темный, я очень часто болела.

Надо мной в аккурат шли трубы, которые обогревали весь корпус. Большие, широкие железные трубы. Нагреешься возле них — пить захочется.

Выбежишь в холодный коридор, попьешь из крана воды, помочишь голову, станешь к открытому окошку, проветришься, опять работать идешь.

Три раза я болела воспалением легких. Появилась во мне хилость.

В 1928 году мы перешли в новый корпус. Чисто, просторно, светло, тепло, приятно. Помню, мы убрали цех елками, венков наплели, навесили лозунгов, проводили собрание в честь открытия этого цеха. Очень радостные все были.

На собрании подводились итоги нашей старой работе. Меня, Корявину, Паршину и Панкину фабричный треугольник премировал как хороших работниц.

Ведь мы, бывало, сами бегали к ткачам за патронами, надевали патроны на веретена, наматывали початки. Мы сами привозили себе ящики, укладывали початки, подво-

зили к весам, а весовщик только взвешивал. Как отставим ящики с весов в сторону, на этом только и успокоишься.

А другие присучалки, например, дожидались, когда им привезут патроны в лабазках. Раз уж они сами за патронами не ходят, ждут, то время у них, ясно, теряется, и такую выработку, как у нас, дать им становится трудновато.

Почему мы так старались работать? Мысль такая была у нас, что уж если ты работаешь, то работай как следует, хорошо.

Соседка сдает два ящика, а я дай-ка четыре сдам. Сама мысль загоралась соревнованием. Вот соседки наши везут два ящика, а мы с Марьей Ивановной Корявиной — три.

Потом так: пускаешь машину вместе с соседней машиной и смотришь, какая обгонит. Если та опережает твою, то бежишь к прядильному подмастеру Чубарову и говоришь ему:

— Чубаров! Почему та машина ушла на один ход вперед моей? Машины ведь одинаковые. Или ремень у меня плохо наканифолен?

Подгоним так подмастера, он тоже забегает, наканифолит ремень, потом скажет:

— Вот видишь, и твоя машина так же теперь ходит, как та. Ну, старайтесь, девчата.

Начинаем проверять съём друг другу, поскорее стараемся снять наработанный початок. Хоть на немного, а все-таки скорее соседки машину пустишь.

Мы с Марьей Ивановной здорово других обгоняли.

Вот за это нас и премировали.

Тут уж разговоры на собрании пошли:

— Почему Крынкину с Корявиной премировали, а других нет? Все-таки мы тоже работали.

С ответом выступил мастер Быков:

— Их премировали за то, что они стараются. И все так же должны стараться работать. Я думаю, что надо машине с машиной соревноваться.

После этого собрания работницы здорово принялись говорить о соревновании:

— Ты вот ругаться ругаешься, а попробуй, обгони-ка меня!

— Давай, обгоню!

— Попробуй!

— Кто кого — неизвестно.

Наш тринадцатый сельфактор стал соревноваться с четырнадцатым. Там работали Панкина и Паршина. Они подтянулись и начали работать гораздо лучше.

Мы приходили в корпус немножко раньше начала смены. Сбегаешь к ткачам за патронами, натаскаешь себе патронов, ящиков, масла нальешь в масленку, ровницы с нижнего этажа принесешь, приготовишь, раскатаешь ее, машину смажешь и — давай, начинай работу.

Панкина с Паршиной тоже заранее подготавливались к работе. Им уж бывало стыдно, когда они от нас отставали.

Вскоре в нашем цехе вывесили доски с производственными показателями. Мы сами выпросили себе эти доски. Нам хотелось точно знать в килограммах, кто идет впереди, кто сзади. Раньше мы определяли размах работы просто по количеству ящиков, а тут мы добились учетных досок. Как придешь на работу, первым делом бежишь к доске. Если мы впереди — радуешься, а если сзади — ссоримся с товаркой.

— Вот я говорила тебе: управляйся ловчее, машину останавливай меньше, присучай лучше, а ты все нет. Видишь, что через тебя делается?

Поругаемся и еще бойчее работаем.

Была у нас работница Маруся Никитина, очень молодая, с ребенком, она теперь у нас не работает. Еще была Полинка Птицына с химзавода. Они все подтрунивали над нами:

— Эта Крынкина только и живет за машиной. Только бы ей, чорту, все больше и больше работы брать.

Сильнее всего они кричали и меня передразнивали, когда цех переходил на повышенные нормы выработки.

— Мы работаем просто, а она как сумасшедшая. Что же,. мы так и будем все гоняться за ней?

Но за меня тут вступились другие работницы, которые тоже работали хорошо.

— Ничего! Мы будем стараться и норму выполним.

☆ ☆ ☆

ЖУКОВА Аграфена Павловна

Я работала на фабрике с 1914 года. Потом был перерыв. Сейчас я работаю с 1924 года.

По 1928 год мы работали каждая на одном станке. А в 1928 году перешли на уплотненную работу, на два станка, на «парочку». Члены партии Лебедев и Егоров были в этом деле инициаторами. А я в то время была еще беспартийная и большая бузотерка, не понимала толком суть дела.

Кричу им:

— Вам все равно не справиться, а я справлюсь!

Я работала тогда лучше всех по ткацкому цеху. Способности у меня были лучшие и проворства много.

Вот перешли мы, ткачихи, на два станка каждая. С работой я справлялась легче других.

В 1929 году меня первый раз премировали на массо-

вом собрании в клубе. Тогда уже было соревнование и ударничество, я была заправской ударницей.

Вскоре у меня умер муж. Мне дали увольнение на две недели, я очень горевала и тосковала по мужу.

И вот члены партии — Лебедев, Шагаева, Пулина — решили втянуть меня в работу. Я была совсем неграмотная. Шагаева как-то мне говорит:

— Мужа у тебя нет, делать тебе нечего. Что ты все ходишь, плачешь? Идем на работу! Будешь с нами на собрания ходить.

Пулина тоже поддержала. Дали мне первую работу по женской линии. Была я женделегаткой. Общественность меня затянула, грусть по мужу постепенно забылась, и я сделалась активисткой. В 1930 году меня приняли в кандидаты партии, а в 1931 году перевели в члены.

Работа на «парочке» шла у меня попрежнему хорошо, пока на фабрике не ввели функционалки.

☆ ☆ ☆

ТРИШКИНА Мария Степановна

Я рождения 1908 года, а на работу поступила в 1923 году.

В то время директором фабрики был Иван Алексеевич Кудряшев. Нас, подростков, набралось человек двенадцать, мы стали его просить создать из нас какую-нибудь бригаду. Иван Алексеевич принял нас на работу и дал нам бригадиром дядю Митю Шуленкова. Стал бригадир нас учить на станках работать. Плоховато он нас учил, нельзя сказать, чтобы хорошо. Сам он частенько выпивал, и мы с таким бригадиром плакали.

Обучил он нас все-таки немного работать, прикрепил нас к старым квалифицированным ткачихам. Меня посадили к Шуленковой, тете Маше.

Когда подошла я к ней, она стала мне говорить:

— Вот тут отпусти, тут останови, а вот так заводи нитку.

Я отвечаю:

— Мне непонятно, мне надо самой попробовать.

— Вот пробуй, пожалуйста.

Я понятливая была, очень быстро понимала работу. Через два дня я стала работать самостоятельно.

Когда наша группа усвоила систему станка, нас передали на шенгеровские станки. Через четыре месяца говорят:

— Идите на быстроходных опять поработайте.

Оттуда нас перебросили на пробирочные станки.

— Учитесь, говорят, пробирать.

В конце концов нас все-таки закрепили работать на готтерслеевских быстроходных станках. В 1926 году комсомольская ячейка нашего цеха объявила соревнование на звание лучшего ткача и ткачихи.

У меня и у Журавлева работа шла лучше всех, без пороков. Нас решили испытать и оборвали каждому по пятнадцати ниток. В условленные минуты мы должны были связать все без брака. Я завязала без брака, а у Журавлева оказался «козел». Он отстал в соревновании, а я заняла первое место и получила именные часы.

После этого я стала работать инструктором-заправщиком и проработала ровно четыре месяца. Затем я вышла замуж и несколько месяцев не работала. Вернулась я на производство, когда вводили функционалку. Мы, комсомольцы, должны были показать пример остальным рабочим. Директор Городнов созвал нас и говорит:

— Вы, комсомольцы, должны показать себя. Проявите свою натуру среди рабочих!

Повели нас на какую-то фабрику, показали, как работать по функциональной системе. Там мы пробыли около двух недель. Когда мы возвратились оттуда, нас снова собрали и опросили, что мы усвоили на той фабрике.

И вот приступили мы здесь к работе по функциональной системе.

В нашей группе были Бархатникова, Лебедева, Егорова, тетя Наташа и я. Поработали мы немножко, кое-как с работой справляемся. Городнов нам сказал:

— У вас результаты есть.

Ведь сначала-то мы попробовали работать всего-навсего на четырех станках. Ничего получилось. То мастер подойдет, челночок поправит, то Городнов подойдет, то заводчица, — кое-что получалось.

А когда ввели ту же систему во всем цехе да поставили одну заводчицу на целых восемь станков, то дело повернулось иначе. Я была как раз заводчицей, ходила сзади навоев, разбирала оборванные нитки и завязывала. Никак не поспевала я во-время справиться со всеми станками.

* * *

ЖУКОВА Аграфена Павловна

Эта функционалка нас всех из колеи вышибла. Вводить ее начали в конце 1931 года. Как-то раз директор нам говорит:

— Раньше вы на паре работали, а теперь будете работать сразу на четырех станках. Есть такая система, что все по функциям разбивается.

Мы глядим, глаза вылупили. Делать нечего — по функциям, так по функциям...

Вот начали мы работать по функциональной системе.

То я сама все операции делала — и основу заводила, и челнок заряжала, и ткань вытягивала, и обрывы связывала. А при функциональной системе я только челнок пускала и ничего больше.

Чтобы заряжать челнок — шпули в него вкладывать, для этого дела была зарядчица, одна на двадцать четыре станка. Если у меня обрывалась основа, связывать ее приходила заводчица, тоже одна на двадцать четыре станка. Придет, увидит, что у меня оборвана нитка, и заведет ее. Пока она обойдет все двадцать четыре станка, у меня уж столько ниток нарвется, что один станок совсем остановится.

Зарядчица тоже не успевала. Подойдет к одной, вытащит нитку, а уж нужно бежать к другой. Все ее ждали. Загруженность была большая, а толку мало, сплошной брак получался.

Например, пустила она один станок, а у нее оборвалась уточина, и получилась прометка. Это уже брак.

На втором станке в это время может получиться штука еще похуже. Сзади заплетет основная нитка, и спереди получается подплетение — тоже брак, который уже нельзя поправить на отделке.

И на третьем станке может получиться что-нибудь в том же роде. Пока она подойдет, станки остановятся.

Одним словом, большой брак, большое разгильдяйство и большая неуспеваемость пошли от этой функционалки.

Брак был всякий — заломы, морщины, крутки, протирки.

При функционалке было много разладок станов. Подмастера не успевали налаживать. Я, ткачиха, например, тороплюсь, всуну шпульку не как следует, у меня получается неполадка, а вытащить я шпульку не могу, жду, пока ко мне подойдут.

При функциональной системе было не повышение квалификации каждого, а понижение роста рабочего. Он только и знал, что пускать и останавливать. Больше ничего. При той системе ткачиха могла научиться работать в три дня. Она только пускать умела и больше ничего не могла.

☆ ☆ ☆

ТИТОВА Татьяна Степановна

Старые работницы не одобряли функционалку. Хорошего товара не получалось.

Но как мы ни доказывали это, тогдашнее руководство с нашим мнением не считалось.

Я работала в то время сама сменным мастером, и мне

приходилось скрепя сердце проводить эту функционалку. Я старая ткачиха, и я проводила функционалку потому, что я была мастером, мне это приказывали. Но когда к нам приходил кто-нибудь из МК ВКП(б), из райкома или из профсоюза, я доказывала, что на нашем производстве функционалка неприемлема.

— Может быть, если мы перейдем на более высокий сорт шерсти, она и будет рентабельна,— так говорила я,— но сейчас она не годится. Шпули хватает на семьдесят — восемьдесят ударов. Пока ткачиха одну зарядила и заряжает вторую, третья остановилась. Она бежит к ней, а та и не вертится, уже стоит. Добралась до четвертой, встали первая и вторая.

☆ ☆ ☆

КОПЕЙКИН Михаил Евстигнеевич

До соревнования, до пятилетки, когда мы работали, это было просто разгильдяйство, можно сказать. Работали кто как хотел.

Нормы были, например, очень низкие. Кто желал, тот и работал, а кто не желал,— то ничего ему не было.

А когда мы вступили в первую пятилетку, стали друг дружку брать на буксир. Стали вступать в соревнование. Стали бригадные собрания созывать. Вот мы собираем свой комплект, а другие — свои комплекты, и договариваемся побольше выгонять метров. О качестве тогда разговоров было мало.

Функционалка нам не мало бед принесла.

Работница бегала вокруг четырех станков. К одному прибежит, вставит, у другого вытащит, к третьему подбежит, а челнок торчит в полотне, станок без челнока хлопает.

А иногда челнок вылетит и в шестерню попадет. Одна ткачиха за всем усмотреть не может. И вот — в шестерне поломка, в венце неполадка, пружина, скажем, сломалась.

М. Е. Копейкин со своей бригадой.

Ткачиха по другим станкам бегает, а тут и брак, и поломка, и что хотите.

Я тогда же заявил на собрании, что это губительная вещь для продукции, говорил, что нужно уничтожить функционалку. Она никакого улучшения не давала, а только разгильдяйству способствовала. Никто не мог привыкнуть при ней хорошо работать.

☆ ☆ ☆

КУДРЯШЕВА Елена Агафоновна

Мы в первую пятилетку говорили больше о метраже, а к качеству относились поверхностно.

Мы работали редко, плотности не давали. И делали много брака.

Если у нас идет, например, близна, то мы ее и не замечали. Близна — это щель на ткани. Оборвется у тебя нитка, на полотне идет близна. А мы не замечали близны, пока ниток десять не оборвется.

Особенно много стало у нас браку, когда мы переходили на ухудшенное сырье. Фабричное руководство тогда растерялось и со своей работой не справлялось.

Директором фабрики тогда был Городнов, техноруком — молодой инженер Белиловский. Этого Белиловского больше мы учили, чем он нас. Он где-то окончил втуз и сдавал тут у нас практику, сам еще производству учился. Работал здесь за станком, а потом оказался вдруг техноруком всей фабрики.

Белиловский слабоват был следить за качеством. Да и Городнов не силен. Городнов не мог конкретно руководить. Они с Белиловским все валили на плохое сырье. А дело было тут не в сырье.

☆ ☆ ☆

ПУЛИНА Матрена Ивановна

Помню, когда было разукрупнение районов, на партконференции Октябрьского района Городнова здорово чистили. Городнов был тогда членом бюро райкома.

И прорабатывали же нас на партконференции!.. Стыдно было сидеть.

Почему же так резко ухудшилось качество продукции нашей фабрики в 1932 году? Почему она так пала в работе?

Потому, что в этот момент шерстяная промышленность переходила на огрубленное сырье, а фабрика не подготовилась к переходу.

Наша фабрика была исстари приспособлена к тонким сукнам. Все ее оборудование предназначалось для мягкой шерсти.

Без подготовки людей, без перевоспитания их, без из-

менения приемов работы, без переделки оборудования старое руководство в 1932 году перевело нашу фабрику на огрубленное сырье. Фабрика резко скатилась вниз.

☆ ☆ ☆

ТИТОВА Татьяна Степановна

Наши работницы с великой радостью приняли постановление Центрального комитета партии о ликвидации функционалки. Прямо как праздник встретили.

И как же были мы благодарны дорогому товарищу Сталину за отмену функциональной системы, придуманной бюрократами.

Тут в скором времени сменилось и фабричное руководство. Эта смена произошла с целым боем.

Помню, на отчетном собрании по перевыборам бюро фабричной ячейки я выступила с очень резкой речью о работе бюро. И многие коммунисты меня поддержали. Мы говорили, что бюро не добивается усиления производительности труда, не борется за выполнение шести условий товарища Сталина.

С нас требуют: — Докажите, почему?

Мы режем:

— Как так почему? Мы должны сейчас давать лучшее качество товара, чем прежде, а даем худшее. Рабочие те же самые, а инженерно-технических сил даже больше. Значит, должно быть больше технической слежки. Инженеры должны передавать свои технические знания, полученные в институте, нашим рабочим. Мало, что сверху смотрите, какой товар получается, а вы будьте добры спуститься в цех и показать рабочим в подробностях, откуда брак получается.

Привели множество фактов. Но как мы ни старались, Городнов все-таки гнул свое. Выходит и доказывает технологическими терминами, что это вот оттого-то, а это оттого-то и что на всю нашу плохую работу причины есть.

Тут у нас на собрании была выдвиженка из редакции «Рабочей Москвы». Она послушала-послушала наши прения и через несколько дней статью в газете дала против Городнова.

Секретарь райкома товарищ Егоров приезжает на фабрику, вызывает меня в ячейку и начинает со мной беседовать:

— Расскажи толком, в чем дело. Почему ты так резко ставишь вопрос?

Я говорю ему:

— Если на фабрике есть люди, которые не хотят перестраиваться, то как же не поставить о них вопрос ребром? Все предприятие из-за них страдает, дает бракованную продукцию. Почему мы в газете «За легкую индустрию» сидим на слонах за брак товара? Нехорошо ведь!

Он говорит:

— Мы сейчас проверяем все это.

Я ему еще привожу факты:

— Председатель фабкома Демин все делает по городновской указке! А что делает партийное руководство? На фабрике сейчас и не пахнет самокритикой. Представь себе, как трудно в таких условиях растить рабочих. Вот Пулину как было трудно растить! А если такая Пулина на собрании разинет рот и начнет о недостатках рассказывать, то директор сразу высовывает свой нос из пиджака и кричит: — Это что за оппортунистические взгляды?

Я ему говорю, бывало:

— Ты людей своими репликами не воспитываешь, а запугиваешь.

Он мне на это:

— Какое же это запугиванье — реплика?

А я ему:

— Если ты забросаешь Пулину репликами, то ты Пулину собьешь, зажмешь ей рот, и больше она не выступит. А нам нужно приучить работницу к самокритике невзирая на лица. Ты тогда хороший коммунист будешь, когда дашь возможность ей высказаться, а потом после нее сам выступишь, покажешь ей плохие стороны ее выступления и оттенишь хорошие. Вот тогда она будет понимать, где

сказала правильно, где неправильно. А когда ты бросаешь реплики, то ты этим только ее отпугиваешь.

Вот такие скандалы у нас часто бывали с ним на собраниях.

Я Егорову все это рассказала.

— Вот мне в райкоме предлагали итти учиться,— говорю ему на прощанье,— предлагали путевки в Промакадемию и в Торговую академию. Но я отсюда с фабрики не уйду, покамест фабрика не оздоровится. Когда выправим положение, можно будет и учиться, а сейчас я не пойду...

На том и кончился наш разговор с товарищем Егоровым.

Начали тут по партийной линии расследовать все это дело. Бригада работала в течение трех недель. Написала материал. Потом здесь работала еще комиссия КК — РКИ. Тоже написала материал.

Фабричному руководству был дан месячный срок для того, чтобы выправить положение. Прошло три месяца, люди ни чуточки не исправились. Тогда комиссия КК — РКИ поставила этот вопрос ребром, и фабричное руководство было снято.

Когда сменили руководство и пришел сюда директор Шаронов, то недели на три у нас какое-то замирание получилось.

Потом я прихожу к директору и говорю ему:

— Вот что, товарищ Шаронов, ты пришел сюда на фабрику и рабочих наших еще не знаешь. Я считаю, что так тебе начинать работать трудно. Давай-ка соберем кадровиков фабрики, устроим собрание для знакомства с тобой. Я сама постараюсь обойти все три смены и оповестить, кого нужно.

Он с радостью согласился.

Председателем фабкома в то время была Петрова. Устроили мы это собрание. Явилось кадровиков сотни четыре. Я председательствовала. Двадцать три человека вы-

☆ ☆ ☆

сказались. Рабочие выложили новому руководству все те болячки, которые у них накопились. Этот материал сильно помог в работе новому директору и техноруку.

☆ ☆ ☆

КУДРЯШЕВА Елена Агафоновна

Когда у нас в 1932 году брак дошел до безобразия, когда все закричали об этом, стали про нас писать и ругать нас, нам, старым кадровикам, было очень обидно за такое позорное положение нашей фабрики. Тут является на фабрику новое руководство — директор Иван Александрович Шаронов и технорук Николай Сергеевич Ефимов. Они-то и помогли нам перестроить работу по-новому.

Оказалось, что при том же сырье и на том же оборудовании те же рабочие смогли вывести фабрику на почетное место.

Прежде всего директор и технорук познакомились с нами, кадровиками. На первом же собрании мы друг с другом договорились, что нужно фабрику немедленно вывести из прорыва, что все у нас для этого есть. Имеются все возможности стать передовой фабрикой. Есть новое энергичное руководство. Надо только начать работать по-настоящему.

Первый месяц мы еще не очень-то много брака изжили, но со второго месяца дело стало налаживаться всерьез.

Шаронов всегда бывал в цехах. Поэтому, может быть, мы так быстро и подняли качество. Многое ведь зависит от конкретного руководства. Шаронов обязательно расспросит ткачиху: как ты работаешь, да чего тебе нехватает.

Николай Сергеевич тоже все ходил по цехам, выяснял причины брака, обдумывал, как бы их устранить. Он вызывал к себе отдельных товарищей, беседовал с ними об их работе. Если он увидит неправильность, то прямо тебе скажет и твердо потребует исправления. Николай Сергеевич хорошо руководил, дело знал, технорук он умелый, опытный. Работу он поставил как надо.

Обмен профбилетов на фабрике имени Петра Алексеева. Обмен производит М. И. Пулина.

ПУЛИНА Матрена Ивановна

С 1931 года я была освобожденным предцехкома ткацкого цеха. В 1932 году меня перебросили на строительство общежитий для рабочих.

Стала я бороться за одно из самых важных шести условий товарища Сталина — за улучшение рабочего быта.

Когда на фабрику пришли Шаронов с Ефимовым, мы устроили в клубе собрание старых производственников. Познакомили с ними Шаронова и Ефимова.

Рабочие рассказали новым руководителям о безобразиях, которые происходили на фабрике. Рассказали, какой большой у нас брак. Выступали Титова, Петрова, я тоже что-то сказала тут.

☆ ☆ ☆

На этом собрании все искали, где собака зарыта. Рабочим было очень обидно. Кадры на фабрике были отличные, много старых квалифицированных рабочих. Все они приходили в недоумение:

— Что такое? Мы работаем, как и раньше, а дело у нас не клеится!

И заработки стали у них меньше, потому что недоработка была огромная, и настроение рабочих упало. Это тоже на собрании подчеркнули:

— Мы, мол, меньше стали получать, и расстраиваемся. И дисциплина из-за этого понижается. Когда все идет плохо, опускаются руки.

Выступали Титова, Пулина и другие. Пулина говорила примерно так:

— Мы, мол, хотим работать, и нам нужно сейчас здесь выяснить, как дело поправить. Неужели мы такие уж плохие работницы, что сами безобразие делаем?

Товарищи Пулину поддерживали:

— Нужно нам навести порядок на фабрике, приспособиться к работе по-новому.

Тут же кадровики договорились с хозяйственниками наладить работу на огрубленном сырье:

— Не будем, мол, ссылаться на плохое сырье, а будем перестраивать приемы своей работы.

— Вы нам показывайте, а мы будем стараться.

Я начал анализировать работу цехов. Когда на фабрику приходят свежие люди, то они смотрят на все другими глазами, чем привыкшие ко всему старожилы.

Май ушел на ознакомление с фабрикой, с кадровиками, а июнь мы объявили месячником борьбы с браком.

Борьбу против брака мы начали с собрания инженерно-технических работников. Доказывали местным специалистам, что работать так, как они работают, не годится. Рассказали конкретно, что в таком-то отделе начальник его работает так-то, а надо иначе, вот так, показывали, что и как надо делать, как устранять дефекты.

Начинали мы с очень простых вещей. Вот, например,

половина всего брака происходила из-за перепутывания уточной пряжи. Это был самый первый вид брака, на который мы наткнулись на фабрике.

Наверху, где хранилась пряжа, она не была четко разделена на партии. Допустим, одни початки чуть посветлее, другие потемнее. Вот подсобный рабочий несет початки, рассыплет их и положит не в те ящики, куда полагается. А в машине потом из-за разной уточины получаются полосы и морщины, гофрированные куски суровья. Никто не заострял внимания массы на таком простом случае образования брака.

Очень плохо было дело с сырьем. Когда прежде сырье было мягкое, то подготовлять и перекрашивать его не требовалось. А когда сырье стало грубое, то потребовалось увеличить технологическую обработку его, что не было своевременно сделано. Методы работы остались старые, а сырье применялось новое, вот и получился разрыв. Надо было продумать заново каждую фазу производства. Мы этого добивались на многих собраниях, совещаниях и беседах, путем личного убеждения рабочих и специалистов. Воспитательная работа легла в основу оперативной производственной перестройки, в основу изменения всего технологического процесса.

Начальником ткацкого цеха работал у нас тогда Куликов. Это был старый мастер-практик, который хоть и не имел специального образования, но знал сорта и работу.

У Куликова на глазах перемешивали пряжу, и он был бессилен это положение изменить. Сначала он сам не придавал этому большого значения, а потом упустил контроль из своих рук, подмастера и рабочие перестали его слушаться, все дело испортилось. Когда мы пошли вместе с ним по цеху и я указал ему на то, на другое, на третье, он мне ответил:

— Да, я признаю это все, но не в силах делать иначе. Вам легче будет это сделать как свежему человеку. Разрешите мне уйти с фабрики.

Куликов от нас ушел и работает сейчас в тресте инструктором по заправке. Он специалист не плохой. Но в

тех условиях, когда нужно было произвести ломку прежних порядков, когда требовалось проявить твердость руки и меткость глаза, он не смог работать на данном участке, он чувствовал, что за ним не пойдут.

☆ ☆ ☆

ТИТОВА Татьяна Степановна

После собрания треугольник решил перекинуть меня на массовую работу. Я стала помощником директора по производственным совещаниям.

Сперва я упиралась, хотела итти учиться. Меня уже зачислили в Промакадемию. Цель моя на фабрике была как будто достигнута, руководство обновлено. Мне хотелось сесть за учебу. Я старая работница, практически знаю дело очень хорошо. Но этого мало, нельзя работать как следует, не разбираясь в технологическом процессе.

Вот я и решила технологию изучить. Но Шаронов сказал мне, что сейчас об этом еще нельзя говорить, надо поднять фабрику.

Я с ним согласилась и стала бороться с браком.

Повели мы массовую работу. С первого же дня я сорганизовала работниц и повела их по цехам.

Взяла ткачих и пошла с ними в отделку. Когда ткачихи заявились в отделку и увидели свой товар, то в ужас пришли. Товар в отделке получался рябой и морщинистый. Почему так? Потому что был перепутан уток.

Когда у ткачихи недостает пряжи, она что делает? Подходит к ящикам с утком и смотрит по цвету: красный? Красный! Она и берет его. А тот красный, что у нее был, и этот красный, что лежит в ящике, совсем разного качества и оттенка.

Она думает: «Ладно! Будет подходяще. Лишь бы метры мне выгнать, лишь бы не страдал заработок».

А в отделке получается то плетенье, то лента. Получа-

ется, что один уток сел настолько, другой настолько и дали морщину.

Вот я подошла к старой работнице Французихе и спрашиваю ее:

— Что, тетя Саша! Твой кусок-то?

А на нем и сборки, и морщины, и что хочешь. Она говорит:

— Нет, это не мой товар.

— Как же не твой? Номер-то стана твой? Твой. Ну, так давай смотреть кусок, что отчего в нем вышло.

— Не я начинала, не я кончала...

— Как ты ни вертись, а работа тут твоя тоже есть.

Ей, конечно, стало стыдно перед другими. Пошли мы оттуда в прядильное отделение, посмотрели в кладовой, как хранятся утки. Спустились в аппаратную, поглядели, как там ровницу перепутывают.

И вот когда мы все это сами пересмотрели, то увидали, как одно с другим связано.

И стал уже аппаратный отдел следить за смеской, как смеска идет, правильно ли стелют «постели».

И уже смеска стала следить за подвозчиками шерсти, не перепутывают ли они шерсть.

В каждом цехе стали следить не только за своей работой, а и за работой соседа.

Таким образом мы организовали целую систему контроля. Вот устраиваем собрание в суконном отделе, скажем. Приходят туда присучальщицы и работницы из многих других цехов.

Прежде чем открывать собрание, я говорю отделке:

— Будьте добры, принесите несколько мокрых кусков. Хоть и тяжело это, а принести нужно. А в ткацком цехе возьмите несколько кусков полосатого брака, который сделан по вине прядильного отделения.

И когда такие куски лежат у всех перед глазами, тогда на собрании люди выступают не голословно. Все видят, о чем идет разговор.

Ведь в прядильном отделении брак получается очень просто. Допустим, идет початок и обрывается. Второпях работница делает подмотку какой угодно пряжей. И по-

лучается разная пряжа на одном и том же початке. Ткачихе за этим уследить трудно. Если даже она заметит разницу в утке, то разматывать ей уже очень трудно. Брак идет дальше.

Вот весь этот процесс мы на собрании и показываем. Каждая работница видит, что если она хотела получить побольше заработок за количество, то проиграла на качестве. Ведь из-за брака зарплата многих работниц сильно снизилась.

А тут каждый начал контролировать своего соседа. Все начали следить за качеством работы. Поднялось соревнование, ударничество, огромная ответственность почувствовалась.

И качество пошло другое, высокое.

К октябрю мы уже смогли взять районное красное знамя.

Районная комиссия проверяла показатели всей нашей работы. Были ведь и другие предприятия, которые тоже претендовали на первенство.

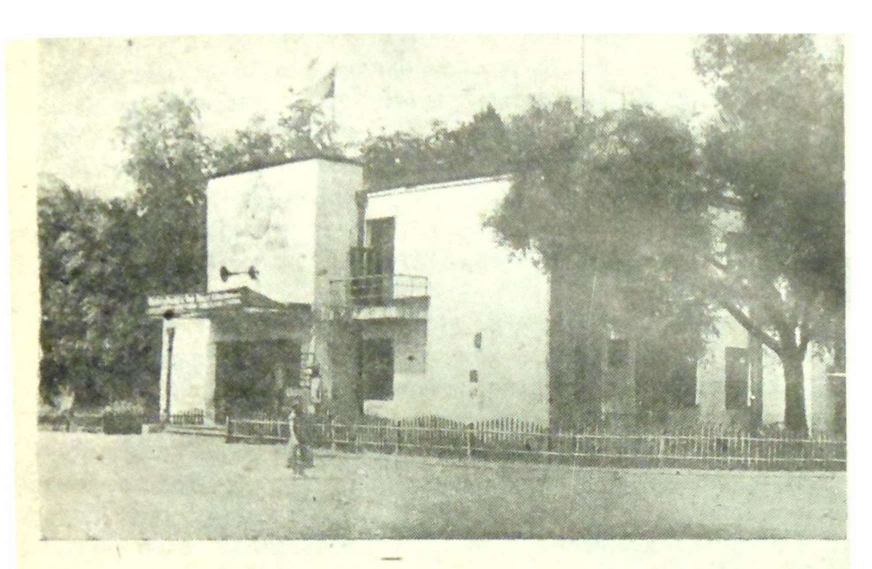
Но победа осталась за нами. Ведь за это время мы не только улучшили положение на фабрике, не только перевыполнили по всем показателям промфинплан, но и построили казармы, овощехранилище, прекрасно обработали огород. Все это наша фабрика сделала руками самих работниц.

Красное знамя мы получили в Большом театре.

Райком партии собрал там свой пленум с участием представителей всех предприятий и организаций района. Нам дали на этот пленум полсотни билетов. Мы послали туда своих работниц, подмастеров и инженерно-технический персонал. Настроение у них было такое торжественное, что даже трудно сказать.

Товарищ Смирнова, председатель комиссии, которая проверяла нашу работу, рассказала всему пленуму, какие условия были на нашей фабрике и за какие достижения нам вручается районное знамя.

Потом высказался секретарь райкома товарищ Андреасян. Он напомнил, как мы давали восемьдесят два процента брака, как на фабрике произошел перелом и как мы

Клуб фабрики имени Петра Алексеева.

боролись за выход из прорыва. Он сказал, что наши работницы, пожилые и семейные женщины, жили в это время в сараях, на чердаках, в шалашах, потому что одновременно мы перестраивали казармы, таскали на постройку кирпичи, песок и другой строительный материал и работали в огороде.

И хотя в это время работницы жили в трудных условиях, когда негде было даже отдохнуть после смены, они прекрасно учились, прекрасно работали в цехе, вытащили фабрику из прорыва и к октябрю закончили перестройку казарм.

Он подтвердил, что за все это мы заслуживаем районного красного знамени. И еще он сказал:

— Когда придешь к ним на фабрику, то чувствуешь, что каждая работница болеет за всю фабрику, что она готова драться за выполнение плана.

И товарищ Смирнова, председатель комиссии, передала нам красное знамя.

Говорят, что в это время в театре был даже товарищ

Сталин, но он сидел глубоко в ложе, и об этом никто не знал. Больше всего мы потом жалели, что мы тоже не знали этого и не смогли в такую торжественную минуту поделиться своей радостью с самым близким, любимым и родным человеком — товарищем Сталиным. Ведь это его образ, его указания и призывы вдохновляли нас на борьбу до победы. Ведь это им руководимая родная большевистская партия сделала из нас, простых работниц, хозяек жизни.

☆ ☆ ☆

ЖУКОВА Аграфена Павловна

Главное значение ударничества — повышение производительности труда. Бригады с бригадами соревнуются. Если одна бригада отстает, то другие ей говорят:

— Товарищи! Мы при таком же оборудовании, при такой же системе станков, на той же фабрике работаем лучше вас. Надо вам подтянуться! Теперь мы сами на себя, а не на Иокиша ведь работаем. Пора нам быть самостоятельными.

Вот дядя Ваня Краснощеков ударник и хорошо работает. Он всегда приходит в бригаду, которая отстает, и срамит ее:

— Я, мол, старик, а работаю хорошо. Как же вам-то, молодухам, не стыдно?

Сконфузит работниц, дела в отсталых бригадах постепенно налаживаются.

☆ ☆ ☆

КРАСНОЩЕКОВ Иван Алексеевич

Бригада моя работает, можно сказать, без устали. Которая работница поленится — подойдешь это к ней, скажешь:

— Как тебе не стыдно? Отстаешь ты от людей. Люди работают, а ты от них отстаешь!

— Иван Алексеевич! Не знаю я, отчего...

— Вот бегаешь все время, а сама говоришь — не знаешь! Работница ты крепкая, большая, здоровая, а толку от тебя мало.

Ну, начинаешь ей толковать:

— Гляди за уточиной хорошенько, чтобы челнок у тебя порожним не бегал. Раз челнок порожний ходит, выработки и нет, полотно не подается, не прибавляется. А то ты уйдешь, другой раз, назад основу распутать или связать, а у тебя тут уточина оборвется — челнок и ходит порожний. Ты стараешься, выгоняешь, а товара не получается. Надо зорче глядеть за этим.

Конечно, покажешь ей все, расскажешь. Она довольна, работает.

Потом как-нибудь насчет станка к ней придешь:

— Смазывай, мол, почаще станок. Получше гляди за ним!

Она говорит:

— Я смазываю...

— А что ты смазываешь? Дугу? Это пользы никакой не приносит. Надо смазывать там, где дырочки.

Покажешь ей дырочки, где смазывать надо. Тем дело и кончится, отойдешь от нее опять.

Глядишь потом, помаленьку поднимается, помаленьку подтягивается эта работница. То выполняла план на девяносто пять, даже на восемьдесят пять процентов, а вдруг на сто с лишним выскочит.

В нашем деле очень важно внимание ко всякой мелочи.

Вот, бывает, шпулька стоит отлично, а работа не подвигается. Шпуля сама хорошая, а в середине какие-то пережаблины в челноке. И как до этой пережаблины доходит уточина, сейчас же все разлетается. И получается на товаре прометка. Работница недоглядела, и получилась прометка, брак. Надо прометку ей назад разрабатывать. Значит, времечко потеряно, минут двадцать, а то и все полчаса. Брака-то не будет, но и товара не будет. Во время подсчета смотришь — двенадцати метров недодала.

Или, бывает, жгушечка с прядильной идет. Она в челноке перерезала нитку, нитка не разрабатывается. Работница ее все-таки пустит, думает: «Ладно! Суконщица там вытащит...»

Вот и идет волынка.

При мастере Куликове у нас внимания на это не обращали, брак пускали во-всю. Тогда ведь на функционалке работали, работница бегала у четырех станков. Тут вставит, к другому бежит, к третьему. Пока кругом обежит, один, гляди, уж порожний ходит.

Такая была волынка при этой функциональной системе.

☆ ☆ ☆

КУДРЯШЕВА Елена Агафоновна

Я сейчас работаю оператором в диспетчерской ткацкого цеха.

Очень это интересная для меня работа. Диспетчеризация — новый способ управления производством. Она введена у нас на фабрике только с марта 1935 года.

Раньше, когда нужно было вызвать, скажем, мастера или рабочую силу, на это тратилось самое меньшее минут двадцать. Пока-то пойдут, разыщут да позовут.

А теперь стоит только нажать кнопку на пульте, и сразу все будет сделано.

Мы сейчас в виде опыта обслуживаем один ткацкий цех. У нас на учете вся подсобная рабочая сила цеха. Вот, например, нужно вызвать ткачиху на перекатку. Во время перекатки на куске обнаружен брак, и ткачиха должна посмотреть, почему у нее вышел брак, чтобы больше брака не получалось.

Раньше на это затрачивалось времени самое меньшее полчаса. Перекатчице нужно было все бросать и искать ткачиху. А теперь перекатчица спокойно продолжает работать и только говорит в извещатель: «Пошлите ткачиху, такую-то в перекатку!»

Мы передаем это по своему извещателю на комплект, и подмастер сразу же присылает ткачиху. На все дело тратится минут пять. Разве это не экономия?

Сами мы сидим в «аппаратной» при ткацком цехе. Это маленькая комната, в которой стоит аппарат — пульт. С виду он как письменный стол, но в него врезаны кнопки и лампочки. Так вот кнопка, а так — лампочка. Возле кнопок мы, чтобы не путаться, надписали: «Комплект такой-то», «начальник цеха такого-то», «склад пряжи», «сновальный отдел», «директор», «технорук» и так далее.

Кроме пульта, у нас есть «извещатель» — металлическая трубочка, через которую говорим мы, и рупор, через который передается звук к нам.

Вот, например, загорелась лампочка против слова «технорук», и из рупора слышится громкий голос. Говорит-то человек в извещатель самым обыкновенным голосом, но звук пропускается через усилитель и становится громогласным.

То же самое мы, когда передаем распоряжения на комплекты, говорим просто, негромко, а в ткацком цехе наши слова покрывают шум десятков станков. Это сделано для того, чтобы сразу привлечь внимание подмастера.

Как проходит в диспетчерской рабочее время?

Вот, скажем, приходим мы на смену. Прежде всего, еще до начала смены, узнаешь, как дела в цехе. На каком станке нет основы, на каком что надо поправить, куда надо подать уток. Это нужно нам знать для себя самих, чтобы наметить план работы на смену. Ведь мы должны заранее знать, что придется сделать. Особенно в отношении рабочей силы. Туда-то надо дать заправщика, сюда — присучалку.

Мы должны планировать дело так, чтобы в цехе было как можно меньше простоев. Вся диспетчеризация должна сводиться к тому, чтобы оперативно обслуживать производство, оперативно — значит быстро и складно. Очень много вопросов мы имеем право разрешать сами. По другим вопросам извещаем начальников, даем толчок к быстрому разрешению.

Вот, скажем, если на станке перепутан рисунок, то мы извещаем сменного мастера, и он устраняет недостатки в рисунке. А если, например, надо быстро подать на перекатку суровье или пряжу, то мы сами, никому не докладывая, сейчас же по пульту приказываем навойщику, он собирает суровье и подает на перекатку.

Или, например, передаем в склад пряжи кладовщику:

— Ты должен пойти сейчас же на такой-то станок и установить там порядок. Ты сам виноват, сам напутал,— будь добр, разбирайся сам же.

Или говорят нам с комплекта:

— Станок № 78 доработал основу.

Тут мы тоже никому не докладываем. Вызываем подмастера сновального отдела:

— Готова ли основа для 78-го станка?

— Готова!

— Подавайте сейчас же.

Вот в чем и заключается работа диспетчерской.

Утром мы сдаем рапорты.

Директор и технорук, как только приходят на фабрику, спрашивают нас через аппарат:

— Сколько сегодня станков в простое? По каким причинам стоят? Сколько в работе? Сколько какой рабочей силы отсутствует?

Мы должны сейчас же по порядку отрапортовать все, рассказать, что творится в цехе.

В любой момент дня и ночи нас так же могут спросить, и мы должны быть в курсе всего дела.

Например, к двум часам дня заканчивают катать суровье. Тут становится известно выполнение плана за день. Как только перекатают, говорят нам через аппарат:

— Принимайте суровье!

Мы записываем их данные в рапорт. Не успеем записать, технорук уже спрашивает:

— Как выполнение за сегодняшний день?

И мы ему рапортуем: «Перекатали двести кусков. Из них драпа фасонного столько-то, драпа БО столько-то, трико столько-то».

В диспетчерской висят особые доски, по которым можно сразу узнать состояние ткацкого цеха. На первой доске мы отмечаем станки, находящиеся в простое. Например, одни станки стоят из-за поломок, другие из-за разладки, из-за отсутствия основы, утка. Каждую причину простоя мы отмечаем кнопкой специального цвета. Скажем, вышел станок в разладку. Мы в момент должны установить на доске кнопку такого-то цвета. Кто взглянет, сразу увидит, что столько-то станков в простое по таким-то причинам.

Другая доска отражает у нас за каждую смену остатки уточной пряжи. Третья — остатки пряжи, которая идет в сновку. На четвертой доске — передвижной график выполнения плана по суровью от начала дня и от начала месяца.

Вот в этом и заключается работа нашей диспетчерской. Ее обслуживают три диспетчера и три оператора. Диспетчеры — сменный мастер Орлов, сменный мастер Богатов и молодой инженер Морозов. Операторы — Кудряшева, Белкина и Крючков.

Диспетчер больше сидит у пульта, а оператор ведет работу оперативную.

Все сведения оператор записывает в журнал.

Раньше, например, простой ткачихе писал подмастер, а теперь подмастер только передает, что остановился станок № такой-то. Время остановки записываю я, оператор. Станок пустили — я отмечаю, что станок пущен. В конце смены мы подсчитываем итоги и через полчаса после смены уже снова рапортуем директору, техноруку и начальнику цеха, сколько станков стояло и по какой причине.

Если, например, у нас какой-нибудь звонок плохо слышен, оперативный работник обязан сейчас же слезть со своего места и пойти посмотреть, что делается в цехе.

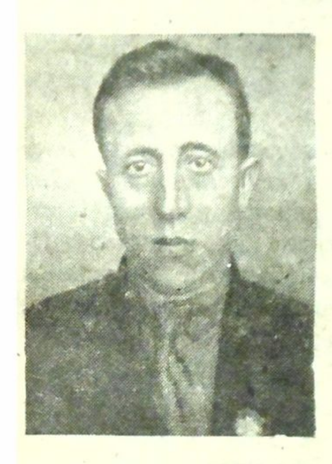
Оператор чаще бегает в цехи, чем диспетчер. Скажем, подмастер что-нибудь передал, а мы толком его не поняли. Оператор должен сразу же пойти узнать, что случилось.

Работа моя мне очень нравится. Интересная такая ра-

бота, хотя и, требует огромного напряжения. Но, если знаешь производство, справиться с ней можно.

А мне как производства не знать? Я на этой фабрике выросла.

☆ ☆ ☆

ЛЮБИМОВ Иван Алексеевич

Я пришел сюда на фабрику 8 августа 1932 года. В это время тут был полный развал с газетой.

Своевременный выход газеты обеспечен не был. Массовая работа совершенно отсутствовала, стенгазеты не выходили. Газета называлась «Функционалка».

«Рабочая Москва» в апреле и мае поместила два резких обзора «Функционалки». 8 августа по путевке райкома я пришел работать в редакцию.

Просмотрел я прежние номера газеты. Она имела примерно такой вид. На первой полосе — три статьи редактора за его подписью, на второй и на третьей полосах — опять по три-четыре статьи редактора, но без подписи. На четвертой полосе — одна заметочка какого-нибудь рабочего и перепечатка из центральных газет.

В смысле грамотности и в смысле политической заостренности вопросов газета была очень слаба. Я подобрал новых сотрудников. Созываю совещание рабкоров — ни один не является. Писем от рабкоров в газету не поступает. Я начал с оживления цеховых стенгазет. Мы заслушали на бюро партийной ячейки доклады двух цеховых партработников о том, как они руководят низовой печатью. Тут же мы разработали план работы стенных газет. Начали с выделения людей. Каждый цех получил редактора — коммуниста. Объявили конкурс на лучшую стенгазету.

Тогда особенно отличалась Любимовская, техник планового отдела, которая сейчас работает техпропом. Она добилась впервые в Октябрьском районе выпуска ежедневных стенных газет. Она выпускала их в аппаратно-прядильном цехе. Формат газеты — обычный бумажный лист. Три-четыре письма рабочих, небольшая передовица, боевая короткая информация. Хорошо работала в стенгазете и комсомолка Фролкина.

К маю 1933 года у нас было уже больше трех десятков стенных газет. Вокруг печатной газеты сгруппировался постоянный актив рабкоров в восемьдесят шесть человек. А если считать таких рабкоров, которые напишут письмо раз в месяц, то их набиралось человек двести тридцать — двести сорок.

Мы переменили название газеты сначала на «Ударное качество», а потом на «За темпы, за качество».

Мы проводили много рейдов-проверок по производственной линии, по партийной, по профсоюзной и по другим. Мы первые в районе организовали рабкоровские коллективные рапорты, возили рабкоров в кино, в театры.

У нас вошло в практику раз в пятидневку созывать инструктивные совещания редакторов стенгазет, давать им зарядку для дальнейшей работы. Работал у нас редакторский семинар.

В мае 1933 года мы получили районное знамя первенства по печати.

Как я провожу свой рабочий день? Прихожу в редак-

цию утром, провожу небольшое инструктивное совещание с работниками. У нас в редакции, кроме меня, работают еще трое сотрудников: Силкин, Алексеев и Ольга Байкова, дочь Александра Васильевича Байкова. Мы обсуждаем, что будем сегодня делать. Потом идем к редакторам стенгазет, даем им указания и задания.

В два часа тридцать минут у нас бывает короткое совещание с рабкорами. Приходят на совещание Дроздов, Алексеев, Гонтелев, Фролкина, Ефимов и другие товарищи,— много народу приходит.

А в дни выпуска стенгазет их редакторы представляют весь материал нам с утра. Мы помогаем стенгазетам в литературной обработке материала и переписываем их материал на машинке.

Потом приходит человек тридцать редакторов бригадных и цеховых стенгазет. Мы даем им лак, краски, составляем для них «шапки», и редакторы сами оформляют свои газеты.

По очередным номерам печатной газеты мы тоже всегда заранее договариваемся о материале с редакторами стенгазет и с рабкорами. Мы стараемся к выпуску каждого номера привлекать побольше людей, используем их письма, заметки, советы. Но самотек не может нас удовлетворить, поэтому мы даем конкретные задания редакторам и рабкорам, договариваемся с ними, какие вопросы будут выдвигаться в очередном номере, и организуем материал. Скажем, мы хотим дать техническую страничку. Там будут статьи: мастера Сорокина, техника-лаборанта Райхлина, будут необходимые фотоснимки. Это страничка по техническим вопросам сегодняшнего дня, по вопросам диспетчеризации, по вопросам сборки новых чесальных машин, аппаратов.

Наша газета «За темпы, за качество» печатается в типографии «Рабочей Москвы».

На фабрике у нас есть целый штат добровольных цеховых вербовщиков по подписке. Они распространяют газету, собирают подписку, получают за нее деньги. Один экземпляр газеты стоит в продаже пять копеек. Тираж наш — восемьсот экземпляров. По подписке расходится

штук семьсот двадцать — семьсот тридцать. Остальные бесплатно рассылаем организациям.

У газеты большая связь с рабочими, ушедшими в ряды Красной армии. Они нам присылают письма и фотографии, мы им газету, книги.

Во всей своей работе мы твердо помним слова товарища Сталина о том, что «печать есть самое острое, самое сильное орудие нашей партии».

☆ ☆ ☆

МИРОНОВ Василий Максимович

Мое дело — изобретательское. Я предложения вношу разные, как улучшить наше суконное производство.

Первое мое предложение было — цилиндры на каретках закрасить. Цилиндры эти были гладкие, ясные. Ровница, как натянется, должна была их вертеть, а она по ним вместо того скользила и обрывалась. Много обрывов ровницы получалось. Я стал думать, как бы их устранить, и придумал красить цилиндры. Месяцев шесть приставал я с этим предложением к мастеру Стамеровскому. Всетаки провели предложение. Ровница больше на цилиндрах не обрывается.

Второе предложение мое — увеличить патроны в прядильном на несколько сантиметров. Это значит, что початок будет больше и толще, челнок будет больше работать, станок будет реже останавливаться. Это предложение провели тоже. До сих пор так работают.

Было еще у меня предложение перематывать брак на деревянных патрончиках. Это дало возможность втрое повысить работоспособность машины. С 1926 года и до сих пор предложение мое благополучно проводится.

С 1924 года по 1927 год я делал из утильсырья крестомотальную машину. На ней до сих пор работают неотрывно, и она дает хорошую прибыль — двадцать две тысячи рублей в год.

Я вносил и проводил в жизнь еще много и других предложений.

Вот сделал заграждение по технике безопасности. Сделал тормозные круги для навоев. Кругов хватает лет на шесть, а прежние ломались ежемесячно. Я сделал своим способом бегунки для крутильного ватера. Бегунки — это колечки заграничного производства. Мы искали их в Москве целый год и не могли найти. Благодаря моим бегункам все восемьдесят ватеров крутильного отдела были пущены в ход. Заработок работницы, которая обслуживает машину, сразу скакнул со ста тридцати рублей до двухсот семнадцати.

За свои предложения я получил ряд премий.

Кто хочет меня найти на фабрике, пусть не спрашивает Миронова — навряд ли кто помнит, что я Миронов. А пусть-ка спросит:

— Где тут изобретатель работает?

На это сразу все отзовутся: вон, мол, в прядильной в самом углу, за печкой, он со своими инструментами копается.

Дело мое интересное и почетное. Приятно все-таки сознавать, что ты труд человеческий облегчаешь и социализму свою помощь даешь. Вот в чем и главное!

☆ ☆ ☆

КУДРЯШЕВА Елена Агафоновна

За шесть условий товарища Сталина борьба у нас повелась крепкая.

Ведь раньше была у нас уравниловка, и вреда ее мы толком не понимали. Скажем, работали две ткачихи на одном станке. Одна работала хорошо, другая плохо, а заработок между ними делился поровну.

Товарищ Сталин в своих условиях показал, что такая организация работы неправильна,

Теперь у нас квалификация работницы сказывается на

14*

ее заработке. Кто больше вырабатывает, тот больше и получает. Между низшими и высшими разрядами появилась большая разница. Например, чернорабочий у нас зарабатывает до ста рублей, а квалифицированная ткачиха — все двести. Или, например, сновальщица, которая сидит у разборки патронов, получает рубль восемьдесят копеек в день, а сновальщик на машине зарабатывает в месяц сто восемьдесят — двести рублей. Значит, сновальщица получает уже побуждение повысить квалификацию. Она поработает немножко на подсобной работе и всячески старается попасть на машину, чтобы дальше продвинуться. Для этого ей приходится подучиваться. И вот это стремление поднять свой производственный уровень очень чувствуется у нас в результате борьбы за шесть условий товарища Сталина.

А возможностей для повышения квалификации сколько хочешь. Есть всякие курсы, особенно по ткацкому делу. Много народу ходит на эти курсы. Из опытных ткачих вырабатываются инструкторы. Вот Митькина — инструктор, Бархатникова — инструктор, Тришкина.

Инструктор не работает на станке. Он чуть пониже подмастера. Подмастер ладит станки, а инструктор их заправляет. Ведь заправить станок — тоже надо иметь и голову и большие знания.

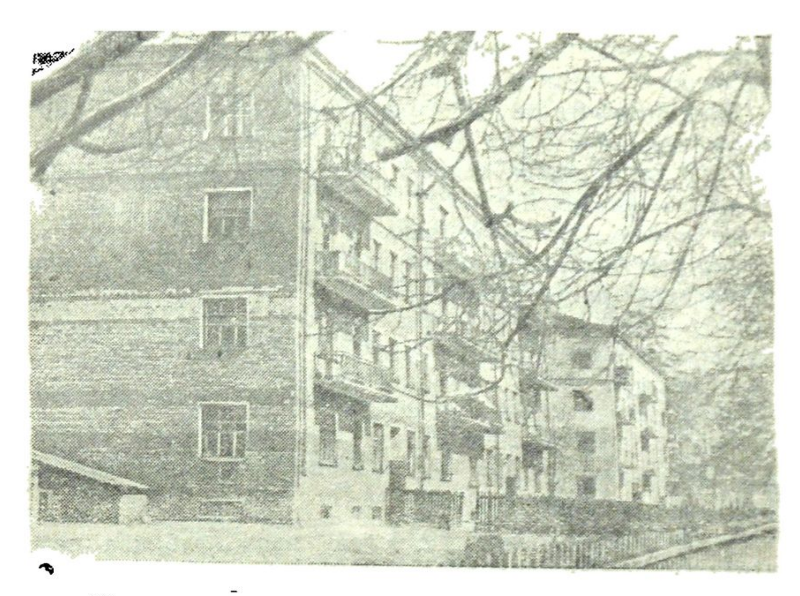
Из новых работниц многие быстро повышают квалификацию. Прилив молодежи у нас значительный. Ее мы тоже пропускаем через ткацкие курсы, и она начинает хорошо выполнять план. Вот в шестой и седьмой бригадах у нас почти одна молодежь.

Так обстоит на нашей фабрике дело борьбы с уравниловкой и дело воспитания кадров.

Боремся мы и с обезличкой.

Раньше у нас частенько бывало так, что ткачиху гоняли с одного станка на другой. Скажем, доработала она основу, а станков свободных в запасе нет. Вот и посылают куда только возможно: то туда иди поработай, то сюда.

А после шести условий товарища Сталина мы такого отношения больше не допускаем. Были введены комплекты, определенные группы станков, и бригады — группы

Новые жилые дома фабрики имени Петра Алексеева.

людей, которые на комплектах работают. Теперь не сходишь поработать на соседний комплект и не сможешь пригласить к себе работницу из соседней бригады. Каждая бригада борется с другими за первенство.

Покончили с обезличкой — можно стало проводить хозрасчет.

Появились как в ткацком, так и в прядильном цехе хозрасчетные бригады, которые получают экономию каждый месяц. Бригада делит результаты экономии между своими членами.

— Ты выработал столько-то, тебе причитается столько-то получить.

Один раз прядильный цех на средства, полученные путем экономии, устроил семейный вечер в клубе. Начальник цеха сделал доклад, потом был общий ужин, играл оркестр, танцевали долго. Очень веселый семейный вечер они устроили. И это еще больше помогло развернуть хозрасчет.

Теперь работница за станком своим следит пуще глаза. Все пылинки с него смахивает. Теперь уж не найдешь мусора возле станка. За чистотой и за сохранностью оборудования принялись следить здорово.

Чуть почувствует работница, что станок у нее ходит не так, как надо, сразу бежит к подмастеру:

— У меня станок неправильно ходит, челнок хлопает, ты должен станок наладить!

Подмастер быстро исправляет станок.

Вот как помогли нам поставить работу шесть условий дорогого товарища Сталина.

☆ ☆ ☆

ЕФИМОВ Николай Сергеевич

Во второй половине 1934 года наша фабрика поставила перед собою задачу — построить новые сорта ткани путем замены импортного тонкого лоскута нашим советским городским лоскутом.

Раньше мы давали в смесках до пятидесяти процентов импортного тонкого лоскута. Этот лоскут ввозился за валюту из-за границы. А наш городской лоскут требует большой обработки, и потому он был раньше в нашем балансе сырья принудительным ассортиментом.

Фабрика провела большую работу по изысканию лучших методов обработки нашего лоскута. В результате настойчивых усилий мы эти методы отыскали.

Установлением правильного режима обработки сырья, регулировкой скоростей на машинах, обрабатывающих это сырье, мы добились получения волокна, по качеству и, главное, по длине не уступающего импортному. Это дало нам возможность вывести импортное сырье из смески и заменить его всецело искусственной шерстью, полученной из советского лоскута.

Мы создали особый сорт драпа с вложением в смеску пятидесяти процентов этого искусственного сырья, двадцати пяти процентов полугрубой шерсти и двадцати пяти

процентов хлопка и обратов своего производства. Драп сделали фасонным, рисунчатым. Из него получились тяжелые ткани для пальто. Швейные сбытовые организации живо за него ухватились. На рынке товар получил самое широкое одобрение. И нам не стыдно стало дать ему марку: «Драп фабрики имени Петра Алексеева» («ПА»).

Под этой маркой мы и сейчас его выпускаем. Причем, давая новому сорту марку фабрики имени Петра Алексеева, мы тем самым делаем товар гарантийным, гарантируем потребителю его качество в смысле прочности к носке, прочности к свету, прочности ко всем реагентам.

Драп у нас фигурировал как центральный сорт ткани на текстильной выставке в Доме союзов. На выставке были товарищи Чубарь, Сулимов, Любимов, многие руководящие работники легкой промышленности и десятки тысяч трудящихся. Все отмечали как серьезное достижение наш драп марки «ПА», построенный на городском низкокачественном сырье.

Наша фабрика получила за этот драп вторую премию на всесоюзном конкурсе предприятий шерстяной промышленности к весенне-летнему сезону 1935 года.

Весною 1935 года наша фабрика получила задание выработать драп для шинелей работников метрополитена.

Сначала, как-то ночью, нам позвонили из центральной базы индивидуального пошива Москвошвея и попросили срочно прислать весь темносиний драп, имеющийся на складе. Мы выслали все, что у нас имелось. А с апреля мы получили твердое месячное задание на поставку темносинего драпа.

И вот, когда мы ехали на метро, я показал нашим работницам на шинели кондукторов и спросил:

— Посмотрите-ка, что это за драп.

Они пощупали и узнали:

— Наш драп. «БО 25».

Нам было это очень приятно.

В 1934 году нам удалось добиться создания драпа из нового вида сырья — из полушерстяных камвольных концов.

Камвольные фабрики имели за последние годы большое количество отходов шерстяной пряжи крученой с бу-

магой. Эти концы никуда не употреблялись и в течение ряда лет загружали склады камвольных фабрик.

Мы сумели карбонизировать эти концы, то есть удалить из них бумажную примесь путем обработки кислотой, и получили таким образом огромные запасы сырья. Недавно мы построили новый сорт драпа, доведя содержание этих концов в смеске до пятидесяти процентов. Товар берут нарасхват.

Наша фабрика имеет богатые перспективы. Реконструкция ее начата еще в 1927 году.

В 1928 году на старом фундаменте правого крыла фабрики был воздвигнут новый корпус, в котором разместились аппаратно-прядильный и ткацкий цехи. Отделочный цех остался в старой, иокишевской части фабрики. И фабрика стала двойной: новую часть ее мы называем «дворцом», старую — «крепостью».

С 1929 по 1935 год фабрика переходила от одного главка к другому, и потому реконструкция ее затянулась. Лишь теперь составлен новый проект завершения реконструкции фабрики.

☆ ☆ ☆

ЛЕЙТЕС Лев Григорьевич

Наша фабрика будет в корне реконструирована.

Технический проект ее реконструкции составлен с таким расчетом, чтобы наша фабрика стала образцом тех-

нического прогресса в области суконной промышленности, была образцом социалистического предприятия такого типа.

Значительная часть нашей фабрики помещается в старых, хаотически расположенных зданиях.

Только два последних пятиэтажных отсека главного корпуса построены в 1928 году и удовлетворяют своему назначению.

Первый же отсек — низкое малоосвещенное трехэтажное здание и второй отсек — такое же, полуразрушенное в верхних этажах, четырехэтажное здание — совершенно не соответствуют нашим требованиям.

К главному корпусу, затемняя его и нарушая простейшие требования противопожарной и противовоздушной обороны, пристроены старые одноэтажные помещения мокрой аппретуры, красильни, сушилки, старой котельной, механической мастерской и другие.

Жилой фонд фабрики тоже расположен беспорядочно и крайне недостаточен по размерам.

Оборудование фабрики устарело.

Семьдесят новых ткацких станков, полученных фабрикой за последние годы, тоже нерентабельны по работе сравнительно с теперь известными и принятыми к освоению на заводах Союза новыми типами автоматических многочелночных станков.

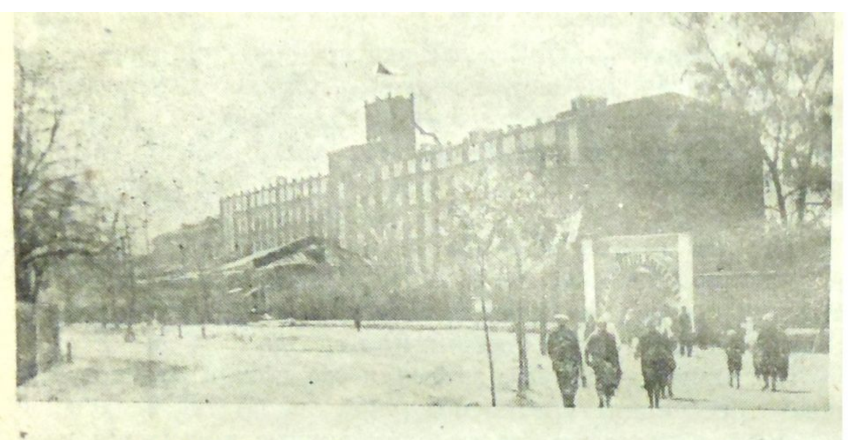
В августе 1935 года мы имели утвержденный технологический проект реконструкции фабрики, базировавшийся в основном на существующих зданиях и оборудовании.

По этому проекту мы, при капиталовложениях в десять миллионов рублей, получили бы, почти не увеличив объема производства, все же старую малокультурную и малорентабельную фабрику, которая не имела бы права существовать в эпоху социализма.

Поэтому мы разработали новый проект коренной реконструкции, поставив себе задачей целиком обновить фабрику.

Наркомлегпром утвердил наш новый проект.

Старые два отсека мы перестраиваем и делаем их такими же, как новые два отсека. В четырех этих отсеках,

Общий вид фабрики имени Петра Алексеева.

то есть во всем главном корпусе, располагается все прядение и ткачество.

Одноэтажные пристройки к главному корпусу мы сносим и вместо них воздвигаем новый двухэтажный красильно-аппретурный корпус.

Кроме того, мы строим отдельно новую котельную, новую механическую мастерскую, административный корпус, гараж, новый жилой поселок.

Мы озеленяем площадку, реконструируем подъездные пути, разделяем людские и грузовые потоки.

Из всего существующего фабричного оборудования в основном остаются лишь четыре чесальных аппарата, установленные в 1935 году. Все остальное оборудование фабрики будет новое — автоматические ткацкие станки, высокосовершенные прядильные ватера и так далее.

Такая реконструкция резко увеличит мощность фабрики.

Вместо двух миллионов пятидесяти тысяч метров тканей, выпущенных в 1935 году, фабрика после реконструкции будет выпускать три миллиона триста тысяч метров в год.

С учетом более трудоемкого и машиноемкого ассорти-

мента, фабрика увеличит свою мощность по прядению на сто шестьдесят восемь процентов, по ткачеству — на семьдесят шесть процентов, по крашению и аппретуре — на шестьдесят процентов.

Высокая степень механизации и автоматизации производства позволит освоить эту увеличенную мощность при наличном количестве рабочих.

Это даст в свою очередь снижение себестоимости обработки по сравнимым сортам на пятнадцать процентов. Качество продукции резко улучшится за счет усложненной обработки и отделки.

На все работы по реконструкции фабрики затрачивается до тридцати миллионов рублей. В 1936 году и в начале 1937 года мы проводим только часть этих работ — первую очередь реконструкции с затратой двенадцати с половиной миллионов рублей.

В эту первую очередь мы перестраиваем наш главный корпус, строим гараж и отделочный корпус.

В зданиях пока остается почти все старое оборудование. К нему добавляются девяносто новых ткацких станков, четыре чесальных аппарата, семь прядильных ватеров и сушилка. Новое оборудование устанавливается там, где оно должно стоять по основному проекту. Старое остается на прежних своих местах.

Таким образом, уже в 1937 году, по окончании первой очереди реконструкции, мы будем иметь фабрику мощностью в три миллиона метров в год, из них два миллиона сто тысяч метров существующего ассортимента и девятьсот тысяч метров ассортимента по основному проекту.

Тем самым мы поможем быстрее выполнить лозунг великого вождя товарища Сталина об утроении выпуска предметов широкого потребления.

В первой очереди реконструкции мы не только улучшим условия труда на фабрике, но и увеличим ее мощность по прядению на семьдесят семь процентов, по ткачеству — на сорок девять процентов и по отделке — на сорок пять процентов.

Кроме того, по проекту первой очереди мы строим один большой жилой дом и переносим механическую мастерскую в прежнее помещение отделки.

Итак, в 1936—1937 годах мы осуществляем с некоторым расширением и поправками примерно ту же самую реконструкцию, которую предполагали осуществить по старому проекту. Однако, мы осуществляем ее лишь как первую очередь большой реконструкции. Таким образом, мы избегаем крупных ошибок и неувязок при дальнейшем превращении нашей фабрики в образцовое по культуре, автоматизированное и механизированное предприятие.

☆ ☆ ☆

ГЛАВА 6

Кадры решают все

ПЕТРОВА Марфа Петровна

В 1929 году я была еще беспартийной, но мне, помню, очень понравилось, как чистили Татьяну Титову. Ее очень хорошо чистили. Выступали работницы, говорили речи такие, что она хорошая коммунистка, всех нас растит.

Как раз она и меня-то вырастила.

Вот я выступила и говорю о ней:

— Нужно равняться остальным коммунистам по Татьяне Степановне, свои знания передавать работницам. Татьяна Степановна нам много помогла.

Бычкова выступила, Головина. Они говорили, что мало таких коммунисток есть, как Титова, к которой можно всегда притти со своей нуждой и по быту и по выполнению программы и которая научит, как надо себя вести.

Председатель комиссии послушал, послушал и говорит:

— Достаточно. Видно, что Титова у вас ведущая коммунистка.

Петрова Марфа Петровна

Это так она чистилась в 1929 году. А в 1933 году ее выделили в комиссию по чистке других предприятий, и она чистилась прежде всех.

Первая и вторая смены услыхали, что чистится Титова. Мы работниц зовем на чистку, а они идут и говорят:

— Что ее чистить? Мы все ее знаем. Нечего ее чистить!

Мы говорим:

— Ее на большую работу выбрали. Она будет других чистить на химзаводе.

Вот выходит Титова чиститься — ей большие аплодисменты от работниц.

Одна выступает со слезами, другая со слезами. Человека три выступало и все со слезами. Фирсова расплакалась, Матрехина разревелась.

Да и действительно, мало есть таких коммунисток, как Титова, я еще таких не встречала. Она нас растит, как мать.

Очень быстро и очень торжественно в этот раз чистилась Татьяна Степановна.

☆ ☆ ☆

ТИТОВА Татьяна Степановна

Это было во время партийной чистки 1933 года. Я только что кончила курсы МК и проводила чистку на химическом и хрустальном заводах. Вызывают меня в райком и говорят мне:

— Тебя на фабрике в секретари партячейки товарищи намечают.

Я спрашиваю:

— Почему?

— Полянского надо снять. Он не справляется.

Я стала отказываться. Говорю:

— Мне будет тяжело работать секретарем.

А мне отвечают:

— Ничего, научишься.

Меня действительно выбрали секретарем, я приняла от Полянского дела и стала работать.

Райком партии уделял много внимания нашей фабрике. Сам секретарь, товарищ Андреасян, часто бывал у нас. Наших рабочих вызывали на беседы в райком, а нас, фабричный актив, Андреасян на месте учил, как надо работать.

Ведь мы работали дружно, но беспорядочно. Кто ни берет какое дело, тот его и решает. Андреасян учил нас соблюдать распределение обязанностей:

— Зачем ты у нее «хлеб отнимаешь»? Это ее дело, а не твое. Ты изволь своим заниматься.

А нам это было в диковину. Мы просто-напросто работали коллективно и не считались, что одно должна делать, как председатель фабкома, Петрова, а другое, как секретарь партячейки, Титова. Мы друг на друга не обижались: то секретарский вопрос председатель решает, то председательский — секретарь.

Теперь мы поняли, что это неправильно, что для четкой работы необходим порядок:

— Нельзя ущемлять достоинство председателя. Ты вот будешь все за нее делать, потому что хочешь помочь ей, а на самом деле у Петровой лицо смазывается. А ты, Петрова, тоже не залезай в дела партячейки.

И всегда такие практические указание помогали нам исправить наши ошибки.

На бюро райкома вызывали с отчетами наши цеховые ячейки. Заслушивались сообщения Лебедевой, Фирсовой и Булыгиной, секретарей сменных ячеек ткацкого цеха. Обсуждение их отчетов было для нас всех прекрасной школой.

Политическое воспитание коммунистов и беспартийных рабочих тоже у нас сильно подвинулось. Вот помню, как Андреасян говорил Петровой:

— Ты председатель фабричного комитета, а сама политически малограмотна. Пройдет год, и ты отстанешь от своих же работниц.

Петрова после этого начала с большим рвением учиться, а я послушала их разговор, примерила его к себе и тоже на ус намотала. Хоть я и кончила курсы МК, но до того нигде не училась, и мне самой нужно здорово по политической линии подтягиваться. И я старалась глубже вникать в газеты, в доклады, в книги. Особенно внимательно я изучала «Вопросы ленинизма» товарища Сталина.

С какого конца, думаю, приступиться к работе секретаря? Буду людей растить.

Вот мы с Михайловой, нашим культпропом, прежде всего разбили людей по школам. Посмотрели их знания, проверили хорошенько и назначили товарищей в разные политшколы. Одних — в совпартшколу, в марксистско-ленинский первый кружок, второй кружок, других — в комвуз, третьих — в кандидатскую школу, в ликбез. Словом, разбили всех людей по учебе. Конечно, учеба у нас не так легко проходила. Спервоначалу приходилось за каждым человеком следить. Как день учебы, так мы обе, и секретарь и культпроп, никуда не уезжаем с фабрики. Обязательно каждого проверяем, учится он или отлынивает. Тут мы много повоевали с нашими профсоюзниками. Придешь, бывало, в фабком к Петровой, а у нее все председатели цехкомов расселись и тараторят.

Говоришь ей:

— Ты что всех забрала? Сегодня день учебы, идите учиться!

А они:

— Да нам нельзя. У нас дела не ждут.

— Какие вы руководители будете, если сами не учитесь? Сейчас же отправляйтесь учиться!

Прямо так и загоняла наших председателей на учебу.

С Петровой «до зубов» в конфликты вступала. Она как председатель фабкома была загружена и частенько пропускала учебу. Наши ребята из литкружка прописали ее в газете.

☆ ☆ ☆

ПЕТРОВА Марфа Петровна

Шла областная конференция нашего союза текстильщиков. Председатель облaсткома прислал телеграмму, что Петровой настоятельно поручается обеспечить явку всех профгруппоргов на конференцию. А был как раз день учебы. Я и увела с собой на конференцию всех групоргов. В следующий раз приходим учиться, видим — висит газета, и в газете нарисована я наседкой, а профгруппорги цыплятами. Я будто бы говорю им:

— Ну, детки, следуйте моему примеру. Пойдем на конференцию, послушаем о задачах цеховых комитетов, а учеба будет потом!

Руки мне сделали толстые, я их растопырила, точно крылья, а председатели, все маленькие, за мной.

☆ ☆ ☆

ТИТОВА Татьяна Степановна

Приходит Петрова в ячейку, газеты еще не видела и говорит мне насчет учебы:

— Что же, я должна срывать свою работу из-за учебы?

Я отвечаю ей:

— Работу ты свою не срывай, а раз люди твои не пошли на учебу, то тебя как председателя и продернули в газете. Ты думаешь мне приятно, что тебя, предфабкома, так ловко нарисовали?

Она — в рев, плакать давай. Поплакала, поплакала и аккуратно стала ходить на занятия. Весь профактив тоже стал после этого гораздо усерднее заниматься.

Был такой случай, греха таить нечего. Ясно, что это мы с Михайловой посоветовали ребятам нарисовать Петрову в газете.

Тут всякими мерами действовать приходилось. Скажем, проверяешь, кто отсутствует на занятиях, и какой-нибудь работницы нет. А работает она в ночной смене, значит могла быть. Ты уж знаешь, чем это дело пахнет,— наверно стирать решила. Просто-напросто отправляешься сама в прачечную, находишь ее и говоришь ей:

— Ты что, Вдовина? Чего разложилась? Собирай-ка монатки и подымайся учиться!

Ну, ей стыдно, она идет.

Я им сколько раз говорила:

— Когда ты придешь с ночной смены, ляг поспать на часочек. Потом можешь стирать. А после обеда, как отучишься, иди спать.

Тут ведь надо так рассчитывать, чтобы люди и учились и промфинплан у них не страдал. Чтобы наш партийный актив, который в цехе руководит, и по выполнению программы был впереди всех.

И нужно было людей организовать, направлять.

Есть у нас вот Нюша Бычкова, очень хорошая активистка, член райсовета. Она вышла замуж, и муж ее немного тащил назад. День учебы — Бычковой нет. Что такое? Подхожу к ее двери, смотрю — муж ее, Командышкин, ругает Нюшу. Я их ссору ликвидировала и увела Бычкову учиться. Потом приучила и Командышкина — он тоже стал учиться ходить. А спервоначалу надо было искать их по домам. Ничего не поделаешь.

Подтрунивал над нами кое-кто:

— Балуете вы товарищей таким методом, что ходите по домам за ними. Можно ведь объявление повесить.

А я слушаю их и думаю:

— Нет, друзья! Объявления вешают для более грамотных, а когда люди еще только втягиваются, тут объявлениями не отделаешься. Тут надо посмотреть, чем каждый у себя занят. Подчас, бывает, придешь к работнице и видишь, что у нее муж развозился, вмешивается в ее партийные дела. Ну, что ж, и в это приходится вникать, на место его ставить. Ничего не поделаешь.

Мы решили обязательно поставить партучебу на должную высоту.

И вот наши школы в 1933—1934 учебном году получили вторую премию по району. Посещаемость была хорошая, а успеваемость даже очень хорошая. Комиссия из райкома проверяла, кто что знает. Товарищ Андреасян выезжал к нам, и культпроп Левинзон тут был, и инструкторы из райкома были. Они спрашивали каждого коммуниста в отдельности, присутствовали на занятиях и задавали вопросы. Наши работницы очень хорошо отвечали. У нас даже была тогда выпущена газета, где выведены лучшие ученики и преподаватели. Лучшими учениками тогда считались Ольга Вдовина по кандидатской группе, Шура Андреева по совпартшколе. Хорошо учились еще Петрова, Бобылева, Лебедева и Фирсова.

☆ ☆ ☆

ПЕТРОВА Марфа Петровна

Кое за что нас и поругали. Мы карты совсем не проходили по географии. Зашел разговор о том, какие заводы есть в Ленинграде и в Сталинграде. Фирсова смешала Ленинград со Сталинградом:

— Это все равно, говорит, что Ленинград, что Сталинград. Одно и то же.

Андреасян из-за этого очень расстроился:

— Какой же вы, скажите пожалуйста, актив? Как вы беспартийным рабочим газету объяснять будете, раз сами путаете Сталинград с Ленинградом? Обязательно географию ввести надо!

☆ ☆ ☆

ТИТОВА Татьяна Степановна

Наши школы претендовали на первую премию по району, но из-за случая с Фирсовой мы получили только вторую. А по учебе во всем районе наши школы были поставлены лучше школ всех других заводов и фабрик.

Для того чтобы крепче растить людей, мы следили не только за их учебой, но и за их работой. Мы распределяли людей по фабрике и работу по людям, смотря, кто к чему годится.

Допустим, секретарь цеховой ячейки распределяет у себя людей сам. Конечно, мы помогаем ему в этом, но все-таки нельзя же убивать инициативу у человека. Люди распределялись более или менее так, чтобы по возможности в каждой бригаде и в каждой смене было по коммунисту. В некоторых бригадах оставались у нас одни беспартийные, но зато уж проявившие себя надежными людьми. Мы и беспартийных-то отлично всех знаем на своей фабрике. Помним, кто чего стоит. И когда мы людей расставляли по цехам, бригадам и сменам, то тут же с ними уславливались, кто отвечает за какую общественную работу. Скажем, Нюша Белкина из шестой бригады отвечает за культмассовую работу в бригаде. Значит, с нее и спрашиваешь. Если из ее бригады не ходят люди учиться, тянешь Нюшу:

— Почему у тебя люди не учатся?

Другой человек, скажем, отвечает за организацию социалистического соревнования. Он входит в производственный сектор цехкома. Допустим, заканчивается месяц.

Производственный сектор должен заранее проследить, как подготовлены показатели, чтобы их своевременно рассмотреть и проверить. Вот какая-нибудь работница сомневается, правильно ли подсчитали ее выработку. Она просит такого товарища: «Будь добр, приди, проверь мою выработку. Меня как будто бы обсчитали. По моему подсчету получается столько-то, а у конторы так не выходит».

Бывали случаи, что на мерильном станке получались недоразумения и обмеры. Товарищ из производственного сектора цехкома пойдет, пороется и выяснит, что человека обсчитали на пять-шесть метров.

На советскую работу у нас были выделены члены советов и члены секций советов. И на судейскую работу тоже были выделены у нас люди. Также и на шефскую работу. Вот Нюша Бычкова, как член партии, была выделена у нас для шефства над школой. Никакой другой работой по партийной линии мы ее старались не загружать. Из года в год Нюша ездила с пионерами в лагерь, привыкла к ребятам, по-хозяйски помогала школе во всех нуждах.

☆ ☆ ☆

ПЕТРОВА Марфа Петровна

Я только что кончила шестимесячные курсы профработы при Центральном комитете союза шерстяников. Мне дают другую фабрику, красильную ростокинскую, с полутора тысячами рабочих. Посылают туда работать председателем фабричного комитета. Я говорю председателю ЦК союза Никитиной:

— Послушай, я боюсь. Я грамотна-то не очень. Пойду-ка я обратно на свою фабрику.

— А что ты там собираешься делать?

— Ну, пойду обратно в свой цех.

— А кем ты будешь там работать?

— Секретчицей.

— Нет, это не дело. Для чего же тебя учили?

Я стала ее убедительно просить послать меня обратно на свою фабрику: «Я, мол, и технически малограмотна и политически недостаточно грамотна. Тут меня все знают. Кого из итеэровцев ни попрошу, мне помогут. А там с меня будут больше требовать...»

Никитина слушала, слушала и отвечает:

— Ну, чего ты боишься? Все говорят, что ты хорошо работаешь, тебя два раза премировали, почетную грамоту тебе дали, а ты заявляешь мне, что не справишься.

— Ну, ладно. Пойду с Титовой поговорю.

Прихожу к ней и пою ту же песню:

— Хочу отказаться, боюсь не справиться. Я ведь малограмотная, боюсь сконфузиться. Вдруг фабрика моя не будет ведущей и меня оттуда снимут? Стыдно будет тогда...

А Титова мне на это:

— Не выдумывай, пожалуйста! Иди и бери ту фабрику. Нельзя все время сидеть только на своей фабрике. У нас тут кадров много. Сейчас же отправляйся и уговаривайся...

Вернулась я в ЦК союза к Никитиной, она спрашивает:

— Ну, как, Петрова?

Я говорю:

— Пойду. Пойду с вашей помощью. Чтобы вы мне помогали.

И всегда я о важном с Титовой советуюсь. Она толково расскажет и объяснит.

☆ ☆ ☆

ТИТОВА Татьяна Степановна

Мы так и смотрели, чтобы каждому работа пришлась по силам. Если человек пограмотнее, то можно дать ему работу потяжелее. А малограмотному человеку надо дать работу полегче, чтобы его этой работой не оттолкнуть.

И вот благодаря этому у нас на фабрике получился

очень большой актив. Собирается собрание. Всякий начинает свои болячки выкладывать. Иногда человек, может быть, и не по существу немного вылезет, но приходится его выслушать, нельзя его останавливать. Выслушаешь, потом говоришь: «Твой вопрос будем разбирать тогда-то. Ты к этому времени еще подготовь, что у тебя накопится. А сегодня мы разбираем вопрос такой-то».

А если у него, скажем, много материала скопилось, то мы тут же выдвигаем людей проверить этот материал и помочь ему самому разобраться в нем.

И у нас на собраниях говорили все сколько влезет. Собрания наши долго затягивались. Иначе было тогда нельзя. Надо было давать людям высказать весь запас на собрании, чтобы не убить в них активность. Если дашь высказаться пяти человекам из двадцати — двадцати пяти, то остальные обидятся и не станут в другой раз говорить.

И мы считали своим долгом давать всем высказываться. Этим выковывали своих местных ораторов.

Нынче она, может быть, скажет криво, коряво, зато завтра опять выступит и постепенно научится.

И когда некоторые грамотные люди из служащих усмехались на рабочие речи,— неправильно, мол, они выражаются,— то мы таким людям при всех выговаривали:

— Ты что смеешься? Вот я тебе предоставлю слово, и ты, пожалуй, скажешь хуже ее.

А когда у нас на собраниях бывал кто-нибудь из райкома, то попросту удивлялся:

— Да у вас все — ораторы!

А это все потому, что мы им дали возможность вырасти, что называется, вытягивали людей. Как дело подходит к прениям, начинаешь, бывало, людей раскачивать:

— Ну, что же ты? Вчера орала на бригаде, а сегодня почему не высказываешься? Чего боишься? Подмастера, что ли? Давай, как следует потрепли его на собрании!

Ну, она пожмется, пожмется и выступит. А раз она сказала, смотришь, и подмастер говорить начинает. Доказывает, что это было не так. Мы ему разъясняем:

— Пускай это было не совсем так, но ты как подмастер, как командир бригады должен был выслушать ра-

ботницу и помочь ей, а не просто отмахнуться, как ты сделал.

Так мы воспитывали и работниц и бригадиров-подмастеров.

Смотришь, на следующем собрании еще несколько работниц высказывается о недостатках своих машин и об отношении к этому подмастеров. А через некоторое время, глядишь, вереницами целыми выступают такие женщины, которые нигде никогда и не выступали. Значит, люди начинают расти. Если она на общем собрании еще стесняется выступить, то на цеховом она выступает, а на бригадном, как говорится, зубами свое вырвет.

Райком и Московский комитет партии уделяли нашей фабрике очень много внимания. Ведь фабрика считалась тогда отсталой, в большинстве на ней работали женщины малограмотные. Надо было поднять нас до уровня других предприятий.

И подняли. В последние годы наша фабрика стала уже ведущей. По ней равняются другие фабрики и заводы.

Секретарем партийной ячейки на фабрике я была до августа 1934 года, потом организовался у нас партком и секретарем выбрали Рыжову.

☆ ☆ ☆

РЫЖОВА Мария Ивановна

Говорят, что Лазарь Моисеевич Каганович, когда был секретарем МК, при новых политических событиях часто спрашивал:

— А что думают об этом работницы фабрики имени Петра Алексеева?

Это показывает, как высоко оценивают руководители партии и правительства кадры нашей столетней фабрики.

27 апреля 1935 года в Большом театре было торжественное заседание нашего районного партийного комите-

Рыжова Мария Ивановна

та с представителями предприятий, посвященное первомайскому празднику.

От нас там выступали Елена Мартыниха, Краснощеков и Кудряшева.

Иван Алексеевич Краснощеков сначала говорил о том, как раньше работал, как трудно и тяжко было. А потом рассказал, что наши лучшие теперешние ударницы — его воспитанницы, из его молодежной бригады.

Ему много раз аплодировали и особенно последним словам его:

— И привет вам еще от этой молодежной бригады. Я сам учусь, и они учатся.

И верно, наши первые стахановки на фабрике и в районе — воспитанницы бригады Ивана Алексеевича Краснощекова.

Свой огромный производственный и жизненный опыт Краснощеков передал этим девчатам, из которых часть недавно пришла на фабрику из деревни. Новые люди под влиянием старых кадровиков стали замечательными производственниками и активистами.

А ведь старых пролетариев у нас на фабрике сотни, и

сотни их живут в фабричных квартирах как инвалиды-пенсионеры.

Это дружное рабочее гнездо отлично воспитывает и пришлую и свою молодежь. Краснощеков не один. Возьмите Титову, возьмите Пулину, Французову, Копейкина, Крылкина и других. Тот, кто сам еще вчера был темным и малосознательным, поднявшись, сразу тянет за собою товарищей. В том-то и сила рабочего класса.

В огромной воспитательной коллективной работе, которая породила героев борьбы с разрухой, породила ударников, породила стахановцев, пришлось частично участвовать и мне, как секретарю парткома фабрики, в 1934—1935 годах.

Я родилась в 1904 году в теперешней Ивановской области. Мать и отец мои — текстильщики. Отцу сейчас шестьдесят восемь лет, он проработал на производстве лет пятьдесят и работает до сих пор.

В 1917 году я окончила четырехклассную земскую школу. Мать подготовила мне пару станков на фабрике, поп советовал стать портнихой, но я решила, что революция дает мне возможность учиться дальше.

Я поступила на курсы для взрослых, потом во вторую ступень. Учились в те годы плохо, все больше распределяли селедки и ездили с мешками за хлебом.

У нас в рабочей слободе организовалась в апреле 1920 года ячейка Союза коммунистической молодежи. Я была в ячейке товарищем председателя, потом председателем, потом ответственным секретарем. В то же время я исполняла работу библиотекаря, суфлера и режиссера драмкружка. Это все были общественные нагрузки.

В 1920 году я бросила учебу и поступила в Губкож рассыльной. В 1921 году меня приняли в партию. Целый год я боялась сказать дома, что состою в партии. Родители мои были очень религиозны, хотя сочувствовали революционному движению еще в годы царской реакции.

До 1924 года я работала в учреждениях Иваново-Вознесенска. Гараня Гнедин, один из старейших большевиков области, член партии с 1898 года, член бюро Ивановского губкома, знал меня буквально с пеленок.

Поэтому он брал меня к себе во все те организации, где работал.

В 1924 году он привел меня за руку в губком партии и сказал:

— Пора Машеньке учиться!

Заведующая губженотделом Пелагея Яковлевна Воронова, которая теперь начальник Главного управления шелковой промышленности, послала меня учиться в Москву на двухгодичные политико-просветительные курсы. Эти курсы развернулись в политпросветинститут имени Крупской. По окончании института я вернулась в Иваново и работала там в 1927—1929 годах преподавателем губсовпартшколы, членом пропгруппы губкома, заведующей окрженотделом.

В 1930 году я была секретарем партийной ячейки фабрики «Красный Профинтерн», была избрана членом обкома партии.

На фабрике я проработала год, оттуда меня перебросили в один из районов области в качестве заведующей орготделом райкома. Потом я работала инструктором Ивановского горкома партии.

В 1933 году я приехала в Москву и стала на учет в Октябрьском райкоме. Меня хотели сразу послать работать секретарем партийной ячейки на фабрику имени Петра Алексеева, но потом задержали в аппарате райкома. Я работала инструктором районного комитета партии до июля 1934 года, будучи связана с этой фабрикой.

С января 1934 года я член райкома партии и с августа 1934 года по октябрь 1935 года — секретарь партийного комитета фабрики имени Петра Алексеева.

Я часто беседую с нашими работницами. Вот был у нас перед 1 Мая доклад о международном положении. Присутствовало на нем человек триста, а билетов мы роздали шестьсот. Я и зашла в производственный буфет поговорить с работницами, отчего они не все были. Давай упрекать их.

Они мне на это:

— Некогда было нам. Мы сейчас прибираемся, ком

наты моем, ездим в город за подарками, картинами, портретами, цветами живыми.

Так многие мне отвечают, а за отдельным столиком сидят четыре работницы и увлеклись разговором между собой, меня не слушают. Я подхожу к ним. Вижу, сидит Стеша Парашина, мужа которой задавили на Ходынке во время коронации Николая Второго, и объясняет троим остальным своими словами международное положение. Я спрашиваю:

— О чем вы тут разговариваете?

А она мне:

— Вот доказываю им, почему войны не боюсь, не как раньше.

— Ты ж вчера на собрании не была!

— Ну, что же! Я по радио все слышала до последнего слова.

— Почему ты не боишься войны?

— А потому не боюсь, что наша армия теперь хорошо вооружена и границы тоже сильно укреплены. Теперь у нас промышленность и сельское хозяйство на высоте. Все это мы под руководством товарища Сталина сделали. Все это он направил. Ишь как укрепились!

Я говорю ей:

— Видишь ли, ведь будущая война и в тылу будет происходить. Может, над нашей фабрикой появится аэроплан, с которого неприятель газ пустит. Нам нельзя успокаиваться, что если армия крепка, то и беспокоиться не о чем. Нам надо всем быть готовыми к войне, к борьбе с бактериями и газами. Видела ты, как у нас в противогазах работают?

А она:

— Еще бы! Конечно, видела. Целый цех работает в противогазах. Я знаю, зачем нужен противогаз. Это дуры только не умеют пользоваться противогазом. Я так и говорю всем.

... С Пулиной мы дружно работали. Скажем, проводим мы общее собрание рабочих. Она со мной заранее уславливается:

— Давай мы так сделаем. Ты политически выступай, а я потом скажу свое слово по-профсоюзному.

И вот я обрисовываю политическое значение какого-нибудь вопроса, допустим, перевыборов советов или демонстрации первомайской. А она потом встает и начинает резать конкретно:

— Во-первых, вы должны нарядиться. Маша, неужели ты в этом платье пойдешь на демонстрацию? Я знаю, у тебя есть шерстяное платье, а пороешься в сундуке — найдется и шелковое.

Потом она еще кого-нибудь называет:

— А ты, дядя Вася, такой небритый придешь? Не возьмем такого небритого. Побрейся, обязательно побрейся.

Вот так она и внушает им попросту. И часто они лучше поймут ее, чем меня, когда она так конкретно скажет.

Вспоминается мне такой случай. Это было еще в первые дни моей работы на здешней фабрике.

Иду я на собрание по поводу какой-то бытовой стычки между работницами в одном из наших домов.

Кто-то по комнатам побежал, кричит:

— Идите все на собрание!

А Варя Гаврилова — руки в боки — стоит на лестнице и орет на меня сверху:

— Ты кто такая будешь? Ты дров не пилила тут в голодуху? Мы дрова без тебя пилили!

Тогда я тоже сделала руки в боки и огрызаюсь:

— А ты что кричишь? Я у вас не пилила, так на другой фабрике пилила. Такая же фабрика, как у вас!

Пошутила я что-то и прошла мимо нее. Ей очень понравилось, что я не дала ей спуску. Она мне вслед закричала:

— Ага! Ты, видать, сама с производства?..

... В работе парткома мы взяли курс на укрепление партгруппы.

Партгруппы у нас сменно-цеховые, по три группы на цех. Всего на фабрике двенадцать партгрупп.

Вот хорошая партийная группа у групорга Стеши Михайловой.

А ведь эта самая Михайлова не так уж давно была совсем слабым работником. Я решила поработать над ней. Она здешняя, кадровичка, и мать и отец ее работали здесь же. Она и сейчас работает на станках, на которых работал ее отец. Зарабатывала она тогда сто двадцать — полтораста рублей в месяц. Имеет она двоих детей, а муж у нее скрылся от алиментов. Жить ей было тяжело. Ну, да и глаза у нее были немножко на мокром месте. Член партии она только с 1931 года, а работает тут с детства. И плакала она при каждом удобном случае. Как плана не выполняет, придет расплачется. Ребенок заболеет — опять плачет. Подойдешь к ее станку, она заплачет, закричит и выразится вовсе не по-партийному. За это не раз мы ее отчитывали.

Вот выдвигали мы ее депутатом в Моссовет. Во время какого-то подготовительного собрания не успела я к ней подойти, как она опять за свое:

— Мне теперь не до собраний. План не выполняю. Заработаю мало.

Я собрала партком, рассказала об этом и потребовала отменить наше прежнее решение о рекомендации ее от имени партийной организации депутатом в Моссовет. Ее отвели. Я ей об этом сказала:

— Тебя за то-то и то-то отвели из депутатского списка.

Это на нее произвело впечатление. И тут я принялась за Михайлову сама. Стала собирать вместе с ней почаще ее партийную группу, раза два-три в месяц. Показывала, как надо вести партгруппу, что с коммунисток спрашивать. У нее в группе все женщины и только один мужчина — мастер Крючков.

Прежде у них на собраниях было так. Михайлова начнет читать всем нравоучения, говорит, как надо детей воспитывать, и сама вдруг заплачет.

А тут я научила ее проводить групповые собрания по-другому. Заранее помогу ей составить повестку собрания, план работы, объясню, как надо ставить тот или иной производственный вопрос:

— Если плохо дело с выполнением плана,— собирай

парттруппу, пригласи директора и добейся устранения причин, которые мешают выполнять план.

Она так и делала.

Тогда я говорю ей опять:

— А теперь собери свою бригаду. У тебя в ней два коммуниста, которые уже получили зарядку на собрании парттруппы. Позови Бушканца — начальника прядильного цеха, позови еще раз директора, и разберитесь в вопросе толком.

Она так делала, и авторитет ее среди работниц, партийных и беспартийных, начал быстро расти.

Чтобы авторитет ее возрос еще больше, я говорю ей:

— Читай им газеты!

В это время как раз шел съезд колхозников-ударников, и наша фабрика им очень интересовалась. На работниц произвело большое впечатление, что по инициативе товарища Сталина на съезде председательствовали сами колхозники.

В газетах тогда печатались очень хорошие статьи и фельетоны о съезде. Надо было все это довести до сведения работниц. Сама Михайлова читает вслух плоховато. Она посоветовалась со мной.

— Есть у меня комсомолка Запруднова, можно ей доверить читать газеты?

Я говорю:

— Пожалуйста!

И вот комсомолка стала читать вслух газеты, а Михайлова объяснять смысл статей и отдельных слов. Дело у них пошло.

Иногда я ей рекомендовала собирать актив и объясняла, какие предложения следует на нем обсудить. Потом она стала это делать самостоятельно и вообще хорошо усвоила методы работы групорга. Ее группа добилась серьезных достижений.

Во-первых, та самая бригада, в которой работает Михайлова и которая четыре года не выполняла план, завоевала знамя похода имени Кагановича. И заработок у нее сильно поднялся.

Во-вторых, Михайлова сумела политически обработать

людей. Из ее смены вступили в сочувствующие такие знатные люди нашей фабрики, как Митькина — член ВЦИК, как Лукьянова — член Моссовета.

Как-то на собрании по вопросу о большевистской самокритике и «лакированных» коммунистах, где мы разбирали передовицу «Правды». Михайлова крепко критиковала меня за то, что я как член ее группы никакой нагрузки у нее не несу.

— За то, что ты, товарищ Рыжова, мне помогала работать, тебе спасибо, а вот за то, что ты ничего не делаешь с беспартийными рабочими, к которым прикреплена, я тебя критикую.

Там, на этом собрании, всем руководителям досталось порядочно. Я даже получила такую записку.

«Сегодня наш теругольник красненький, как роза».

Михайлова первая поставила на партгруппе отчеты коммунистов о том, как они воспитывают своих детей.

Она первая из группоргов отправилась на квартиру к коммунисту, который даже не в ее группе. Пошла она к нему потому, что жена его Лобанова, беспартийная, работает у Михайловой в смене и, значит, находится под ее политическим влиянием. Она слышала, что у этой Лобановой на стенах висят иконы, а между тем муж — коммунист.

Пришла она — иконы висят. Посмотрела она, как дети воспитываются, побеседовала с сыном Лобановых. На вопрос Михайловой, почему он не пионер, мальчик ответил ей:

— Я поступлю в пионеры, когда мама моя снимет иконы и поступит в сочувствующие.

Михайлова к ним ходила три раза, и, наконец, Лобанова все же сняла иконы. Когда с самого Лобанова спросили на партгруппе отчет о том, как он воспитывает своих детей, он явился ко мне. Я посоветовала ему сходить с ребятами в кино. Он тогда говорит:

— Товарищ Рыжова! У меня трое детей, все учатся в разных сменах, и выходные дни у них с моими не сходятся. Как же я их сведу в кино?

Я спрашиваю:

— А у соседа твоего есть сын?

— Есть.

— А смены у вас сходятся?

— Нет, разные.

— Так вы и ходите в кино с ребятами по очереди. Пусть тот родитель ведет своего сына и твоего захватит, а потом ты так сделаешь.

— Ведь верно! Как я сам-то не догадался!

Они начали так делать, и все были очень довольны.

Если на нашей фабрике не заниматься такими, казалось бы, мелкими вопросами, то получится отрыв от масс.

Фабрика имени Петра Алексеева завоевала шесть знамен похода имени Кагановича, и одно из них — бригада Михайловой.

Что требовалось, чтобы получить это знамя?

Во-первых, выполнить и перевыполнить план и по количеству, и по качеству, и по себестоимости. Учитываются даже сотые доли процента.

Во-вторых, участвовать в общественной работе и заниматься учебой.

В-третьих, соблюдать чистоту квартиры и заниматься воспитанием детей.

Так что знамя это завоевать не легко.

23 апреля 1935 года был общерайонный слет бригад похода имени Кагановича. Михайлова выступила на слете, рассказала о живых людях, как люди боролись за план и за культуру.

Многие из выступавших читали по запискам. Это было неинтересно — бесконечные цифры. А Михайлова рассказала своими собственными словами и очень живо. Я ей готовиться не помогала, посоветовала только одно:

— Расскажи попроще, как ты работала и как культурными вопросами интересовалась.

Вот она стоит и рассказывает. Я как раз в это время председательствовала на слете. Товарищ Шебалдин (второй секретарь райкома) слушает Михайлову и говорит мне:

— Почему ее речь не стенографируется? Исключительно содержательная речь!

За сценой в это время курил один из членов президиума. Я слышу, он говорит, пожарнику:

Политкружок старых производственников.

— Всех лучше выступила эта работница!

Так выросла Михайлова за какие-нибудь месяцы.

А почему? Потому что мы на нашей фабрике крепко запомнили указание товарища Сталина о необходимости растить кадры, заботиться о кадрах.

...С политучебой у нас было одно время не очень благополучно. Некоторые коммунисты отбились от рук, перестали ходить на политзанятия. Скажешь ему:

— Сегодня занятие в такое-то время.

— Ладно...

А сам все-таки не приходит.

Начальный кружок по ленинизму посещало всего три человека. Кандидатский кружок — не больше. Иногда и совсем срывались занятия. Мне даже было стыдно рассказывать об этих кружках в райкоме.

Тогда мы их перестроили. Один кружок взял Любимов, редактор многотиражки, другой кружок — я.

Говорю как-то своим кружковцам:

— Вот в прошлом году мы спутали Сталинград с Ленинградом и из-за этого прохлопали в соревновании пер-

вое место. Давайте-ка разберемся, где этот Сталинград и где Ленинград.

Раздала им географические карты. А я сама тоже учусь в райкоме, и как раз за день до этого мы целый час прорабатывали Сталинград.

Вот мы сообща разобрали со всех сторон Сталинград. Обсудили, почему он называется Сталинградом, как назывался раньше, какую роль сыграл в гражданской войне, какое значение имеет находящийся в нем тракторный завод.

И о Ленинграде тоже поговорили, почему он называется Ленинградом. Вспомнили, как он был Санкт-Петербургом, как стал Петроградом и что он представляет собою теперь. Я спрашиваю:

— Ну как, теперь никто не спутает Сталинград с Ленинградом?

— Ну, что ты, товарищ Рыжова! Большая разница!

Потом кто-то показывает на карте пунктир по Северному Ледовитому океану и спрашивает:

— Что это такое?

Я сказала:

— Это линия похода «Сибирякова».

Рассказала о «Сибирякове», а кстати и о походе «Челюскина». Они все очень заинтересовались.

После этого я говорю товарищам:

— Теперь давайте я поучу вас немного, как работать над книгой.

У них на руках был учебник Ярославского по истории партии. В первом же абзаце главы 13-й там речь идет о забастовках рабочих. Упоминаются города Харьков, Иваново-Вознесенск, Кострома. Карта перед нами лежит. Я говорю:

— Ну-ка, разыщите эти города. Каково их промышленное значение было?

Тут же мы во всем разобрались.

В другой раз я решила еще более оживить изучение истории партии. В учебнике есть картинка: 1916 год, люди стоят в очереди за хлебом. Я спрашиваю:

— Что это тут такое?

Тришкина посмотрела, и другие взглянули. Сразу же встрепенулись:

— Посмотри, посмотри. Это первые очереди за сахаром в конце 1916 года.

И начали тут каждая вспоминать тот период.

Люди так заинтересовались, что все новые факты припоминали. Я потребовала от них записать то, что они помнят.

И после этого у нас начались чудеса с занятиями. Народ, который раньше не приходил аккуратно, тут начал полностью являться минута в минуту. И не просто приходить на занятия, а и заниматься и дома читать. Даже не просто читать, а с записью.

Вот Щукина раньше считала, что ей достаточно посещать только школу для малограмотных. А как попала случайно на наш кружок, так ни одного занятия не пропускает, да и на ликбез аккуратнее ходить стала. Начали мы постепенно читать и первоисточники. Вот апрельские тезисы Ленина читали. И отлично в них разобрались.

Перед выборами в совет я посадила на грузовик двенадцать старых работниц и повезла их смотреть Москву. Я им все рассказывала, показывала новые дома, все строительство. Они были в восхищении от новой Москвы. Ездили мы, ездили и очень озябли. На обратном пути мы подъехали к райкому и попросили товарища Андреасяна принять нас.

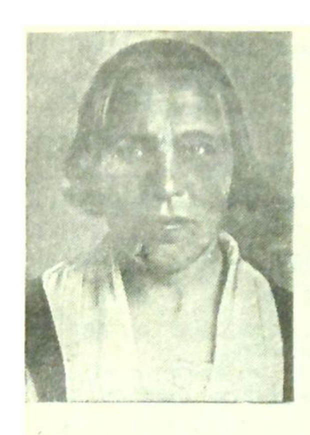
Он нас принял очень приветливо, начал беседовать и вдруг спрашивает:

— А как у вас секретарь Рыжова работает?

Они все беспартийные, но каждая из них свое мнение высказала.

— Она, говорят, первое время ходила голову кверху, а сейчас стала с нами хорошо разговаривать.

☆ ☆ ☆

МИТЬКИНА Мария Ивановна

Я родилася в 1910 году здесь на фабрике. Жила при фабрике у отца Ивана Алексеевича Краснощекова. С восьми лет пошла работать на цветочную фабрику к кустарю. Там работала искусственные цветы, получала жалованья пять рублей в месяц. Работала с восьми с половиной утра и до десяти вечера. Так работала до двенадцати лет. С двенадцати лет работала дома нянькой. Потом пошла работать сюда, на фабрику. Год работала присучалкой. С пятнадцати лет я перешла в ткацкий цех. Работала на старых пружинных станках. Потом меня перевели на быстроходный станок Готтерслея. С него — на станок Добровых-Набгольц. Так я и работала до 1933 года.

В 1933 году меня выдвинули работать инструктором в пятую бригаду, которая не выполняла программы. Вскоре программа начала выполняться. Меня перекинули как инструктора на станок Готтерслея, а через два месяца — в девятую бригаду. Наша бригада освоила новые станки.

Нам передали учеников из фабзавуча. Пришлось немножечко их доучивать. Справились. Я сдала технический минимум, получила значок, свидетельство.

В 1924 году я была кандидатом райсовета. В 1929 году

тоже организовался цехком. Меня выбрали в цехком. Я проработала там год по культработе и еще три года как председатель расценочноконфликтной комиссии (РКК).

Сейчас я учусь в промакадемии легкой промышленности имени Молотова и состою членом Центральной комиссии госкредита, потому что я выбрана от нашей фабрики в члены ВЦИК.

Когда меня выбрали, я сначала опомниться не могла от волнения, что заслужила такую честь.

— Почему меня, беспартийную, партийная организация выдвинула кандидаткой во ВЦИК?

Ну, а потом отошла и стала вспоминать о своем прошлом, о пройденном мной пути. Много я работала, всегда я была ударницей, план выполняла, вызывала на соревнование работниц. Была я участницей во всесоюзном соревновании, завоевала первенство. Раз двенадцать — пятнадцать меня премировали, в шелку вся стала ходить. Ну, вспомнила я все это и, кажется, поняла, почему.

☆ ☆ ☆

РЫЖОВА Мария Ивановна

Наш нарком товарищ Любимов, когда был у нас на фабрике, вдруг спрашивает:

— У вас, говорят, член ВЦИК есть на фабрике?

Я посылаю Жукову:

— Давай скорей сюда Митькину!

Вот Митькина приходит прямо из цеха в директорский кабинет, рукава у нее засучены, спрашивает:

— Товарищ Любимов который тут? Я вот еще не знаю вас, товарищ Любимов. Я недавно в правительстве. Со всеми познакомиться не успела...

Ей освободили стул рядом с Любимовым, она села. Разговорились они, товарищ Любимов и просит ее:

— Вот ты член ВЦИК, а у вас еще столько недо-

статков на фабрике. Ты бы продвигала легпромовские вопросы во ВЦИК'е!

А она отвечает:

— Я-то буду помогать, а сейчас вы нам помогите.

☆ ☆ ☆

МИТЬКИНА Мария Ивановна

Скоро пришла ко мне Рыжова и говорит:

— Нужно тебе поехать во ВЦИК и получить мандат.

Я поехала. Пришла в кремлевскую проходную.

— Я вот Митькина. Мне нужно пройти во ВЦИК. Меня во ВЦИК выбрали.

Дежурный сразу позвонил секретарю ВЦИК:

— Находится ли такая у вас в списках?

Оттуда ответили:

— Есть. Пропустить можно.

Я получила пропуск.

Прошла башню, иду мимо пушек французских старых, вижу, впереди большой колокол с выломленным куском. Будто попала я в необыкновенный какой-то город. Разъяснителей нет, одна иду. Мне бы пойти вправо, а я завернула влево. Навстречу военный. Спрашиваю его:

— Где тут шестой корпус?

— Вам нужно туда вон. Вправо.

Вошла я в этот корпус в подъезд.

— Куда мне обратиться за получением мандата?

Мне говорят:

— На второй этаж.

Поднялась. Обращаюсь к секретарю:

— Я пришла получить мандат.

— С какой фабрики?

— Имени Петра Алексеева.

— Как фамилия?

— Митькина.

Разыскали меня в списках и выдали мне мандат.

Но я на этом не успокоилась — пошла посмотреть, что это за ВЦИК. В том доме, где я мандат получала, у них просто как учреждение, кабинеты расположены. Мне это неинтересно. Я перешла в другое большое здание, где самый ВЦИК собирается.

Подала в подъезде дежурному свой мандат. Он меня пригласил:

— Пожалуйста!

При входе там большая картина сделана. Война на ней старинная нарисована. Осмотрела я картину и вошла в зал пустой. Обошла я его кругом, оглядела весь. Вижу — зал неописанной красоты, весь отделанный разными оттенками краски: голубыми, желтыми, красноватыми. Дело было под вечер, люстры уже горели. Я пошла из Кремля домой.

Очень мне этот зал понравился. Когда дома легла спать, снится мне, что я все по нему хожу.

Пришла я на другой день на фабрику, рассказала работницам, что видала в Кремле. Работницы были очень довольны и говорили мне:

— Вот бы и нам туда сходить поглядеть. Счастливица ты у нас, что была в Кремле и все видела.

Еще спрашивали:

— Ну, а как, ты никого не видала там? Ни Сталина, ни Ворошилова, ни Калинина?

И я объяснила им:

— Я была там под вечер, никого в это время не было.

— Вот бы хорошо посмотреть-то их...

— А как же ты все-таки, небось, увидишь Калиныча?

— Конечно, увижу. Раз меня во ВЦИК выбрали и у меня есть мандат, так как же я своего председателя не увижу?

— Так ты пригласи его к нам, Михаила-то Ивановича, на фабрику.

Я отвечаю:

— Обязательно приглашу!

Дней через пять я получаю повестку: явиться в дом ЦИК СССР на Красной площади в первый подъезд, на второй этаж, к четырем часам дня на беседу членов ВЦИК

прикрепленных к бюджетной комиссии. Председатель Кутузов, секретарь Жукова.

Вижу, что пора мне приниматься за работу во ВЦИК. Поехала.

Я приехала, Лысакова приехала с фабрики имени Фрунзе и Фокина с галошного завода приехала.

Иван Иваныч Кутузов, председатель Центральной комиссии госкредита и сберегательного дела, сидел в своем кабинете, солидный такой товарищ. Принял нас очень приветливо, обошелся так ласково:

— Ну вот, хорошо, что пришли. Я сам текстильщик и подбираю себе текстильщиц. Поэтому я к себе вас и прикрепил.

Мы спрашиваем:

— Какая работа?

Он стал говорить о значении этой работы. Разъяснил нам ее. Просто так он к нам сумел подойти. Согласились мы финансовую работу попробовать. На этом у нас беседа первая кончилась.

Через некоторое время получаю я повестку на заседание Центральной комиссии госкредита и сберегательного дела. Приехала. Слушали мы отчеты областных и краевых комиссий. Спервоначалу мне показалось это скучно и непонятно. После заседания спрашиваю.

— Как же, Иван Иваныч, мы только здесь и будем сидеть, отчеты слушать?

А он отвечает:

— Нет, не только. Вы и по месту своей работы должны помогать местным комиссиям. По всей линии практически в работу эту входить. Когда подучитесь, будем вам давать отдельные поручения.

Ну, я вернулась на фабрику и занялась здешним комсодом. Комсод плохо работал. Я добилась перевыбрания его, вовлекла туда новых активных товарищей и вошла сама тоже. Дело у нас пошло по-другому. Добились сдвига в работе.

И когда я у нас на фабрике толком разобралась в работе комсода, то совсем по-другому себя почувствовала и на заседаниях Центральной комиссии.

Все-таки очень трудная комиссия мне досталась. Долгонько к ней пришлось привыкать. Все в цифрах, в цифрах да в цифрах. А я ведь не слишком грамотна. Если бы какая другая комиссия, по производственному, скажем, делу досталась мне, я бы к ней живее привыкла.

Ну ничего, и к кредитной комиссии попривыкла. Стала это дело осиливать. Стали мы, работницы — члены ВЦИК, активнее себя там вести. Дело наше, рабочее, государственное. Своей же копейкой распоряжаемся. Соберется нас на заседание к Ивану Иванычу человек тридцать, слушаем отчеты областных и краевых комиссий. Как чего маленько не так, мы сразу все загалдим. И я про себя частенько подумываю:

— Вот привыкну хорошенько к работе этой и поеду в какую-нибудь область тамошнюю комиссию проверять. Если надо — порядок наведу по-рабочему. Зря что ли фабрика выбирала меня в правительство?

☆ ☆ ☆

ГУРИХИНА Елизавета Дмитриевна

Я родилась на этой фабрике в 1909 году. Родители мои — здешние коренные рабочие: отец — прессовщик, мать — ткачиха. Мать умерла в 1917 году, отец — после нее через год.

Три года я проучилась в четырехклasске, два года — в вечерней рабочей школе. Политзанятия много лет посещаю. С 1924 года состою в комсомоле, сейчас — кандидат партии.

С четырнадцати лет меня взяли работать сюда на фабрику, подростком еще была. Работала по четыре часа, работала по шесть часов, работала по семь часов. И вот двенадцать лет отработала.

Я одной из первых на фабрике стала ударницей. Была я лучшим бригадиром Октябрьского района Москвы, записана в Красной книге имени XVII партсъезда. Два го-

Гурихина Елизавета Дмитриевна

да моя бригада держала знамя похода имени Кагановича.

Кто ткацкому делу меня учил?

Ведь я потомственная, коренная ткачиха, и эту науку я всосала, можно сказать, с молоком матери. И учили меня наши старые кадровички.

Тетя Саша Французова учила меня ткацкому делу. Лучшая старая производственница. Она сейчас на инвалидной пенсии сидит. С тетей Таней Титовой я рядом работала, с Пулиной, тетей Мотей. Многому я у них научилась.

А тетя Таня и вообще всех нас вырастила, вела с нами воспитательную работу. Мы от нее большевистскому отношению к труду учились.

В сентябре я, помню, читала газету «Легкая индустрия». Там была статья Дуси и Маруси Виноградовых о том, как они работают.

До того мне казалось, что стахановцы могут быть только в угольной промышленности, в Донбассе, а тут я увидала, что есть стахановцы и среди текстильщиков. Мне это запало в голову. Я пошла посоветоваться с секретарем парткома Рыжовой о том, как бы мне перейти тоже на стахановскую работу.

Рыжова мне говорит:

— Ну что ж, хорошо! Завтра будет у нас вечер от-

личников. Ты выступищь там и скажешь, что объявляешь себя стахановкой. А мы уж тебя поддержим.

На вечер ткачей-отличников народу пришло много. Директор и другое начальство было. Когда мне дали слово, я выступила и сказала:

— Вся страна на стахановское дело идет. В нашей промышленности тоже появились стахановцы. И я перехожу на уплотненную работу, беру три станка вместо двух!

Мне захлопали. Некоторые громко тут удивлялись, говорили, что трудно работать на трех станках.

Это было 30 сентября, а 7 октября я в первый раз стала за три станка. Вместе со мною стали Белкина, Софронкина, Иноземцева, Егорова, Лизгунова. В тресте «Моссукно» мы первые перешли на стахановскую работу.

Работать первый день было трудно. Станки налажены были плохо. Хоть и шесть дней имела администрация для подготовки их, а все-таки плохо отремонтировала.

Станки скрипели, челноки вылетали, на собачку не становились. А раз челнок открыт, то нельзя заводить основу. Еще одну нитку кое-как заведешь, а много ниток нельзя.

Тридцать — сорок процентов времени в первый день пошло у нас на простои. И все-таки я выполнила план на сто один процент. Потом выполнение мое стало снижаться. Большие простои мучили. Тогда мы перешли на четверки.

Тетя Маруся Митькина работала у нас инструктором в другой смене. Когда она узнала, что у меня выполнение плана срывается, то сама приходила в нашу смену и помогала мне своим опытом. Рассказывала, что как лучше делать. Советовала:

— Ты не торопись. Делай все поспокойнее. Показывала, как менять челноки, чтобы они ходили в разбивку, чтобы в одном было полпочатка, в другом — побольше, третий совсем был полный. Учила не нервничать, не сбиваться с маршрута.

Я стала работать лучше, и сразу выполнение у меня поднялось. Сейчас я работаю уже на шестерке. План выполняю на сто десять процентов.

Я начала учиться на текстильного инженера. Фабрика

отпустила три тысячи шестьсот рублей на мою учебу. Двенадцать раз в месяц ко мне приходят учителя и готовят меня во втуз. Занимаемся в директорском кабинете.

Я сначала побаивалась этого, думала:

— Попадешь инженером в какой-нибудь цех вроде нашего, чуть что — заклюют бабы...

А потом решила, что пустяки. Как-нибудь с ними справлюсь. До инженера-то мне еще учиться порядочно.

☆ ☆ ☆

БЕЛКИНА Евдокия Максимовна

Ткацкому делу меня учили Иван Алексеевич Краснощеков, дочь его — Мария Ивановна Митькина, старая ткачиха Лукьянова. Тетя Таня Титова была моим ткацким мастером.

Тетка моя Ананьева работает здесь на фабрике с 1917 года, я у нее живу, она меня воспитала.

Мои родители — крестьяне бывшей Тамбовской губернии. Родилась я в 1912 году, а в 1924 году приехала сюда к тетке, совсем неграмотная. Окончила здесь ликбез, посещала разные курсы, сейчас учусь в школе среднего образования в шестом классе.

Работать поступила я сразу ткачихой в 1930 году и ткачихой работаю до сих пор. В 1932 году наш профсоюз объявил на три месяца соревнование ткачих Московской области. За высокий процент выработки (до ста пятнадцати процентов) и за хорошее качество материала мне присудили звание лучшей ткачихи области. Премировали швейной машиной.

И получилась у меня из-за этого еще дома нагрузка лишняя. Шить учиться пришлось.

С самого начала ударного движения я ударница. С 1931 года состою в комсомоле. Когда Лиза Гурихина объявила себя стахановкой, то мы пятеро — Софронкина, Лизгунова, Иноземцева, Егорова, я — сразу подхватили ее почин и тоже стали стахановками. Сначала на три станка перешли, потом на четыре, а теперь уже Гурихина, я и Софронкина работаем на шести станках.

Нагрузки теперь нам больше. Приходится и поворотливости иметь побольше. Пока всего для работы не приготовишь, станков не пустишь. А зато потом не зевай. Главное надо следить за всеми станками сразу и знать, на котором початок меньше.

Значит, новая норма рождает новый производственный план. Я даю шевиота втрое больше, чем раньше. А раз мы на фабрике больше даем продукции, значит улучшается жизнь трудящихся, можно больше и дешевле всякого материала купить.

К фабрике этой я очень привыкла. Она мне стала как дом родной.

На фабрике нашей скоро полная реконструкция произойдет. Корпус увеличится, станки поставят советские, новые. Сейчас-то мы работаем еще на старых станках. То ли дело новая техника! Вот бы поставили нам быстроходные маленькие станки, как у Дуси Виноградовой! Тут бы мы поработали! Весь цех одной обслуживать можно.

Мы слушали по радио перекличку Дуси Виноградовой с Одинцовой. Сначала Дуся говорила. Рассказывала, как работает, как важно между сменщицами дружбу иметь. Потом Одинцова ей на «о» говорит:

— Дуся! Слышишь ли ты меня? Дело пока идет хорошо. Мы перестраиваемся. Переходим все-таки на твой метод. Спасибо товарищу Сталину за внимание!

Об этой перекличке заранее объявлено было. Мы с таким интересом слушали.

Я-то слушаю их перекличку, а сама думаю:

— Буду инженером! Обязательно буду. Лет шесть поучусь, и буду. Стану тогда целым цехом заправлять по текстильной части.

Из учебы мне больше всего нравятся русский язык, естествознание, физика. Да и все вообще нравится. Учиться мне интересно.

При заработке моем и учиться и жить весело. Триста рублей в месяц я теперь получать стала.

Что очень я люблю, так это кино. Живу я возле самого клуба и на каждую хорошую картину пойти стараюсь. Очень мне понравился «Аэроград». Может, это так еще потому, что у меня родственник на Дальнем Востоке командиром авиации служит. Только я никогда не забуду, как летчик там борется с облаками и поет песню:

— Улетаю я на Тихий океан...

Эта песня прямо привязалась ко мне...

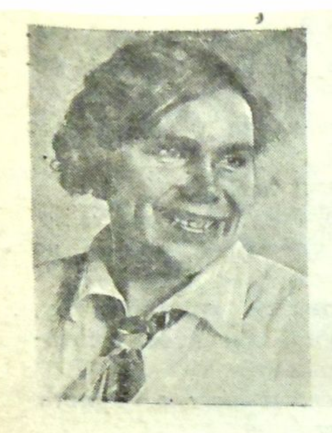
☆ ☆ ☆

СОФРОНКИНА Анна Филипповна

Я 1911 года рождения. До 1925 года я жила с родителями в деревне. Я из Нижнего Поволжья сама-то, Гомалинского сельсовета, в самой деревне Гомале и жила.

В 1925 году, после смерти отца, меня отдали в няни в город Балашов, от нашей деревни километров за двадцать пять. До 1929 года я там жила в нянях, а в 1929 году брат взял меня в Москву. Брат был студентом, теперь он умер.

Один год я проработала в Москвошвее, а в 1930 году поступила на фабрику имени Петра Алексеева.

Софронкина Анна Филипповна

Тогда пускали третью смену. Меня сразу же приняли в ткацкий цех. Два месяца я проработала ученицей, а потом стала ткачихой. С 1930 года состою в комсомоле. Я и до стахановского движения все время работала хорошо. За шесть лет я раз шестнадцать премирована.

Вообще-то на трех станках я частенько пробовала работать. Вот когда сменщица заболеет, станок рядом стоит свободный, начинаешь на нем работать.

Или, бывало, рядом один из станков сломается, ткачиху переведут на другую парочку, а исправный станок гуляет. Вот я его и пускала вместе со своими двумя.

Но мастер пройдет и скажет:

— На трех станках работать нельзя!

А когда мы прочли в газете, что Дуся Виноградова перешла с шестнадцати станков на сто сорок четыре, то задумалась я над уплотнением своей работы.

Здесь же вскоре был комсомольский вечер ткачих. Мастер сделал доклад о работе цеха, товарищ Смелякова, наш директор, присутствовала. Я не могла быть на этом вечере, потому что как раз работала. На вечере Лиза Гурихина объявила, что будет работать на трех станках. Узнав об этом, я и еще четверо товарищей — Белкина, Иноземцева, Егорова, Лизгунова — приняли вызов Гурихиной и тоже объявили себя стахановками.

Лиза выступила на вечере 30 сентября, а с 7 октября мы приступили к уплотненной работе. Раньше не были готовы станки. Они были разлажены, челноки вылетали, «ноги», которые кидают челноки снизу, были поломаны.

В выходной день 6 октября наши станки отремонтировали. Нас, шестерых стахановок, сгруппировали в три смены на шести крайних станках зала третьего этажа.

Эти станки стояли удобно для стахановской уплотненной работы, а прежние мои, например, станки очень неудобно стояли.

Вот приступили мы к работе.

Работаю я на трех станках и чувствую, что это для меня еще слабо, что я еще не уплотнила свою работу. Проработала пятидневку. Как раз заболела Катя Егорова, которая рядом со мной работает. Я решила работать на четырех станках. На трех своих станках и на одном из ее тройки.

И тут мастер мне уж не запрещал так работать.

Когда шел мимо наш технорук, я и его спрашиваю:

— Товарищ технорук! Можно мне поработать на четырех станках? Мне старший диспетчер уже разрешил.

Он говорит:

— Пожалуйста!

Как-то даже начало работаться веселее, когда все время загружено. Смотришь, как вывешивают показатели, и радуешься, что на твоей дощечке проставлено пятьдесят пять метров за смену. Думаешь про себя:

— Ишь, сколько я наработала!

На двух-то станках больше двадцати пяти — двадцати шести метров не выходило.

Придя на смену, я всегда проверяю основу на всех четырех станках: нет ли позади лишних нитей.

Ведь бывает, что на сновальной две нити слепятся вместе. Если их не разлепить и лишнюю нить не вырвать или не завести в кромку, то она будет путаться и давать хоть и маленький, а все же тормоз в работе.

К тому же двойная нить основы считается в суровье браком.

Вот я их все заранее завожу в кромку, где у нас дол-

жно быть по пять, по шесть нитей. Кромка должна быть плотной. Потом начинаю станки смазывать. Приготовляю себе уток — раскладываю его из ящиков по станкам на полотно, чтобы он был под руками близко.

Мы все успеваем сделать во-время.

Если предыдущая смена наработала много товару и тот уток кончился, то товар этот скатаешь, оторвешь и вытащишь, а то делать все это во время работы — значит потерять много времени даром. Ведь стараешься работать не так, как раньше работала — еле-еле, а быстро и в то же время спокойно.

Я всегда работаю ровно. Если рывками работать, то изорвешься. На полсмены тебя нехватит.

А поторапливаешься так. Вот один початок закладываешь в челнок полный, во второй челнок во втором станке стараешься заложить початок потоньше, чтобы они расходились и врозь кончались.

Если они у меня станут враз все четыре, то и будут стоять, пока я их по очереди менять буду. А если они постепенно, по одному, кончаются, то три других не стоят, пока я четвертый переменяю. Так и меняешь их друг за другом. Мои станки — «Шенгер» одночелночный № 93, 94, 95, 96.

Вот я стою у станка № 93, переменила челнок и приготовила другой, запасной челнок с полным початком. Один челнок бегает из коробки в коробку по скользу батана, а другой уже лежит на полотне наготове.

Я смотрю, не оборвалась ли основа, и посматриваю на следующие станки — не стал ли какой из них.

Перехожу к станку № 94. Я стараюсь между станками ходить по порядку, так, как они стоят, по ранжиру.

На № 94 в это время дорабатывается уточная нить. Там я так же меняю челнок и приготовляю второй.

Иду к № 95. Там порвалась основная нить. Быстро стараешься ее завести. Я основные нити завожу быстро. «Завести» — это значит продернуть ее в галево-колечко ремиза, потом в зуб берда, чтобы потом зайти назад и привязать ее к тому концу нити, который оборвался.

Как только я спереди ее заведу, так сразу станок пу-

скаю, а не дожидаюсь, как другие ткачихи, пока завяжу сзади. Завязать-то я могу и на ходу станка, зато станок у меня меньше стоит, больше дает производительности.

В то время, пока я завязывала основу на станке № 95, на № 96 оборвалась уточная нить, и он стал. Вилка остановила станок. Она ущупывает уточную нить и, как только нити не чувствует, автоматически останавливает станок. Хотя она и называется вилкой, а выглядит как тонкая проволочка, конец которой высовывается и прыгает среди нитей основы. Кто называет ее «щупалкой», кто как. Нижний конец ее прикреплен к батану. Вилки у нас на шенгеровских станках установили совсем недавно. Это мы настояли на установке вилок в связи с переходом на стахановскую работу, потому что вилки предупреждают брак. Если уток оборвался, а станок все же работает, то получается брак — близна или двойная нить. А когда вся шпуля сойдет, уток кончится и ходит пустой челнок, то тоже получается брак — забоина. Вилка эти виды брака предотвращает.

Я быстро подхожу к № 96, быстро нахожу нить, меняю челнок, пускаю. И возвращаюсь снова к стану № 93.

Я хожу от станка к станку с настроением веселым и бодрым. Все время тот же ровный темп движений держу. Быстро проходят семь часов на стахановской уплотненной работе.

А с 12 декабря мы работаем уже не на четырех, а на шести станках каждая. Мы стараемся из нашей старой текстильной техники выжать все, что возможно.

Ведь мы хорошо понимаем, почему реконструкция легкой промышленности задержалась сравнительно с тяжелой. Тяжелую-то промышленность надо было двигать быстрей, чем легкую, потому что она основа всего народного хозяйства страны. На машиностроительном заводе можно сделать такой станок, как мой «Шенгер», а уж на нашей фабрике токарного станка никакими силами не построить.

Поэтому мы на тяжелую промышленность не в обиде. Теперь она стала на ноги и легкую к своему уровню под-

тягивает. Скоро начнется полная реконструкция нашей фабрики. Уже и теперь мы имеем немало советских новых станков.

Наша культурная стахановская работа пока заключается в уплотнении рабочего дня. А вот если бы прибавить ходу нашим станкам, довести их вместо шестидесяти ударов в минуту до восьмидесяти, то производительность наших «Шенгеров» здорово поднялась бы.

Работаешь вот на них и думаешь:

— Что они ходят так тихо? Работали бы быстрее, все равно бы успела ведь.

Но для этого надо менять у станков маховики и шкивы.

Сейчас я зарабатываю триста — триста тринадцать рублей в месяц. А до уплотнения, при работе на парочке, зарабатывала двести тридцать — двести сорок рублей.

Что покупала? Платье купила. Купила себе шерстяной костюм. Сто семьдесят рублей отдала за материал, с шитьем обошелся рублей в двести. Материал я взяла серый, очень хороший. Юбку шила сама, а жакет отдавала шить. Туфли купила коричневые. Валенки купила, платье крепдешиновое за двести рублей купила.

К столетию фабрики премировали меня, хоть я и молодая, двумя отрезами камвольного материала из тонкой шерсти. Один цвета беж, а другой песочного цвета. Из одного я платье, а из другого жакетку сошью. И еще я собираюсь купить кровать и гардероб.

И при каждой новой моей удаче, когда меня чествуют, премируют, награждают, когда я полным ходом иду к культурной и зажиточной жизни, первую свою мысль я обращаю к великому родному товарищу Сталину, который вывел нас к счастью.

☆ ☆ ☆

АРТЕМЬЕВА Елизавета Алексеевна

Я родилась в бывшей Смоленской губернии в 1910 году. В 1917 году мы с матерью уехали из деревни в Москву, отец за год до того умер. Мать работала на Октябрьской железной дороге, я училась в железнодорожной школе, окончила два класса, поступила в пионерский отряд при Тимирязевской академии.

Жили мы тут, в Михалкове. В 1926 году я поступила на фабрику имени Петра Алексеева присучалкой. Через год меня приняли в комсомол. Я окончила вечернюю рабочую школу. С тех пор и работаю на сельфакторе винтовщицей.

Работа винтовщицы заключается в том, чтобы правильно вырабатывать форму початка. Она, как старшая по сельфактору, отвечает за все. То, что раньше на мюле был мюльщик, то теперь на сельфакторе — винтовщица.

Я работаю на фабрике десять лет. В 1929 году я работала в первой комсомольской бригаде, мы имели хорошие результаты. За работу в этой бригаде меня премировали отрезами сукна, еще мануфактурой, деньгами. А всего за время моей работы на фабрике меня премировали четырнадцать раз. Я ударница с тех пор, как началось

ударничество. Люблю свою работу и оттого работаю добросовестно.

Когда в газетах, стали писать про стахановцев, и Лиза Гурихина перешла с двух станков на три, я подумала, что можно уплотнить работу и на сельфакторе.

Раньше нас работало на двух сельфакторах пятеро. На две машины полагалась одна винтовщица и четверо присучалок. Я должна была следить за винтами, которые помещаются у сельфакторов сбоку, чтобы получались красивые, ровные початки. А присучалки должны присучать нитки. Скажем, если нитка оборвалась, то присучалка прикладывает оборванные концы нитки друг к другу, нитка крутится и скрепляется заново — присучивается.

В своем зале (четвертый этаж) я первая перешла на уплотненный метод работы — стала обслуживать одну машину и за винтовщицу и за присучалку. При этом методе на две машины нам требовались две винтовщицы и только две присучалки вместо прежних троих. Одна присучалка на каждые две машины оказывалась у нас при этом методе лишней.

Я сама уплотнилась. Сама пошла к заведующему, сказала ему и с 20 октября перешла на новый метод работы. Вслед за мною начали перестраиваться и другие работницы нашего этажа. Всего на нашем четвертом этаже перешло на новый метод десять машин. Да в нижнем, втором этаже, еще десять. Этим сэкономилась по трем сменам работа тридцати присучалок.

Когда я перешла на уплотненный способ работы, все очень интересовались, как я буду справляться. Говорили:

— Не справишься!

— Зачем зря переходишь?

Дня три-четыре, а кто и целую пятидневку, внимательно за мной наблюдали. Потом увидели результаты и стали сами переходить.

А результаты получились такие: я ежедневно выполняла задание выше чем на сто процентов. Всего за октябрь я выполнила задание на сто пять процентов. В ноябре же у меня получилось большое невыполнение — выработала только девяносто процентов программы,

А почему это так вышло? Потому, что цеховая администрация ухудшила снабжение меня сырьем. Раньше я получала ровницу всегда с аппарата № 18, а тут меня оставили без определенного аппарата.

Я стала получать ровницу с какого аппарата придется, где есть остатки.

Но ведь мы же не можем хоть и один и тот же сорт, а работать с разных аппаратов на одни и те же початки. Ведь у разных аппаратов прочес-то разный. Уток получится по цвету один, а по качеству разный, и в готовом товаре эта разница обнаружится, выйдет брак. Чтобы в этих условиях предупредить брак, надо чаще делать перезаправку. Надо с разных аппаратов стараться подбирать ровницу хоть приблизительно одинакового прочеса. А на перезаправки уходит время. Все те минуты, которые я выигрывала благодаря уплотнению рабочего дня, тут терялись.

Я это поняла по выполнению плана, увидала, что выполнение с каждым днем идет у меня все хуже.

Шел раз мимо моих сельфакторов начальник цеха Бушканец. А я в это время вокруг себя собрала целый кружок начальства — мастера Бокова, сменного мастера Чубарова, техника по качеству Отрубянникова. И говорю начальнику цеха:

— Бушканец! Ровница-то ко мне поступает брак. Так работать нельзя. Пряжа брачная получается. И на перезаправки время уходит зря!

Он так это небрежно посмотрел на меня, ничего не сказал и пошел дальше. Мне очень обидно стало. Я начинаю приставать к Отрубянникову, отрывать ровницу и показывать:

— Вот эта ровница брак, вот эта брак. Все десять ровниц.

Он мне отвечает:

— А ты брак снимай и наставляй другие.

Вот так и проработали мы целых три с половиною часа, полсмены. Один брак снимем, другой наставим...

После обеда я категорически заявила:

— Эту ровницу я работать не буду!

Только тогда нам дали новую ровницу настоящего хорошего качества. А нашу старую ровницу забраковали, девяносто два килограмма. Выяснилось, что поступала она с аппарата № 16, который был неисправен. Его тут же остановили в ремонт.

Как раз в этот день у нас было собрание групоргов и бригадиров. Я — бригадир. Я выступила и рассказала про этот случай.

Бушканцу мои слова не понравились. Он, правда, выступил, ошибки свои признал и сказал, что исправит их. А по физиономии было видно, что недоволен.

Как бы там ни было, но аппарат № 16 быстро исправили, и ровница пошла с него хорошего качества. А нам до 18 ноября все-таки давали ровницу с разных аппаратов.

После 18 ноября к нам прикрепили аппарат № 17, и с этого дня выполнение задания начало у нас подниматься.

Вот перед 7 ноября было у нас собрание бригады. Обсуждали выполнение программы. Я выступила и рассказала о неполадках не только по моей машине, а и по всей бригаде. У нас в бригаде ведь шесть сельфакторов. О браке ровницы говорила опять. О плохом свете по вечерам. Слишком маленькие лампочки у нас ввинчены. А сырье идет темное. Можно пропустить брак — шишковатости, неровные нитки. При плохом свете не видно этого, а при крутке все плохо прочесанные шишечки вылезают наружу, и получается плохая пряжа.

Кроме меня, и другие товарищи выступали. Говорили, что некоторые работницы на деле еще не перестроились по-стахановски, что не все у нас работают одинаково. Говорили, что наша администрация не реагирует быстро на рабочие предложения. Плохо налажена подача сырья к рабочему месту.

Скажем, нет на машине ровницы. Говоришь подавальщице Красильниковой:

— Подайте мне ровницы!

Та глядит на часы, видит, что ей осталось работать пятнадцать минут еще, и все-таки отвечает:

— Придет моя сменщица и подаст.

Это значит, она за четверть часа до смены уже кончает работу. Надзору настоящего за ней нет.

Пришлось мне самой итти за ровницей — семь минут затратила зря.

И вот мы решили, чтобы к каждому этажу была прикреплена определенная подавальщица, которая отвечала бы перед нами за снабжение нас ровницей. И все-таки до сих пор наше решение администрацией не выполнено...

... Значит, наша бригада преспокойно работала и работала на своих постоянных шести сельфакторах с № 13 по № 18. Они были более или менее налажены, и мы к ним привыкли. Некоторые из нас работали на этих машинах уже по нескольку лет, знали все их особенности и капризы. И вдруг наша администрация задумала переставить нас на другие сельфакторы, не предупредив ни словечком.

Получился целый скандал. Дело в том, что у администрации оказались в связи с развитием стахановского движения в цехе лишние рабочие руки из присучалок. Вот администрация и решила поставить их на наши машины, а нас перевести на более разлаженные с № 19 по № 24, которые стояли свободными.

Тут работницы нашей бригады закричали, заволновались.

Через три-четыре дня эти сельфакторы поставили на ремонт, а нас вернули на прежнее место.

После 18 ноября, в связи с тем, что мне начали давать хорошую ровницу, выполнение плана у меня стало с каждым днем нарастать. Сначала сто пять, сто десять, сто девятнадцать процентов, а в некоторые дни доходило до ста тридцати трех — ста сорока процентов.

Прядильный цех никогда еще не знал таких результатов.

Понятно, не одна я хорошо работаю. Панфилова и Чурикова со второго этажа не из нашей смены недавно дали почти сто тридцать восемь процентов. Но я им уступать не хочу. Азарт! Как Дуся Виноградова не хотела уступать Одинцовой.

Ивкина со второго этажа в нашей смене дала сто трид-

цать три процента. Я тут же вызвала ее на соревнование по выполнению плана и по снижению брака.

И другие тоже тянутся за стахановками. Раз работа спорится, значит интересно работать. Я каждую секунду экономить стараюсь. Хочу полутораста процентов добиться. Заведующий мне говорит:

— Пожалуйста, добивайся!

Я вижу, что машина у меня тихо ходит. Может ходить быстрее, если шкив поставить больше диаметром. Я прошу администрацию поставить мне такой шкив. И еще прошу сделать тормоз для остановки съема. А то за ручку останавливать — уходит много лишнего времени. Одна секунда, а каретка вон куда укатила!

Этими мероприятиями можно будет обеспечить выполнение плана на сто пятьдесят процентов. Администрация обещала сделать тормоз и переставить шкив.

Я ведь каждую секунду рассчитываю. Если я взялась быстрее работать, так всю смену стараюсь, чтобы работа у меня спорилась. И туда и сюда гляжу. Рассчитываю все свои движения так, чтобы и за винтом поспеть и нитки успеть присучивать. И чтобы равномерно работа шла. Заранее, как на смену еще идешь, все обдумываешь. Идешь, а сама соображаешь.

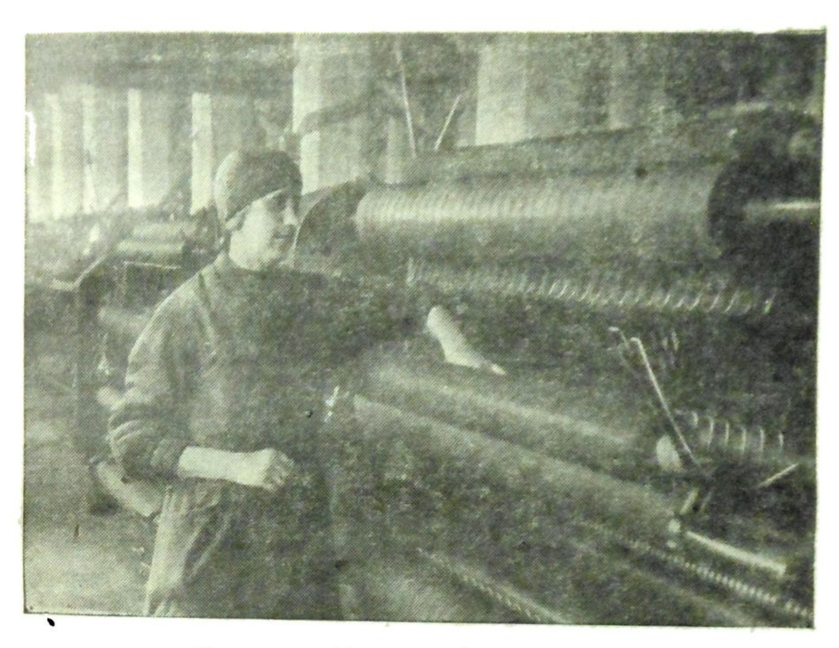
— Как мне сегодня сто сорок процентов выработать?

Обдумаешь все по пути хорошенько и уж в цехе только действуешь.

Приготовишь все, что необходимо, поближе: ровницу, патроны, шнурки для перевязки веретен. Чтобы все под руками было. Заставляешь подмастера Андреева, чтобы ровницу мне заранее приготовлял. Ведь мы за смену-то бобинок тридцать — сорок сработаем. Как сходит одна бобинка, так мы сразу наставляем другую и вместе с моей присучалкой Казекиной присучаем ее скорее вдвоем, чтобы сократить время. А ведь в ней тридцать ниток!

Потом моментально я пускаю ручку машины. Мы следим за ее работой и присучаем нити, которые обрываются.

К винту мне приходится подходить только в определенное время — в начале наработки конуса и в конце. Следить, чтобы не низко и не высоко он нарабатывался,

Стахановка Симаженкова у аппарата.

Следишь по проволочке такой, по которой видно, когда надо поднять винт, а когда опустить. Одним глазом следишь за нитками, а другим за винтом — не прозевать бы ни того, ни другого.

Подскочишь к винту, моментально его спустишь или подымешь, и скорей на другое дело — глядеть, нитки у тебя не оборвались ли.

Шум такой, визг в цехе от движения кареток стоит. У ткачей — там стук, а у нас, прядильщиц,— шум, как прибой. Веретена жужжат: ж-ж-ж... ж-ж-ж... Ведь их у нас в отделе три тысячи шестьсот штук! Да трансмиссии шум дают, да моторы шестеренками погрохатывают...

А я привыкла ко всему этому шуму. Ведь десять лет уж работаю.

Я вышла замуж и перешла жить в семью мужа в 1930 году. Муж мой, Миша Артемьев, был тогда рабочим-мо-

дельщиком в механическом цехе нашей фабрики. Отец Миши — Константин Сергеевич — один из старейших кадровиков нашей фабрики. Его здесь все зовут дядей Костей. В том же году муж пошел учиться в Институт химического машиностроения. Он еще с 1929 года занимался на курсах подготовки рабочих во втуз.

В 1934 году Миша кончил свой институт, стал инженером-механиком. Он в партии состоит с 1928 года, был тут на фабрике активным пионером и комсомольцем. Сейчас он готовится к оперативной работе в Наркомвнешторге. Заключать договоры, принимать оборудование. Судя по специальности мужа, он должен попасть в Германию.

Я мужа своего люблю и горжусь им. Не шутка все-таки из рабочего сделаться инженером. Так и живем мы с ним — стахановка с инженером. А сын наш уж наверняка будет инженером!

☆ ☆ ☆

ГУРИХИНА Елизавета Дмитриевна

Есть у меня сын Толя четырех с половиной лет. Он с двух месяцев по детским учреждениям. В яслях два года был, а потом перешел в детский сад, теперь в третьей группе. Будет человек коммунизма. Весь наш режим знает.

У них в детском саду есть Красная книга Октябрьского района Москвы, изданная к XVII партсъезду. Вот руководительница показывает им из нее картинки. Есть там снимок с меня. Как до него дойдут, Толя обязательно скажет:

— Это моя мама!

А ребята ему нарочно:

— Нет, это чужая тетенька...

А он:

— Нет, это мама! Она была бригадир, а теперь стахановка. Ездила в Кремль, видела там Сталина. Вы только на картинках его видали, а она по-настоящему.

Я после слета стахановцев была в детском саду. Ребятишки меня спрашивали:

— Почему ты в Красной книге называлась ударница, а теперь стахановка?

Я объяснила им, кто такой Алексей Стаханов и зачем я стала стахановкой:

— Чтобы вас лучше одеть. Чтобы были хорошие, чистые ребята.

А потом, когда я ушла из сада, мой сын вдруг говорит ребятам:

— Моя мама самая большая стахановка на всей фабрике. И карточка ее самая большая висит в клубе.

А другие отвечают:

— Наши мамы тоже будут стахановками!

А Толя прибавляет:

— И я буду стахановцем и инженером. С Ворошиловым на коне буду ездить. Шапка будет у меня, как у Ворошилова!

Когда я на слет стахановцев ездила, бабка Толе сказала:

— А знаешь, куда твоя мать сегодня поехала?

— Куда?

— К Сталину!

Вот я вернулась со слета, Толя меня спрашивает:

— Мама! Ты его видела?

— Видела.

— Близко?

— В соседнем ряду.

— Ой, счастливая!

☆ ☆ ☆

НИТЬКИНА Мария Ивановна

Во время слета стахановцев я в свой выходной день одеваюсь и еду в Кремль.

Прошла по вциковскому мандату в тот самый богатый зал, который я в первый-то раз осматривала.

Вошла, окинула глазом — зал весь переполнен. Не только что сесть, а и стать негде.

Протискиваюсь стороночкой, все на меня ворчат:

— Нельзя дальше. Нету мест!

Но я пробиваюсь все ближе к президиуму. Вот вижу перед собой все Политбюро и только не вижу Иосифа Виссарионовича. Спрашиваю соседа:

— А Иосиф Виссарионович здесь находится?

Тот отвечает:

— Нет его.

И в этот самый момент выходит товарищ Сталин. И все начали аплодировать, точно гром загрохотал.

А у меня стало столько радости, столько стало во мне живости — я не знала, что с собой делать, когда его увидала.

Это был как раз перерыв после выступления товарища Ворошилова.

Я добралась до третьего ряда и кое-как пристроилась там.

Когда товарищ Сталин шел, я всего его рассмотрела, какие у него волосы с проседью, какие глаза живые. Я сличала, есть ли сходство с портретами или нет. И действительно, все в точности как на снимках. Все это запечатлелось во мне. Такой скромный, так спокойно вошел. Аплодировали тут не знаю сколько времени.

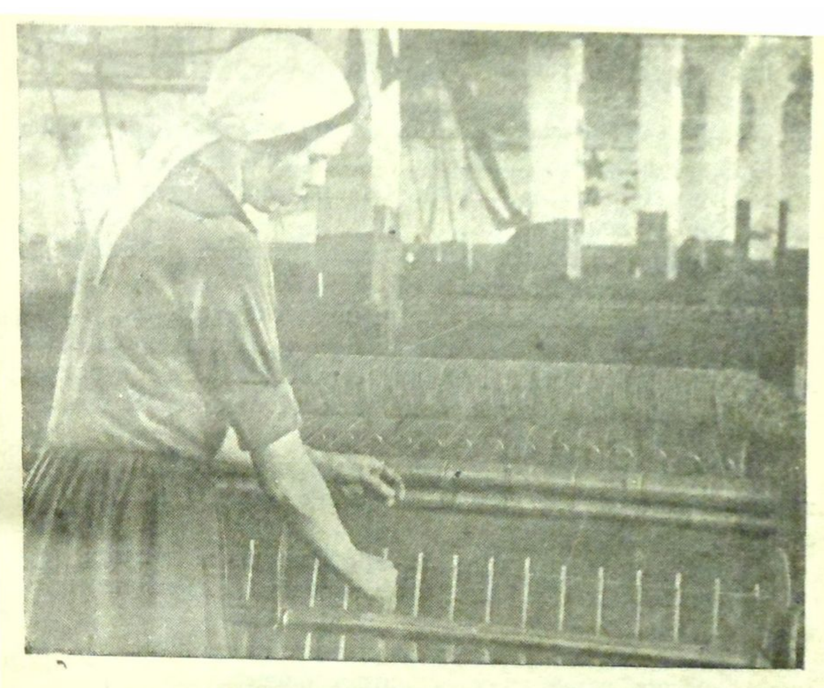
Он обращается к Орджоникидзе, котооый председательствовал, чтобы прекратить это. Орджоникидзе смеется и сам ему аплодирует. И Сталин тоже заулыбался. А масса еще пуще. Все стоят и руки подняли кверху и так ему аплодируют.

Потом запели «Интернационал» и, когда пение кончилось, опять аплодировали.

Минут двадцать, наверняка, аплодировали.

Правда, передо мной часы были, и я могла бы заметить точно, но тут уже не глядишь на часы, они тут ни к чему.

Когда он начал говорить, то я так и почуяла, что этого никогда не забудешь. Он очень хорошо вкладывал в

Стахановка Артемова у сельфактора.

душу нам свое выступление. Он один раз скажет и второй раз разъяснит.

И когда товарищ Сталин нам говорил, что жить стало лучше, жить стало веселее, а когда весело живется, то и работа спорится, я вспомнила нашу фабрику. Как правильно, действительно правильно говорит наш руководитель любимый. И когда он выступал, то такое было у нас всех настроение — что угодно готовы были сделать.

Так было ясно все, что он нам говорил, так ровно говорил, так спокойно. Уложилось все в душе так, что никогда не забудешь...

А под конец опять ему аплодировали и долго-долго не хотели переставать и пели «Интернационал». Какой-то узбекский стахановец пришел из зала на сцену попрощаться со Сталиным. И когда он прощался, то запели

марш «Веселых ребят», потому что пора было расходиться. Так радостно, так восторженно пели — настроение людей изливалось.

После речи товарища Сталина не только работницы-стахановки, которые работали уплотненно, а и те, кто на двух станках работал, стали больше давать продукции. Волна такая пошла.

Подходит раз ко мне Симанкова, которая работала на «парочке», и говорит мне:

— Смотри, Митькина! То я по двенадцать метров со станка за смену давала, а теперь я по семнадцать даю. У меня на душе совсем по-другому стало. Самочувствие стахановское. Не пойму и сама, как столько сработала.

Я ей объяснила:

— Раньше ты челнок меняла за три секунды, а теперь за одну меняешь. Значит, ты техникой овладела. Вот эти секунды и набежали.

Тут меня окружили другие работницы и кричат:

— Мы все хотим быть стахановками! Перевертывайте наши станки.

Ведь раньше не рассчитывали на стахановское движение и станки установили неприспособленно.

Пошли с администратором говорить. Он нам отвечает:

— Я технически не могу приготовить это раньше 15 декабря.

А мы ему:

— Раз работницы сами хотят, то не к 15-му, а к 5-му приготовь. Что нам товарищ Сталин про старые технические нормы сказал? Что пора их опрокидывать!

☆ ☆ ☆

ЛЕЙТЕС Лев Григорьевич

Мы подвели некоторые итоги нашей работы к годовщине стахановского движения. Сдвиги, происшедшие в связи со стахановским движением во всем нашем народном хозяйстве, можно проследить и на нашей фабрике.

Объем производства фабрики за первые четыре месяца 1936 года, при почти неизменном количестве рабочей силы, на 30,5 процента выше соответствующего периода прошлого года. Производительность труда на фабрике за тот же период поднялась на 27,2 процента. Поднялась и средняя зарплата — на 16,9 процента.

В стахановское движение наша фабрика включилась первой по шерстяной промышленности. Вначале, по инициативе ткачихи Лизы Гурихиной, мы пошли только по линии уплотнения труда, увеличения количества оборудования, обслуживаемого одним рабочим. Пришлось при этом преодолевать немало трудностей.

Дело в том, что и до стахановского движения при обслуживании двух, например, станков, как это было раньше, у ткачихи были определенные потери в производительности станка и качестве продукции из-за так называемой неуспеваемости. Станок остановился или нить на нем оборвалась, а ткачиха не может ликвидировать простой или обрыв, пока она занята на втором из обслуживаемых ею станков.

При увеличении количества станков, обслуживаемых одной ткачихой, неуспеваемость при прочих равных условиях, безусловно, возросла бы. Ткачиха была бы не в состоянии ликвидировать простой или обрыв на одном станке, пока занята на других обслуживаемых ею станках.

Историческое значение стахановского движения, однако, заключается именно в том, что оно смело со своего победоносного пути все «прочие равные условия» и тем самым дало большой подъем нашего народного хозяйства.

Все это также можно проследить и на опыте стахановцев нашей фабрики.

Стахановцы — это люди, которые в совершенстве владеют техникой своей работы и производят поэтому все операции значительно быстрее и лучше, чем это было положено в наших нормах.

Если на смену челнока полагалось раньше по норме 2,9 секунды, то стахановка Карпова производит уже теперь эту операцию только за 2 секунды.

Если на съем наработанных початков полагалось по

норме 4 минуты на 300 веретен, то стахановки Калинина и Хольнева производят эту операцию только за 2,7 минуты.

Уже это одно обстоятельство обеспечило меньшую загрузку стахановки обслуживанием каждого станка и отсюда возможность обслуживать большее количество станков.

Кроме того, стахановское движение заставило и инженерно-технический персонал по-иному подойти к работе, заставило и его ввести ряд дополнительных мероприятий, облегчающих обслуживание оборудования и подымающих его производительность.

Длина нити на початке была раньше на наших суконных станках на сорте трико 195 метров. Мы выдолбили стенки челнока, увеличили тем самым початок и добились длины нити на початке на этом же сорте в 300 метров. Отсюда, если раньше ткачихе приходилось менять 16,5 челнока на метр ткани, ей теперь приходится эту операцию делать только 10,8 раза на метр. Если раньше присучалки на сельфакторах давали съем по наработке 9,75 килограмма пряжи, то теперь они это делают уже по наработке 15 килограммов.

Поднялась крепость основы и утка, уменьшилось количество их обрывов на метр. Для облегчения работы ткачихи введены подмостки и подвесные ящики для утка у станков. Сделаны уточные вилочки на суконных станках, останавливающие станки при обрыве или доработке уточины.

Все это и ряд других мероприятий, облегчающих труд работницы, вместе с ускорением ее рабочих приемов и лучшим состоянием оборудования дало возможность ткачихе, например, при переходе на большее количество станков, даже уменьшить простои каждого из них из-за неуспеваемости.

На суконных станках неуспеваемость по старой норме планировалась в 41,4 секунды на метр при обслуживании двух станков, а при новой норме, учитывающей изменившиеся условия, в 29,24 секунды при обслуживании четырех и даже шести станков.

Поднялась также и скорость оборудования. По ткацким станкам она в среднем повышена на 4,2 процента, по сельфакторам — на 8,4 процента.

Все это позволило, несмотря на более уплотненное обслуживание, не только не снизить, но и резко поднять производительность не только труда, но и оборудования.

Старая норма при обслуживании ткачихой двух суконных станков составляла 1,743 метра трико в час на станок. Новая норма при обслуживании уже четырех и шести станков — 1,938 метра на станок в час.

Стахановское движение развивалось на нашей фабрике не только в сторону уплотнения обслуживания оборудования, но и по линии увеличения производительности оборудования при существующем обслуживании. Ткачихи Дерюгина, Колбасина и другие, вырабатывая сложные драпы, обслуживают каждая по два станка, как и раньше. Но вместо выполнения норм на этих станках на 80—90 процентов, эти ткачихи начали их выполнять на 130—140 процентов. В результате с тех же 42 установленных на фабрике драповых станков, с которых мы в первом квартале 1935 года снимали по 642 метра драпа в день, в первом квартале 1936 года фабрика снимала по 1 150 метров драпа в день.

Стригальщицы (Шишкина и другие), подняв скорости машин, увеличили свою производительность на 50 и больше процентов.

Стахановская смекалка не только увеличивает производительность труда, но экономит и сырье. Ткачиха-стахановка Лизгунова подняла кампанию за уменьшение ткацких концов, за бережное обращение с пряжей. Технический персонал фабрики ввел огрубленные и суррогатированные подкладки в мягкие драпы, принялся за повышение номера пряжи. Это помогло фабрике, при резком увеличении выпуска продукции, потребить за первый квартал 1936 года дефицитного сырья даже меньше, чем за тот же период 1935 года. При указанном выше росте продукции, мериносовой и импортной шерсти для своей пряжи фабрика потребила в первом квартале 1936 года только 116,8 тонны вместо 133,5 тонны в первом квар-

тале 1935 года. Каждый килограмм потребленного в смеску дефицитного сырья дал в 1936 году на 42,5 процента больше продукции по сравнимым отпускным ценам, чем за то же время предыдущего года.

Таков славный путь стахановцев нашей фабрики — путь, выводящий ее в ряды самых больших и передовых шерстеобрабатывающих фабрик Союза.

Весь коллектив фабрики имени Петра Алексеева на собственном опыте ощущает глубокую правильность слов товарища Сталина:

«...Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее. А когда весело живется, работа спорится».

☆ ☆ ☆

ГЛАВА 7

Жить стало лучше, жить стало веселее

КУДРЯШЕВ Иван Алексеевич

Слава обо мне до революции была очень плохая. И по тому времени она была мною вполне заслужена, потому что не было дня, чтобы я не напился пьян, чтобы я с кем-нибудь не подрался. Где какая драка ни происходила, обязательно я участвовал в ней.

Урядник Стефанович меня ловил и сажал в кутузку, но это не исправляло меня. Я прятался от него, он меня находил.

Революция заставила меня задуматься над жизнью и над собой. Но не сразу, конечно, я стал на правильный путь. Даже когда я вступил в партию по разъяснениям Вани Морозова, я недостаточно еще понимал, что делается вокруг.

Выучила меня Красная армия. Уже через пять месяцев службы я был выбран председателем партийной ячейки,— вот как сильно пошел мой рост.

Старые рабочие, которые знают меня давно, часто спрашивают:

— Иван Алексеевич! Как могло получиться, что ты из хулигана и заядлого драчуна сделался директором фабрики, а теперь начальником политотдела совхоза?

Я на это им отвечаю:

— Что ж особенного? Тогда меня воспитывали так, а теперь воспитывают иначе... Ведь ленинско-сталинская партия перевоспитала и перевоспитывает миллионы людей, изуродованных капитализмом.

Совхоз, в котором я работаю начальником политотдела, был на протяжении ряда лет в глубоком прорыве. Запланированная урожайность не достигалась. Совхоз не выполнял своих обязательств перед государством. А между тем это совхоз порядочный. Он имеет восемь тысяч гектаров земли, из них пахотоспособной земли шесть с лишним тысяч гектаров. У совхоза есть двадцать девять тракторов и двенадцать автомашин. Много разного сельскохозяйственного инвентаря,

До моего прихода совхоз делился на три больших отдела, по две-три тысячи гектаров земли в каждом.

Люди, которые руководили работой совхоза, были в основной массе практики, которым не по-плечу было руководство таким огромным хозяйством. Ни одного агронома с высшим образованием совхоз тогда не имел.

Но ведь всякое дело решают люди. Мы, политотдельские коммунисты, это отлично знали, когда попали в совхоз. Мы сразу же приступили к подбору таких товарищей, партийных и беспартийных, из числа рабочих совхоза, на которых можно было бы опереться во всей дальнейшей работе. Нам удалось сколотить актив.

Кроме того мы провели разукрупнение отделов совхоза, и те же люди, с тем же исключительно практическим уровнем знаний на меньших участках стали работать гораздо лучше.

Наш совхоз — свекловичный. Свекла очень трудоемкая культура и требует много народу для своего возделывания. Если применять механизмы, то можно обойтись и с меньшим числом рабочих.

Но у наших руководителей была большая косность, нежелание применить машину, а людей в совхозе было меньше, чем требуется по штату. Отсюда и возникали постоянные прорывы в работе, в выполнении плана.

Нам пришлось упорно бороться с косностью старых практиков. Мы сломили недоверчивое отношение к новым инструментам и механизмам.

Самым интересным моментом моей работы в совхозе была весенняя посевная кампания 1933 года. По наружному виду мы как будто подготовились к ней неплохо. Мы своевременно отремонтировали все тракторы, отсортировали все семена, и нам благоприятствовало раннее наступление хорошей весенней погоды.

Классовый враг был нами к началу весенней посевной в совхозе разгромлен. Поэтому вылазок классового врага в весеннюю посевную кампанию у нас почти не было.

Мы знали, что чем раньше посеем свеклу, тем больше будет у нас урожай. Но температура стояла очень неровная: утром — морозно, днем — оттепель.

Спрашиваем своего агронома:

— Позволяет ли погода приступить к севу?

Он отвечает:

— Да!

А как хватили утром заморозки, он сам стал втупик и не знает, что дальше делать.

Съездил в район на консультацию. Ему говорят:

— Придется вам пересеивать.

А мы уже посеяли половину всей площади. Срочно заготовляем приказ о приостановке сева. Тут опять начинается оттепель,— приказ в сторону, сеем дальше. Так все и посеяли. Оказалось, что мы отсеялись первыми из всех совхозов района. И урожайность мы получили высшую по району.

Массовой работой мы кое-чего добились, кое-кого воспитали и выдвинули. У нас сейчас четыре выдвиженца — управляющих отделами совхоза, спраляются они с работой недурно. Но теперь мы уже шлем им в помощь агрономов с высшим образованием, которых с каждым годом все больше и больше присылают в наш свеклосовхоз.

Вокруг партийной организации совхоза, возглавляемой политотделом, сплотился теперь большой беспартийный актив, растет число сочувствующих.

☆ ☆ ☆

ТИТОВА Татьяна Степановна

Как я теперь работаю в райсовете?

Когда я пришла в районный совет, то жалобы трудящихся разбирали председатель райсовета Ковалев и заместитель его Сергеев. Стали эти жалобы ко мне поступать. Вот приходят утром люди, и у каждого своя просьба: тому надо жилищный вопрос решить, у другого некуда деть ребенка, третьему — по благоустройству совет дай.

Я стараюсь каждого внимательно выслушать, вникнуть в суть его дела и, если это требуется, помочь немедленно.

Скажем, вот в Путинковском переулке в одну комнату набилось пятнадцать временных жильцов на семь метров. Постоянная-то жиличка одна, а остальные все временные. Среди них пять человек ребятишек, часть которых больные.

Как они там собрались? Работала одна женщина домашней прислугой, потом поступила на предприятие. Хозяева попросили ее очистить жилплощадь, она забралась в подвал. Одной жить стало скучно, выписала сестру из деревни. Сестра выписала дочку. Дочка вышла замуж и наплодила ребят.

Когда мы туда пришли их обследовать, некоторых ребят надо было сразу же отправить в больницу, других устроить по детучреждениям — в сад, в ясли, в школу. Взрослых мы кое-куда разместили. Очень это трудная история — жилищные дела разрешать. Но я помню, как сама жила с мужем при фабрике в истопной, и стараюсь трудящимся людям помочь.

Скажем, был и такой случай. Во второй клинической больнице лежал больной из Ленинграда. Его выписали без денег и документов, потому что будто бы не было в это время кассира на месте. Приходит ленинградец к нам и заявляет об этом.

Я сейчас же беру члена секции здравоохранения, сажаю его вместе с этим больным в машину председателя райсовета, говорю.

— Поезжай туда и проверь!

Оказалось: и деньги и документы не у кассира, а у узельщика, который заболел, лежит дома.

И документы и деньги больного были ему быстро возвращены.

Но о чем говорит этот факт? О безобразном бюрократическом отношении к человеку.

Мы вызвали администраторов этой больницы, и райздравотдел записал им по выговору. Мы обязали их проработать этот вопрос на производственном совещании больничных работников,

Бывает, что в некоторых домах ребята находятся в забросе, некуда им деваться от скуки.

Был у нас такой дом в Оружейном переулке. Ребята там страшно расхулиганились. Они и пили, и воровали, и поножовщину устраивали.

В марте поселился в этом доме товарищ Михайлов, персональный пенсионер, хороший организатор.

Сижу я как-то в райсовете, слышу — звонок. Это звонит Михайлов. Он очень больной, дальше двора никуда не ходит, но во дворе может работать и просит меня помочь.

Я пошла посмотреть, в чем дело. Вхожу во двор — там ребят человек семьдесят. Все чем-нибудь полезным заняты, и Михайлов ими руководит. Во дворе построена небольшая беседка. Одни ребята в ней лепят, пишут, рисуют. Другие ребята убирают щебенку от старого развалённого строения, свозят тачками в кучи и выкапывают лопатами лунки.

Только вошла я во двор, они меня окружили и заявляют, что тут будут лужайка, клумбы и кустики, если только райсовет даст земли.

Вернулась я в совет и говорю председателю Ковалеву:

— Во что бы то ни стало надо этим ребятишкам помочь. Надо сказать Антокольскому, чтобы свез им две машины земли.

Антокольский — это наш заведующий райземотделом. Он как раз тогда озеленял Бутырскую улицу.

Я говорю председателю Ковалеву:

— Как бы туго ни пришлось Антокольскому, а все-таки надо ребятишкам земли отправить.

Землю эту ребятам отправили, и они прекрасно озеленили свой двор.

Раньше ребята ломали деревья, а сейчас они сами следят, чтобы их кто-нибудь не попортил.

Мы выдали им пятьсот рублей, помогли организовать библиотеку и премировали лучших ударников. После этого мы устроили праздник на Каляевке. Собрали там две тысячи безнадзорных ребят — яисунов, хулиганов. И ребята из дома в Оружейном переулке рассказали собранию о своем опыте.

— Мы,— говорили они,— раньше знали одно: купить поллитра вина, напиться, отколотить кого-нибудь, что-нибудь утащить. А сейчас мы с помощью дяди Бори Михайлова и под руководством райсовета занимаемся полезной работой. Мы все прикреплены к растениям — каждый из нас отвечает за какой-нибудь кустик, охраняет зеленые насаждения.

На этом собрании был товарищ Смидович. Он очень заинтересовался рассказом бывших безнадзорных ребят. А ребята в свою очередь радовались возможности рассказать ему о своих успехах.

Когда товарищ Смидович умер, эти ребята пришли ко мне в райсовет и спрашивают:

— Каких цветов купить товарищу Смидовичу, живых или искусственных?

Я говорю:

— Не знаю. Живые цветы дороги.

Тогда они сами решили:

— Петр Гермогенович любил живые цветы.

Сложились и купили корзину живых цветов. Мы вместе с этими ребятами ездили класть цветы на гроб товарища Смидовича.

☆ ☆ ☆

ЧЕПЕЛЕВ Константин Мартьянович

В нашем хоре я первый организатор. Без руководителя еще начал работу. Какие в летнее время ни бывали у нас гулянья, я всегда в них участвовал, песни пел. Хороводные песни, старинные крестьянские песни: «Полно, полно нам, ребята, чужо пиво пить», «Травушка-муравушка», «На горе-то калина», и другие песни — плясовые, веселые, и частушки. Старые кадровики фабрики всегда меня поддерживали. Особенно любили петь Ольга Вдовина и Анна Бычкова.

По нашему предложению при клубе организовался хоро-

вой кружок старых производственников под управлением регента опытного. Занимаемся мы раз в пятидневку по выходным дням. Сперва изучаем, стало быть, ноты: басы, альты, тенора. Регент на пианино берет мотив, а мы запеваем. Ноты разучим, начинаем петь песни, русские старинные песни. Руководитель их записывает, и мы все их разучиваем. Вот недавно я еще три песни подал ему.

Когда нам выступать, мы костюмы старинные надеваем. Женщины выходят в деревенских паневах, а мужчины в красных рубахах.

Со всех трех фабрик, где мы выступали с пением, на нашу фабрику нам прислано одобрение в партячейку.

Когда мы пели на мыльной фабрике, то слушал нас слет всего района. Выступали мы там очень спокойно, пели революционные песни, потом русские песни, потом частушки.

Встретили нас прямо с большим подъемом. Очень понравилась всем песня «Воробьевские горы». Такая трогательная, голосистая песня:

«Уж, вы, горы, вы мои,
Горы Воробьевские,
Ну, чего ж вы, горы,
Вы спородили?
Спородили вы, горы,
Бел-горюч-камень.
Из-под камушка течет,
Течет речка быстрая...»

Ужасно понравилась эта песня. Долго хлопали нам, просили еще раз спеть.

А мы спели им тогда величальную песню, свадьбишную:

«У голубя у сизого
Золотая голова.
У голубки, у голубки
Позолоченная...»

Сели у нас рядом на стулья «жених» да «невеста». Перед ними танцовали сначала старые кадровики, потом мо-

лодые барышни величали их. Песня эта веселая, плясовая, пляска идет во-всю, и даже в зале многие притоптывали.

А под самый конец руководитель вывел на сцену меня со старухой Калининой и сказал:

— Вот какие старые кадровики у нас в хоре. По шестьдесят лет работали и такие песни поют!

Аплодисменты были нам тут огромные. И руками и ногами все хлопали. Вот было каково дело!

☆ ☆ ☆

МИТЬКИНА Мария Ивановна

Я была в Сочи. Очень там нравится мне море и солнце. Я там омолаживаюсь сразу на двадцать лет. Приезжаю потом на фабрику, и никто меня не может узнать.

Мне так думается: если бы не советская власть, никогда бы мне не увидать такой красивой местности, таких гор, таких водопадов, такого моря. И никогда бы не иметь мне того лечения, какое я получала — мацестинских серных ванн. Они и от боли сердца и от ревматизма мне помогают.

Я в Сочи была два раза — в 1932 и в 1935 годах. Тогда я получила путевку как ударница производства, а теперь как член ВЦИК.

Жизнь в санатории очень приятная.

С утра идешь на лечение, после лечения отдыхаешь и завтракаешь. И все житье там к выздоровлению приспособлено. По пять раз в день заставляют кушать. Питание хорошее, вкусное. Мы все прибавляли в весе. Смеялись над нашим доктором:

— Такие тяжелые ванны даете нам, а мы все толстеем!

Ванны там и правда тяжелые. Вода зеленая, серная. Я даже бутылочку ее домой привезла. Если этой водой

Хор фабрики имени Петра Алексеева.

умывать лицо, будь оно хоть экземой, хоть прыщами покрыто, через пять умываний станет чистым.

Мы и в море там ходили купаться. Мне нравится, когда сильный прибой. Лежишь на бережку, а волны через тебя перекатывают. Я плаваю-то ничего себе, не боюсь, что меня унесет в море.

И в горы гулять ездили. Были на Орлиной скале, ездили на гору Ахунь. Когда въехали на самую гору, стали смотреть в бинокль: и Сочи увидели, и снежный Эльбрус видели. Ездили мы туда в автобусе. При подъеме удивились такой штуке: поднялись на полпути в гору — совсем сделалось холодно, стали дальше подниматься — тепло. Спрашиваю шофера:

— Почему это такое?

А он говорит:

— От перемены давления воздуха. Вот вернетесь назад, чихать и зевать будете.

И верно. Весь остаток того дня в санатории мы не могли избавиться от чихания и зевоты.

В 1935 году я была в Сочи в октябре. Солнце светило уже не жарко, но погода стояла прекрасная. Только два раза лил дождик при мне. Я загорела, гуляла. Осматривала Сочи и удивлялась: против 1932 года ничего не узнать. Очень все изменилось и переустроилось. Сделали новое шоссе, все залили асфальтом и обсадили пальмами.

Сделали «морскую аллею» от нашей седьмой санатории до самого города. Много новых санаториев понастроили, как дворцы.

Но больше всего мне понравился санаторий Красной армии имени Ворошилова. Он стоит на самой горе, и от него спускается по рельсам к морю вагон. Санаторий кругом в зелени и возле него сделаны из цветов и зелени портреты товарищей Ленина и Сталина — наших великих вождей, которые обеспечили всем трудящимся право на труд и отдых.

☆ ☆ ☆

В восемь часов утра 22 апреля 1935 года я повезла с нашей фабрики четыреста человек на метро. Тут были и пенсионерки, и работницы, и домохозяйки с детьми.

Это еще до официального пуска метро, рабочие наши получили гостевые билеты. Накануне я прошла по цехам и приглашала желающих прокатиться. Все вызывались ехать наперерыв, а Маша Горбатая, вижу, сидит, молчит. Я спрашиваю ее:

— Поедешь с нами на метро?

Она говорит:

— Не поеду я на метро.

— Почему не поедешь?

— Стираю.

— Неужели стираешь? Постирать и в другой раз можно.

А старая работница Налимиха и поясняет мне:

— У ней другое. Серьезное.

Я тогда догадалась. Спрашиваю ее:

— Говеешь?

— Да, говею.

А Налимиха засмеялась и говорит на весь цех:

— Я с тех пор не стала говеть, как один раз поповскую исповедь раскусила. Поп на исповеди накрыл мне голову епитрахилью, да вместо молитвы давай твердить: «Пуд картошки шесть гривен, пуд картошки шесть гривен, пуд картошки шесть гривен»... Это он во время исповеди предлагал мне купить его картошку. Я плюнула, вышла и с тех пор не хожу говеть.

Тут кругом все тоже захохотали. Маша Горбатая говорит:

— Ладно. Поеду я на метро.

И вот мы поехали. Спускаться под землю пришлось у Красных Ворот. Как стали на эскалатор, некоторые старухи кричать:

— Ой, ой, караул!

Им говорят:

— Держитесь. За перила держитесь.

А они боятся схватить перила, думают что это приводной ремень, как на фабрике. Кричат:

— Нет, нет...

Башкина все-таки расхрабрилась: съехала вниз, поднялась и опять съехала. Вот сели мы в поезд, проехались, вылезаем наружу. Кое-у-кого неиспользованные билеты остались. Одной беспартийной старухе подруги ее советуют:

— Отдай кому-нибудь из публики свой лишний билет. Здесь много желающих, пусть прокатятся.

А она отвечает:

— Что вы, как можно? Может быть, этому человеку в метро и не полагается ехать. Не могу я отдать билета.

И положила билет обратно себе в карман.

Когда мы возвращались домой, работницы просто в восторге были. Только и разговоров, что о метро. Александра Ивановна, старуха, и та сказала:

— Теперь я знаю, куда ушел храм Христа спасителя. Нам говорили попы, что весь мрамор от храма вывезли за границу, а теперь мы видим, что он на метро пошел.

Молодая работница тут добавила от себя:

— Я в прошлом году подписалась на заем на сто сорок рублей, а теперь подпишусь на двести сорок. Вижу, какие чудеса на деньги от займов строятся.

После поездки на метро беспартийные работницы стали настоящими агитаторами и сами обрабатывают других, более отсталых беспартийных работниц.

Прихожу я недавно в стригальный цех. Мне показывают на работницу Калмыкову и говорят:

— Вот она на демонстрацию не хочет итти и на метро не едет.

Она не кадровичка наша, недавно на фабрике. У нее муж сослан за хулиганство, и брат скрылся без вести. Брат в прошлом году участвовал в убийстве колхозника.

Я подхожу к этой работнице и спрашиваю:

— Что же ты ото всего отказываешься?

А она мне:

— Что они пристали ко мне все! Никуда я не пойду, не хочу. Они меня совсем съели...

Я давай ее расспрашивать:

— Какая твоя семья? Как ты живешь? Где? Выяснилось, что она проживает в Головине.

— Ладно,— говорю,— я к тебе приду посмотреть, как ты поживаешь...

Не успела я отойти от нее, как беспартийные работницы подскакивают ко мне и советуют:

— Надо ее обязательно провезти на метро. У нее сразу настроение изменится.

Вот как метро подействовало на наших работниц — съезди, мол, на метро, и сразу будет у тебя хорошее настроение!

☆ ☆ ☆

КРАСНОЩЕКОВ Иван Алексеевич

Столетие нашей фабрики очень хорошо мы отпраздновали 5 августа 1935 года. Все на фабрике и возле фабрики украшено было. Портреты вождей и всего правительства украшали парк.

И портреты героев труда нашей фабрики тоже были развешены в парке. Было много цветных плакатов и флагов. Два фонтана на прудах сделали. Играли два оркестра духовых. Все празднование проводилось в нашем клубе и в парке.

Днем для детей было устроено хорошее представление, а вечером — для взрослых. Перед тем как для взрослых представление начать, открыли небольшое заседание, посвященное столетию нашей фабрики. Очень хорошо от старых рабочих выступили Василий Петрович Крынкин и Татьяна Степановна Титова.

Приезжали к нам на праздник руководитель московских большевиков Никита Сергеевич Хрущев, наш нарком товарищ Любимов и председатель треста Калинин. В четвертом часу приехали и часов до восьми гостили. Веселые такие гуляли по парку.

А при входе в наш парк поставлены были два боль-

шие портрета в рост — товарища Ленина и товарища Сталина.

Вечером парк наш в огнях сверкал. Фонарики разноцветные, лампочки красные всюду понавешены были. Прямо горел весь парк.

А народу сколько пришло! Разряженные все, чистые. Молодежь так и ходила стадами. С бубнами, с гармошками, с гитарами. И песни тут и пляски, все сразу. Тут же ларьки и палатки торговали разными разностями: бутербродами, водами, пирожками, конфетами и мороженым.

В двенадцать часов ночи фейерверк богатый был. И ракеты, и бомбы, и мельницы, и бенгальские огни — все принадлежности, уж как полагается. Бомбы разрывные взлетят, разорвутся, из них по пять, по шесть маленьких бомбочек вылетит, те тоже разорвутся, и сыплются звездочки — красные, синие, зеленые, желтые...

При Иокише нас к фейерверкам и близко не подпускали, а тут, пожалуйста, смотри, все под носом. Смотри все, чего хочешь.

☆ ☆ ☆

КОПЕЙКИН Михаил Евстигнеевич

Вот уже шесть лет, как мы живем здесь, в новой квартире.

Сначала я внес сто рублей, потом постепенно выплатил полторы тысячи, а при въезде еще прибавил двести двадцать пять рублей. И вот мне дали квартиру в новом доме, ценную такую квартиру. Семьи у меня было семь человек, и раньше ютились мы сам-восьмой в маленькой комнате шесть на шесть аршин. В коридоре одевались и обувались. Только самая серединочка в нашей комнате оставалась свободна. Только, чтобы пройти. И то двоих детей тут спать на полу клали.

Это было в казарме, которая осталась со времен Иокишей.

Всего у меня было четверо сыновей, две дочери, жена и старуха-матушка, которая померла перед тем, как нам переходить в этот дом.

Сейчас со мной живут одна из дочерей со внуками, жена моя и сын Василий с невесткой.

Сын Вася здесь на фабрике работал бердовщиком, потом окончил фабзавуч, стал инструктором-подмастером. Сделал изобретение — щупалку к суконному станку, получил в премию двести семьдесят пять рублей. Из инструкторов ушел в Красный флот, в военно-морскую школу. Его оставляли на фабрике, но Вася сказал:

— В Красном флоте я нужнее, чем здесь.

Два года он учился и в Финский залив ходил на практику. Потом служил на Дальнем Востоке начальником гаража береговой обороны. Из флота вышел механиком. Сейчас работает механиком в НАТИ — Научном автотракторном институте. Живет при мне же, в отдельной комнате.

Мы очень довольны своей квартирой. Я даже анкеты в РЖСКТ для других рабочих нашей фабрики заполнял, агитировал товарищей за вступление в жилищно-строительную кооперацию.

Ко мне на квартиру экскурсии целые приходили. Любопытничали люди, как я живу, и хотели поговорить со мной лично. Потому что тут однажды был пущен слух, что очень дорого платить приходится за квартиры и потому трудно жить. Будто бы восемнадцать тысяч рублей каждая квартира стоит. Да еще изволь ее отремонтировать за свой счет.

Это просто люди не разобрались, смешали стоимость с паем. Не учли, что государство нам в жилищном строительстве помогает. Кое-кто даже обратно потребовал свой пай.

Тут-то как раз наш дом и заселили. Когда люди поглядели мою квартирку да потолковали со мной, тогда они все сразу обратно паи внесли.

Ведь у меня в квартире целых сорок шесть метров площади. Три комнаты, ванная, уборная, во дворе погреб. Паровое отопление, водопровод, электричество. Ка-

Семья Копейкиных в своей новой квартире.

кие хочешь удобства! Так уж было для нас, для кадровых рабочих, приготовлено.

Вот здесь, в центральной комнате, я живу со старухой. За стол-то все в нашу комнату собираются.

Дочь с мужем живет в первой комнате, от входа направо, а Василий с женой — налево.

Очень хорошо нам живется — и сухо, и тепло, и светло. Потолки у нас высокие, полы ровные. Окна чуть ли не в полстены.

Другим товарищам и с террасками по жребию квартиры достались, а мне хоть и без терраски, да зато первый этаж. Я кур и поросенка себе завел по случаю инвалидства, чтобы не скучать очень, палисадник у меня как раз под окнами.

Разве при царизме получить бы нам такую квартиру? Держи карман шире! Живали мы у Иокишей. Знаем. А теперь у нас самих перед окнами старый иокишевский парк. Это ведь санаторий мне выходит, а не квартира. Кто мимо ни идет, всякий хвалит:

— Ишь, счастливцы! За какие окна забрались...

Повеселиться у нас, верно, можно. Соберемся когда компанией, и чайку попьем, и графинчик поставим. У ребят есть гитара и мандолина, вся музыка налицо.

Я утречком похожу за цыплятами, покормлю поросенка, пройду через парк к фабричным воротам. Там всегда за столами много пенсионеров сидит. Кто в шашки играет, кто газету почитывает, кто так с товарищами беседует.

Ну, посидишь, погуторишь, по парку гулять пойдешь. Вечером в клуб направишься.

Клуб очень хороший у нас. Всегда в нем или собранье послушаешь интересное или постановку посмотришь. А теперь вот и звуковое кино там устроили.

Зимой-то я все вечера сидел в клубе. В библиотеке почитаешь журналы, газеты, в буфете стакан чайку выпьешь.

Не то, что как прежде по трактирам шатались. Большая разница.

А главное самое — сейчас живешь, не нарадуешься. Квартира просторная, воздух хороший, каждый мимо идет — любуется. Пройтись мне есть куда, и развлечься тоже есть чем.

☆ ☆ ☆

ЦЕДИЛИНА Александра Андреевна

Мой отец, забойщик-шахтер, еле умел расписываться, а брат мой сейчас кончает механико-машиностроительный институт.

Я родилась в 1910 году на Побединском каменноугольном руднике, около Скопина, в двухстах пятидесяти километрах от Москвы.

В 1918 году пошла в школу. В 1927 году окончила девять классов, один год проучилась в педагогическом техникуме. Потом я проработала два года учительницей в деревне, помогала организовывать сельскохозяйственную коммуну, была выбрана в члены правления.

Цедилина Александра Андреевна

С 1930 года я нахожусь в Москве. Первый год я работала в Облплане (Областной плановой комиссии) статистиком, потом там же два года освобожденным секретарем месткома. В 1931 году я вступила там в комсомол. В 1933 году меня выдвинули работать начальником сектора текущей статистики.

В ноябре 1934 года райком перебросил меня на работу секретаря комсомольского комитета фабрики имени Петра Алексеева.

Работа моя тут замечательно интересна. Здешние ребята очень активны. В большинстве это дети старых кадровиков. Особенно крепко нам удалось наладить оборонную работу с молодежью и взрослыми. 16 марта 1935 года на районном комсомольском активе мы отмечены в числе четырех лучших предприятий района по степени готовности к обороне.

Сто двадцать человек сдало у нас полностью военно-технические экзамены.

Двести шестьдесят восемь человек охвачено стрелковой подготовкой, пятьдесят человек сдало испытание на ворошиловского стрелка первой ступени, двенадцать готовится к сдаче на вторую ступень, двести девяносто три человека готовятся к сдаче норм ГТО («Готов к труду и обороне») первой ступени и шестьдесят семь человек — второй ступени.

Сто пятьдесят девять человек охвачено занятиями по топографии. Триста тридцать шесть человек занимаются в кружках ГСО («Готов к санитарной обороне»). Двадцать пять человек состоят в планерном кружке и совершили двенадцать пробных полетов. Пятьсот двадцать шесть человек охвачены учебой по ПВХО (противовоздушной и химической обороне) и триста человек уже сдали нормы.

Одна из наших работниц — Муратова — поставила всесоюзный лыжный рекорд среди шерстяников. Активная комсомолка Фролкина готовится к парашютным прыжкам.

Мой заместитель по военной работе — Воробьев, начальник охраны фабрики. Он втянул в эту работу даже стариков из охраны. Константин Мартьянович Чепелев имеет значки ГСО и ПВХО. У Терентия Ивановича Данюкова — значки ворошиловского стрелка, ГСО и ПВХО.

Очень большое внимание мы уделяем и работе с детьми. У нас хорошая школа и активная пионерская организация. Недавно сто наших пионеров выступали на вечере комсомольского актива района с ритмическими танцами. Замечательно они выступили. Как им все хлопали! Пионервожатый Гнусарева, бывшая браковщица, сделалась у нас замечательным гармонистом. На вечере она выступила с игрой на гармони.

Гнусареву мы посылаем учиться в консерваторию, а на работу с пионерами мы выдвинули новую комсомолку, ткачиху. Я вызвала ее к себе в комитет:

— Давай, Танюша, переходи на прекрасное дело — руководить пионерами. У нас отличные пионеры. Им надо обеспечить хорошие каникулы. Начнутся каникулы с 20 марта, а после них ребята будут сдавать зачеты. Организуй им хороший культурный отдых. Свози их на метро, своди в Третьяковку, устраивай им каждый день кино, пройди по домам, посмотри, как живут ребята.

Я рассказала Тане, что недавно в райкоме кто-то из директоров фабрик жаловался на нехватку гвоздей, ставил выполнение промфинплана в зависимость от получения

гвоздей. Товарищ Андреасян пристыдил этого хозяйственника примером наших работниц.

— Ты просишь гвоздей? — сказал товарищ Андреасян.— Обратись на фабрику имени Петра Алексеева. Там Пулина, Рыжова, Смелякова, Титова, Жукова — вот это гвозди. Таких тебе гвоздей нехватает, а вовсе не тех, которые ты просишь.

Танюше это очень понравилось. Я сама в комсомольской работе тоже стараюсь оправдать мнение секретаря райкома о женщинах-гвоздях на фабрике имени Петра Алексеева.

☆ ☆ ☆

ВОРОБЬЕВ Александр Андрианович

Здесь, на фабрике, ходили разговоры, что работать в противогазах ткачам невозможно. Говорили, что брак от работы в противогазах будет, что начнут рваться нитки, а ткачиха этого не увидит. И вот молодежная бригада Иноземцевой взялась доказать, что в противогазах работать можно. Работницы ухватились за это с задором. Я, как военорг фабричного комсомола, занимался с этой бригадой по ПВХО. Мы изучили материальную часть проти-

вогаза, научились его использовать. В дни тренировки бригада училась работать в противогазах. Тренировались мы и в быстром надевании противогаза и в правильном обращении с ним.

14 июня 1934 года в одиннадцать часов сорок пять минут мы приступили к работе в противогазах.

Противогазы бригаде были розданы раньше и находились при рабочих местах. Я дал сиреной сигнал химической опасности. В течение минуты все надели противогазы и продолжали свою работу на ткацких станках. Желание безупречно работать и чувство ответственности за дело проявлялись исключительные. Нитки ни у кого не рвались. Так проработали сначала десять минут, потом тридцать. Работа протекала на редкость гладко, не было ни единицы брака, в то время как у других бригад, работавших без противогазов, брак был. Работа выполнялась отлично. Когда я подал сигнал «отбоя», девчата неохотно поснимали противогазы и просили им разрешить продолжать работу в противогазах. Этот пример убедил весь цех. Толки и пересуды о том, что в противогазах нельзя успешно работать, исчезли.

Бригада получила благодарность от директора фабрики.

☆ ☆ ☆

ЦЕДИЛИНА Александра Андреевна

Половина стахановцев нашей фабрики — молодежь. Инициатор стахановского движения Гурихина Лиза — член комсомола. Я думаю, что комсомольская воспитательная работа во многом содействовала возникновению и росту стахановского движения у нас на фабрике.

Мы строили и строим свою работу прежде всего по линии политического воспитания молодежи. Мы организовали изучение истории партии по первоисточникам. Этим занято у нас двадцать пять комсомольцев. Двухтомники

Ленина есть у половины комсомольцев нашей фабрики. У многих есть шеститомники.

Лучше других над первоисточниками работают Афанасьев, Башинин, Лужникова, Васильев, Потапова.

Потапова недавно была совсем малограмотной, а теперь учится в пятом классе средней школы и самостоятельно прорабатывает статьи товарища Сталина. Дюкова приехала из деревни, окончила тут у нас фабзавуч на «отлично», работает инструктором, учится на курсах пилотов без отрыва от производства.

Это исключительно способные и растущие девушки.

За последние полгода мы провели на фабрике две теоретических конференции. Одну — по Ленину на тему «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата», другую — по Сталину на тему «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов».

Готовили материал задолго. Все участники конференций читали эти произведения. Заместитель секретаря райкома ВЛКСМ по марксистско-ленинской учебе дал нам специальную консультацию.

По первой теме докладчиков было семь, по второй — восемь. На первой конференции присутствовало девяносто человек, на второй — сто одиннадцать. Много пришло беспартийных ребят. Они выступали, и хорошо выступали.

В районе только на трех предприятиях были подобные конференции.

Мы получили за свои конференции от райкома оценку «хорошо».

А на фабрике они возбудили большой интерес к изучению классиков марксизма. Ребята все удивлялись:

— Как просто пишут Ленин и Сталин!

Политическое воспитание мы связывали с художественным и дополняли им.

Заинтересовали ребят классической русской литературой. Поставили тему: «Положение крестьянства по произведениям русских классиков». Взяли «Записки охотника» Тургенева, «Размышления у парадного подъезда», «Мороз — красный нос», «Кому на Руси жить хорошо» — Некрасова, «Мужики» и «В овраге» Чехова. Разбили эти про-

изведения на ряд тем. Дали ребятам готовить доклады на эти темы. Привлекли преподавателя литературы пятой школы Зорину, которая очень много нам помогла.

Эти произведения читались вслух в комсомольских группах, а также индивидуально всей молодежью фабрики. Собирались по выходным дням и читали. Помню, когда я читала вслух «Мороз — красный нос» и дошла до смерти крестьянина, то девчата заплакали, и я сама плакала.

Я очень люблю литературу и читала довольно много русских классиков и нашу советскую литературу. Еще в школе, я помню, мне пришлось участвовать в диспуте по Достоевскому на тему «Преступление Раскольникова с точки зрения социалистической этики».

Мне пришло на ум созвать литературную конференцию молодежи фабрики имени Петра Алексеева.

С каким интересом и напряжением ребята готовились к конференции! И самая подготовка-то очень приятная.

И вот созвали мы конференцию. Пришли к нам гости-комсомольцы с фабрики «Пролетарский труд», «Мосбелье № 2», с завода № 20 и с других предприятий, чтобы позаимствовать опыт.

Конференцию устроили в клубе, в читальном зале. Украсили зал лозунгами, цитатами из речи Ленина на III съезде комсомола, из высказываний товарища Сталина. Зал небольшой, как сельдей в бочку туда набилось. Человек около ста собралось. Было это 17 октября 1935 года, в фабричный выходной день.

К этому дню мы организовали книжную выставку и выпустили фотобюллетень с портретами лучших ударников литературной учебы Воробьева, Потаповой, Дюковой, Афанасьева, Муратовой и Пашинина.

Я открыла конференцию. Сказала, какое значение она имеет и какой интерес пробудила у нас на фабрике. Связала литературу с историей партии и с историей нашей фабрики. Закончила словами товарища Ленина:

«Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество».

Потом я предоставила слово Лужниковой и другим.

Никогда не забуду, как хорошо выступали беспартийные ребята — Маширина и Кувшинов. Кувшинов цитировал наизусть «Кому на Руси жить хорошо».

Герман, комсомолец, рассказывал о Некрасове, рассказывал, какой кровопийца был отец поэта. Привел слова егеря:

— У меня под старость ни одного волоса на голове не осталось — все он у меня на охоте повыдрал.

Афанасьев всех со смеху уморил, когда пересказывал содержание рассказа Чехова «Мужики». Говорит:

— Николай Чикильдеев работал в одной московской гостинице. Потом его сократили.

Тут ребята захохотали из-за того, что он нашими словами сказал о старом.

Пашинин в своем докладе рассказывал, как отразилась в произведениях классиков революционная мысль. Он говорил о Радищеве, о Белинском, о Чернышевском, Некрасове, Щедрине, о Максиме Горьком. Говорил о советской литературе, о съезде писателей, о писателе-орденоносце Николае Островском. Доклад Пашинина был самым лучшим из всех. Закончил он его так:

— Наша советская литература воспитывает в молодом поколении героизм, самоотверженность, любовь к партии, любовь к родине, помогает нам строить социализм.

Он говорил так складно и зажигательно, так хорошо прочел «Буревестник» Горького, что мы слушали, затаив дыхание, и сами себе не верили, тот ли это Митя Пашинин, который четыре года назад пришел к нам из деревни малограмотным парнем.

Да, литературная конференция прошла у нас с большим воодушевлением и оставила на наших ребятах глубокий след.

Сейчас мы готовимся ко второй конференции по произведениям драматурга Островского.

☆ ☆ ☆

СИЛКИН Виктор Сергеевич

К декабрю 1935 года подготовка к противовоздушно-химической обороне приняла на нашей фабрике широкий размах.

Мы, комсомольцы, решили закрепить интерес рабочих к этому делу массовым походом в противогазах.

Маршрутом перехода наметили сорокапятикилометровое расстояние от станции Крюково, Октябрьской железной дороги, до села Никольского на Ленинградском шоссе, в трех километрах от нашей фабрики. Основную часть пути нам предстояло шагать по шоссе, но от станции Крюково до выхода на шоссе было семь километров пересеченной местности — лес и проселок.

28 ноября обсудили вопрос о переходе на заседании комсомольского комитета. Назначили командный состав похода: Воробьева — командиром отряда, Ширкова, Дуброва и Пашинина — командирами взводов. Партком утвердил в политсоставе похода: Силкина — комиссаром отряда, Ярову — политруком и Цедилину — комсоргом. Мы рассчитывали вывести в поход не меньше ста осоавиахимовцев — три взвода, по тридцать три человека в каждом. Возможности проводить организованную массовую трени-

ровку мы не имели. Участники похода работают в трех сменах в разное время, все имеют общественные нагрузки, все учатся.

Но мы наладили индивидуальный инструктаж, выдали каждому участнику похода противогаз на дом, чтобы каждый мог в одиночку тренироваться в длительном хождении в противогазе. Ведь в этом деле тренировка очень важна.

По мере приближения дня похода возбуждение у молодежи росло. Мы знали, что ни одна из производственных комсомольских организаций СССР еще не устраивала такого массового похода и что опыта почерпнуть нам не у кого.

Волновала нас и погода — никак не начинались заморозки. Но мы решили не откладывать своего похода ни при каких обстоятельствах, итти при любой погоде.

4 декабря погода была — размазня. Но приказ уже был вывешен: 5 декабря в шесть часов тридцать минут утра всем собраться у клуба.

Комполитсостав ночевал на фабрике — кто в кабинете директора, кто в суконном отделе. В пять часов утра мы были уже на ногах: проверяли в последний раз на себе противогазы новой системы, совещались по поводу отправления, завтракали. К шести часам утра приехал треугольник фабрики.

Хотя сбор был назначен на шесть часов тридцать минут, но уже к шести часам собрались сто двадцать участников похода вместо предполагавшихся ста.

Построились, проверили явку и разбивку по взводам, провели последний инструктаж и небольшой прощальный митинг. Треугольник пожелал нам успеха. Поезд, который должен был отвезти нас на станцию Крюково, проходил через Петровское-Разумовское в восемь часов тридцать минут утра. Приехали в Крюково, высадились повзводно без суеты, по команде. Построились в общую колонну по четверкам. Зашагали по проселочной дороге от станции к лесу.

У леса остановились, колонна развернулась по фронту. Здесь был зачитан боевой приказ:

— Нашему отряду командованием осоавиахимовского

рабочего полка Октябрьского района приказано выступить со станции Крюково Октябрьской железной дороги к селу Никольское и поступить в распоряжение командира энской части. Обстановка: самолеты фашистской страны поразили отравляющими веществами район Ленинградского шоссе от Крюкова до Москвы. Преодоление местности должно быть закончено к девятнадцати часам тридцати минутам в противогазах.

После чтения приказа одно отделение было послано вперед на разведку. Вслед за ним двинулась вся колонна. Десять минут шли без противогазов. Метров за двести до условно зараженной местности разведчики донесли, что мы входим в зону, зараженную нестойкими отравляющими веществами.

Тотчас же раздалась команда:

— Газы!

Сто двадцать бойцов отряда в одну минуту надели противогазы. Отряд двинулся по «зараженной» местности.

Это было в десять часов пятнадцать минут утра. Погода благоприятствовала походу. Температура воздуха была плюс один градус. Дул слабый левофланговый ветер. Небо облачное, снега не падало.

Сама проселочная дорога была бесснежная, скользкая. В таких условиях мы шли около часу.

Настроение было самое наилучшее. Третий взвод, составленный из одних мужчин, изъявил желание итти, не снимая противогазов, до станции Химки, то есть тридцать пять километров.

Строевой порядок в колонне служил показателем отличного настроения бойцов. Равнение по фронту и в затылок держали очень старательно, так, как держат в Красной армии.

Шагали бодро и весело.

В одиннадцать часов двадцать минут вышли на Ленинградское шоссе.

Сразу в лицо нам подул встречный ветер. Мы имели с собой ветромер и определили им силу ветра: десять метров в секунду.

Для командира вести колонну в противогазах удобно.

Командуешь знаками. Никто не разговаривает. Движется ровная немая колонна. Только шуршит снег.

Пришли в деревню Черная Грязь, где нас встретили представители Октябрьского райкома партии и райкома комсомола. Здесь мы сделали привал в избе-читальне. Настроение было замечательное. Вот, скажем, идет колонна в противогазах — молчание. Пришла, остановилась — молчание. Команда:

— Снять противогазы!

И сразу такое веселье, шум, говор, такой подъем. В избе-читальне сам собою устроился летучий «вечер самодеятельности». Только сняли противогазы — певцы, декламаторы, плясуны сразу оказались на сцене.

Их искусством мы любовались ровно десять минут. Снова команда:

— Выходи строиться!

Шоссе заполнилось нашим полчищем. Провожать нас пришли колхозные старухи и ребятишки.

В четырнадцать часов пятьдесят пять минут, после команды «газы!», двинулись дальше. Этот переход с нами шли тоже в противогазах секретарь райкома ВЛКСМ Хворостухин и его заместитель Кирьянов.

Ветер усиливался, пошел снег, сперва сухой, острый, иглами. Дорога обледенела, ноги у ребят разъезжались.

Отряд продолжал двигаться молча, в противогазах.

Стало темнеть. Темнота и пурга. Ветер сшибал с ног. Среди нас было девяносто женщин и девушек. В такой обстановке они, казалось, должны были бы растеряться. Но вышло не так.

Поддерживая друг друга под руки, чтобы крепче сопротивляться ветру, наши девчата и пожилые женщины упорно шли вперед, соблюдая равнение, не расстраивая рядов. В двух километрах от финиша — села Никольского — ветер с еще большим остервенением налетел на нашу колонну.

Пурга не остановила отряда. Он благополучно прибыл в срок к финишу. Весь сорокакилометровый поход был сделан нами в семь с половиной часов. А ведь шагала не одна молодежь. С нами шли и такие люди, как сорокатрех-

летние ткачиха-стахановка Лизгунова и пожарник Катаев, прядильщица Слепухина пятидесяти лет, уборщица Кузнецова пятидесяти пяти лет.

На месте прибытия нас ждал вкусный ужин. Когда красноармейцы заметили, что наш вспомогательный персонал не успеет к приходу колонны приготовить угощенье для всех, то сами поснимали шинели, понадевали белые халаты и помогли приготовить все во-время.

Вот мы обогрелись, отдохнули, поели. Начались тут пение, пляска, танцы под гармошку вместе с красноармейцами.

Комиссар красноармейской части отнесся к нам с огромным вниманием, окружил наших людей самой теплой заботой, беседовал с ними, расспрашивал, как мы шли. Все остались очень довольны приемом, оказанным нам энской частью.

Оттуда нас всех перебросили домой на фабричных машинах.

☆ ☆ ☆

АФАНАСЬЕВ Михаил Алексеевич

Как я прыгал в первый раз с парашютом? Поднялся самолет на восемьсот метров. Инструктор мне говорит:

— Вылезай!

Я вылез из кабины на крыло самолета. Ветер рвет сильный. Инструктор скомандовал:

— Приготовься!

Я взялся правой рукой за кольцо вытяжного троса, а левой за борт кабины. Стою в шлеме, в комбинезоне, парашют наготове в ранце у меня за спиной.

Резкий ветер. Внизу все маленькое-маленькое. Железнодорожные пути точно карандашом начерчены, речки блещут, автомобили, как букашки, по Ленинградскому шоссе ползают. Стою на крыле и жду с нетерпением. Скорей бы команда. Вдруг инструктор мне скомандовал:

— Пошел вниз!

Крыло покатое, я стоял на ступенечках, левая нога сзади, правая впереди. Прыгнул вперед, «солдатиком», вниз ногами. Все мысли были устремлены на то, чтобы дернуть за кольцо троса. Его и не требуется сильно тянуть, а я рванул его с сокрушительной силой. Как почувствовал себя в полете, рванул.

Только я успел подумать: «Скорей бы раскрылся он!», ка-ак меня тряхнет! Это купол во-всю раскрылся, и меня будто большой-большой дядя взял за шиворот и держит в воздухе.

Как будто остановился я в воздухе, как замер.

Тут я вспомнил указание инструктора осмотреть купол. Купол в порядке был. Вспомнил еще про вытяжной трос. Некоторые, как выдернут его, от волнения выпускают из рук и роняют.

Инструктор предупреждал меня:

— Трос не теряй. Он тридцать рублей стоит!

Я все еще как выдернул, так и держал этот трос за кольцо в вытянутой правой руке, точно хлыстик. Опомнился и спрятал его между лямками запасного парашюта. Пока я без парашюта летел, сам не свой был. Все точно тряслось во мне. А тут уж, когда раскрылся он, я себя почувствовал превосходно.

Такая красота подо мной — лес, речка, шоссе, поля. Толпа стоит маленькая — смотрит, как лечу. Я знаю, что

это наши ребята-парашютисты, ребята рослые, а все-таки думаю:

— Ишь, крошечные какие!

Спускаюсь, лечу по ветру и думаю:

— Пожалуй, разворачиваться пора...

Это значит — для лучшего приземления лететь так, чтобы ветер дул в спину, чтобы земля под меня плыла. Только подумал — заболтало меня. Я весом легкий, и так меня разболтало, что я оказался, как в люльке, как на качелях. Ох, интересно!

Парашют тут, а я от него в стороне почти в горизонтальном положении. Чуть-чуть не наравне с парашютом. И сразу перекачиваюсь в другую сторону, снова вижу купол от себя сбоку. Опасно ведь это, думаю, если так приземляться, то разобьешься о землю...

Давай бороться с этой качелью. Для этого надо притягивать то правые, то левые стропы к стороне, противоположной раскачиванию. Сначала-то тянул невпопад и только содействовал раскачиванию, а потом приспособился и уничтожил болтанку.

Тут уж мне до земли оставалось метров двести, не больше.

Мне еще летать хочется, а земля уже приближается, колхозницы мне снизу руками машут. Они сено возле шоссе сгребали. Я спускаюсь, земля идет под меня. И вижу я, что лечу прямо в лужу, в грязную лужу, из которой мы утром вытаскивали завязший автомобиль.

Воробьев и Дементьева ко мне по шоссе бегут. Я метрах в пятидесяти над ними. Воробьев кричит снизу:

— Да здравствует советская власть! Приземляйся!

А Дементьева кричит:

— Афанасьев! Давай сюда!

И машет мне сумкой, куда парашют складывают. А я думаю:

— Не до вас мне тут... Вот сейчас в лужу сяду.

А посреди лужи увидал я маленький холмик. Лужа была глубокая, а посреди нее островок выдавался. По правилам полагается, когда приземляешься, подтягиваться на стропах и валиться на правый бок. Но в лужу попа-

дать мне уж очень не хотелось. Я сколько мог вытянулся, повис на стропах, оттолкнулся ногами от островка и меня перенесло через лужу. Парашют не потух еще.

И я сухой, и парашют сухой, и лужа благополучно в сторонке. Ребята подбежали, ругаются:

— У тебя на ногах растяжение жил могло быть!

А мне ничего. Я так рад, так рад, никогда такой радости у меня еще не было. Живешь-живешь, по земле ходишь-ходишь, а никогда не испытываешь такого счастья, как в воздухе.

☆ ☆ ☆

КАЛИНИНА Наталья Сергеевна

Отец у меня был пастухом, а брат стал дипкурьер. Мама моя — одна из самых старых производственниц здесь, на фабрике. И ее по отцу до сих пор зовут «Пастушихой». Калинину-то мало кто знает, а «Пастушиху» знают все.

Брату моему сейчас двадцать восемь лет. Тут на фабрике его вырастили и выучили, потом он вступил в партию, кончил рабфак, вуз, попал на дипломатическую ра-

боту. В 1931 году послали его в Китай в наше консульство в городе Чугучаке. Пробыл он там два года и девять месяцев. Вернулся сюда, показывал нам свои фотоснимки и очень интересно рассказывал про Китай.

Брат рассказывал, что народ там живет очень бедно. Пойдешь на базар — из-за нищих шагу нельзя ступить. Голодает там народ сильно, и даже на базаре ничего нет.

Мать наша на сына не нарадуется. Живет он теперь в Ташкенте, работает дипкурьером, летает на аэроплане в Афганистан и Китай.

Мать у нас активистка. Очень у нее старость веселая. В хоре старых производственников участвует и ездит выступать в парк культуры. То и дело домой возвращается в третьем часу ночи. Не старушка молодым все готовит, а мы ей.

☆ ☆ ☆

ВДОВИНА Екатерина Васильевна

Сын у меня летчик. Сейчас вот я расскажу, какое его житье-бытье.

Мы с мужем здешние коренные рабочие. Муж был

красильным подмастером, работал вместе с Василием Петровичем Крынкиным, в 1919 году умер.

Осталась я с пятерыми детьми. Анатолий у меня 1907 года рождения. Мальчик был бедовый, но уважительный. Работать начал здесь на фабрике с двенадцати лет. Тут и вырос, и выучился, и комсомольцем стал. В армию попал в спецнабор, направили его в авиошколу. Мне и карточку за него давали и сорок рублей платили. Он два года учился и стал военным летчиком.

И хвалит же он мне свою армию! Очень с ними хорошо занимаются. Обхождение самое лучшее от начальства. А в особенности с теми, кто интересуется летным делом.

Когда едут на полеты, то рано утром им подают завтрак. На сковородочках жареное кипит-трещит. Для полета и одевают их по-особенному. Сапоги длинные белые и другое разное снаряжение. Одним словом, забота, забота о них первейшая. Как Сталин говорит — забота о людях.

И растут они от этого прямо-таки у всех на глазах. Мой сын очень там начал отличаться по физкультуре. Даже вот мне сюда их маленькую газетку прислал. Там так и прописано:

«Равнение по парторгу Вдовину!
Первое место за ним.

Вчера на соревнованиях парторг, младший летчик товарищ Вдовин по толканию ядра (10 метров 53 сантиметра) и по метанию диска (31 метр 76 сантиметров) занял бесспорное первенство».

Хвалят его в этой газетке не только за физкультуру, но и за партийную работу и за боевую и политическую учебу.

Стало быть, он и вправду хорош. Материнского моего пристрастия нет в этом нисколько. Он сперва на легком истребителе был, а теперь уж на тяжелом корабле — бомбовозе. На командира корабля сдал экзамен.

А ведь мальчиком он рваный ходил, голодный. Работал не покладая рук. Как приедет теперь в отпуск домой, я все спрашиваю его:

— Как ты, Толенька, про нас-то там вспоминаешь ли? Про фабрику-то свою?

Он так мне отвечает:

— Всегда о производстве думаю. Так и посмотрел бы, что у вас тут на фабрике, какие люди, машины, как работаете... А только к семейной жизни меня не влечет нисколько. Одно устремленье — на самолет.

— И не страшно тебе летать-то? Ну-ка фашисты на вас нагрянут?

— Нет, мама, не страшно. Мы и не думаем о страхе-то. Мне и первое время ничего не боязно было, а теперь уж и вовсе. Я сначала за мотор только боялся. Тут вся напряженность, что за мотор ты отвечаешь. А летать что же? Просто кажется, что земля от тебя отходит. В это время ты занят, работаешь, как все равно на фабрике, и не думаешь ни о какой опасности. И фашистов не испугаемся. Сила вся в народе, а народ против них, за нас. Техника наша нисколько не хуже, чем у них, а люди гораздо лучше. Ведь мы — специально подобранные рабочие, трезвые, работоспособные. Мы свою родину защищаем, а они, как разбойники, на нас полезут. На чьей стороне правда-то? И мы готовы дать им отпор по-сталински. Ежечасно, ежеминутно готовы.

☆ ☆ ☆

ПУЛИНА Матрена Ивановна

Я тоже с воздушным флотом знакома. Зазвали меня ребята с собой на аэродром на их парашютные прыжки поглядеть.

Я мужу ничего не сказала, поехала. Глядела, глядела на их прыжки да полеты — захотелось мне самой полетать. Залезла в кабину, самолет поднялся вверх. Сижу я, смотрю, как земля из-под нас проваливается, сама думаю:

— А ну-ка самолет изломается и начнет падать. Что тогда мне делать?

И не успела подумать, как мотор перестал работать. Самолет затрепыхался на месте, того гляди — камнем упадет вниз. Я только и крикнула мужу:

— Прощай, Ваня!

А где ж тут Ваня меня услышит? Он и не знал, что я на аэродром увязалась. Так уж, на утешение себе крикнула.

Сижу ни жива, ни мертва, пальцами в края кабины вцепилась. Смотрю — все надо мною смеются. Это, оказывается, мотор-то перевели на малые обороты нарочно, пока парашютист вылезал да прыгал. Я-то их порядков не знала.

Вот заработал мотор опять, опустились мы благополучно на землю. Комсомольцы обступили меня, кричат:

— Ну как, тетя Мотя, страшно?

— Спервоначалу, говорю, шибко страшно, но только этот страх преодолеть нам приходится. Ну-ка, завтра партия скажет: «Пулина! Лети на разведку». Что ж я партии отвечу: «Боюсь»? Нет, я не отвечу «боюсь», а без всяких прений полечу. Для того я теперь накопляю опыт.

Ребята меня качать!

Вернулась домой, рассказала Ване про свой полет. Он мне этого полета не забывает. Как раньше, бывало, какую-нибудь картинку надо прибить повыше — он лезет. А теперь только скажешь ему:

— Ваня! Влезь-ка на стол перевесить картину. Мне, мол, высоко там, голова кружится, — обязательно огрызнется:

— Тут высоко, а на самолете в облаках не высоко? Нет, залезай сама!

☆ ☆ ☆

ТИТОВА Татьяна Степановна

Я была делегаткой двух съездов партии: пятнадцатого и семнадцатого. На семнадцатом съезде московская делегация выделила меня приветствовать демонстрантов. Дело в том, что очень много делегаций рабочих просило раз-

решения приветствовать съезд. Это слишком затянуло бы съезд. Вот Политбюро и решило вместо этих приветствий устроить общемосковскую демонстрацию.

Мы, делегаты, даже не знали, что предполагается демонстрация. Идем утром на заседание, смотрим — Красная площадь песком посыпана. Думаем:

— Видно, что-нибудь будет...

А сами толком не знаем.

После утреннего заседания Никита Сергеевич Хрущев мне сказал:

— Мы, московская делегация, выдвигаем тебя приветствовать съезд от лица московских работниц и колхозниц.

Еще выделили одного парня — железнодорожника.

Съезд разместился перед демонстрацией на трибунах, а нас проводили на мавзолей. Тут же вышло на мавзолей и Политбюро: товарищи Сталин, Молотов, Каганович, Киров, Ворошилов, Калинин и остальные.

Товарищ Сталин поздоровался с нами, пожал нам руки. Другие товарищи тоже здоровались. Когда Политбюро показалось на мавзолее, то грянули аплодисменты и крики:

— Ура-а-а!

Потом стало тихо.

Товарищ Киров открыл парад коротким приветствием. Выступил товарищ Каганович. Выступил делегат железнодорожников. Предоставили слово мне от работниц и колхозниц Москвы.

Эта демонстрация транслировалась по радио. Громкоговорители по всей площади повторяли мои слова. И не только по площади, а и по всему свету. Наши на фабрике меня слушали.

Ну, и что же я тут сказала?

Сказала, что мы, московские работницы и колхозницы, очень счастливы приветствовать лучших людей не только Советского Союза, но и всего мира — делегатов семнадцатого партсъезда. Сказала, что мы индустриализировали свою страну и коллективизировали сельское хозяйство, чему партийный съезд и подвел итоги. Что у нас все сильнее развиваются детские учреждения, школы и вузы. Там, за рубежом, закрываются, а мы все новые открываем.

Потому что нам нужно еще больше осваивать нашу технику.

И тут я сказала, что мы осваиваем ее не только на земле, но и под землей — строим метро, и на воде — строим канал Москва — Волга, и в воздухе — путешествуем в стратосферу.

И сказала, что приношу глубокую благодарность от лица всех работниц и колхозниц Московской области нашему дорогому вождю и учителю товарищу Сталину, который не только дает нам, трудящимся женщинам, хорошую жизнь, но и учит нас управлять государством, растит нас.

Ну, поприветствовала и кончила.

Товарищ Сталин опять пожал мне руку, благодарил меня. И товарищ Ворошилов тоже пожал мне руку. Я отошла в сторонку.

Товарищ Сталин вдруг говорит:

— Ты что отошла? Иди, иди сюда, наперед.

И вытащил меня перед всеми.

Тут мы с товарищем Ворошиловым говорили. Он еще перед митингом объехал войска, принял все рапорты и теперь стоял вместе с нами на мавзолее. В тот созыв Моссовета он был избран от нашей фабрики. Я ему заявила:

— Товарищ Ворошилов! Все-таки ты нам что-то должен.

Он спрашивает:

— Как так?

— Наши работницы очень просят, чтобы ты у нас выступил. Потому что ты от нас член совета.

Рядом стоял товарищ Сталин, слышал наш разговор и говорит ему:

— Раз работницы тебя просят, Клим, ты должен обязательно у них выступить.

Тогда Ворошилов мне сказал:

— Я сейчас очень занят, а потом вы сговоритесь со мной, и я приеду.

Тут что же? Демонстрация мимо мавзолея идет, колонны всю площадь заполонили. Лозунги, портреты, плакаты, красные знамена несут. Всякие модели, фигуры движутся... Мороз нипочем! Радость.

Мы лозунги с мавзолея кричали, а демонстранты подхватывали:

— Ура-а-а!

Постоим-постоим, Киров возьмет меня за рукав, засмеется:

— Ну, тетушка, кричи еще лозунг!

Он меня все тетушкой называл, так, шутя.

Больше всего кричали лозунги Киров и Кульков, теперешний второй секретарь Московского комитета.

Я старалась понемножку отступать за их спины, а товарищ Сталин все на меня:

— Что ты назад прячешься?

Возьмет меня за руку и вытащит наперед. Раз десять вытаскивал.

Мне неудобно. Масса идет демонстрацией, хочет вождей смотреть, а Иосиф Виссарионович меня показывает.

И вспомнилось мне тут прежнее время.

В 1910—1911 годах у нас на фабрике созывались первые кооперативные потребительские собрания. Женщин на эти собрания не пускали — баба не считалась за человека. А любопытство-то развивалось у нас, инстинкт все-таки подпирал. Вот пойдешь в кубовую, подставишь оттуда лестницу и украдкой слушаешь через форточку, что говорится в зале...

А теперь я стояла на самом почетном месте во всей земле, рядом с вождем трудящихся всего мира, и народ нас приветствовал демонстрацией...

☆ ☆ ☆

Отв. редактор *Н. Егорьева*
Техн. редактор *В. Борисов*

Мособлгорлит № Б—654
Тираж 10000 экз. М. Р. № 170
Сдана в производ. 4 августа 1936 г.
Подписана к печати 8 февраля 1937 г.
Об'ем 20 печ. листов
Кол. букв. зн. в 1 печ. л. 36700
Формат 82×110 1/32
Зак. 141
Цена 6 руб. Переплет 1 р. 50 к.

1-я тип. Мособлполиграфа.
2-я Рыбинская, д. 3.